

ПИОНЕР 8

1986

Владимир СТЕПАНОВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Подмосковья

В родном краю

Запела птица,
Но не смело,
Как будто тронула струну.
Она, наверно, не хотела
Тревожить утром тишину.

Не бойся!
Пой смелее, птица.
Ведь ты поешь
В родном краю,
Где так прекрасно пробудиться
Под песню звонкую твою.

Август

Рожь скосили на рассвете —
Тише сделалось вокруг.
Даже кажется, что ветер
Убежал куда-то вдруг.

Прошуршит по полю мышь,
В норку спрячется и — тишь.

Только слышно иногда,
Как за лесом где-то
Долгим эхом поезда
Провожают лето.

Зеленые слова

Березовые ветки,
Зеленая листва.
Шуршат вокруг беседки
Зеленые слова.

В дождливую погоду
И в солнечные дни
То тише,
То слышнее —
Всегда шуршат они.

Поссорюсь я с друзьями,
От мамы попадет —
Я пошепчусь с ветвями,
Глядишь, и все пройдет.

Березовые ветки,
Березовая тень.
Беседую в беседке
Я с ними каждый день.

И все-то понимают,
О чем их ни спрошу,
Хотя и отвечают
Всегда одно —
«ШУ-ШУ».

Городские тополя

Там, где мчат автомобили,
Дружно шинами пыля,
Поздним летом загрустили
Городские тополя.

Загрустили, опустили
Ветви к жаркой мостовой.
Видно, вспомнили, как жили
У реки, в стране лесной.

Я прошу вас, не грустите,
Что живете не в лесу,
Вы возьмите, окуните
В облака свою листву.

Словно струны распрямите
Ваши ветви надо мной.
И в окошко постучите
Музыканту в час ночной.

Пусть возьмет он скрипку в руки,
Проведет смычком по ней,
И сольются вместе звуки
Скрипки, листьев и ветвей.

Дворник выйдет на рассвете
И услышит в тишине,
Как поют лесные дети
О своей лесной стране.

Ветка яблони

Можно яблоко с ветки
Сорвать
И уставшую ветку
Сломать.
Можно яблоко снять
И вдруг —
Ветку выпустить птицей из рук...
Зазвенит она в тишине,
Расцветет она по весне.

Журавли

Пропадая в поле где-то,
Паутинкой тает лето.

Ходят лугом журавли,
Не касаются земли.

Рисунок А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

В. СТОРОЖЕНКО

Паруса ускорения

Если вы читаете газеты, смотрите телевизор, слушаете радио, ходите в кино, то, конечно, догадываетесь, о чем пойдет сейчас речь. Верно — об ускорении. Но не об ускорении, которое вы изучаете на уроке физики, а об **ускорении социально-экономического развития страны — главной стратегической задаче на период до 2000 года.**

Что же означает это ускорение, и для чего оно понадобилось? И почему его называют стратегической задачей?

Давайте попробуем выяснить вместе.

Ученые заметили: сегодняшние дети и подростки растут и развиваются быстрее своих сверстников в предшествующих поколениях. Слово «акселераты» (от латинского acceleratio — «ускорение») вошло в жизнь. До нашего слуха то и дело доносится: «Одна акселератка из шестого класса приемом дзюдо уложила взрослого хулигана», или: «Ну и акселераты собрались во втором классе — в теории множеств разбираются...»

Слова «акселератор», «акселерация» употребляются и во многих других смыслах. Про акселератор в автомобиле многие, наверное, слышали: нажал на педаль — автомобиль разгоняется. Чем больше горючего подается в цилиндры двигателя, тем быстрее летит машина по шоссе, быстрее крутятся колеса.

И в экономике есть показатель, который так и называется — акселератор. Это коэффициент, который показывает, как ускоряется прирост национального дохода в зависимости от вложенных средств в развитие народного хозяйства.

Что такое национальный доход?

Если сложить стоимость всего, что создано в государстве за год, мы получим **совокупный национальный продукт.** Если вычесть из этого продукта стоимость израсходованных на его получение средств, мы получим в остатке лишь прибавку, созданную трудом людей за год — вновь созданную стоимость, как говорят экономисты. Эта прибавка и есть **национальный доход** — самый главный обобщающий показатель экономического развития страны. Чем больше национальный доход, тем больше возможностей для ускорения, тем больше и само ускорение.

...Вспомните Робинзона. Он хотя никогда и не слыхал о коэффициенте акселерации, но неосознанно пользовался им в своих расчетах.

Вот собран долгожданный урожай (как бы «национальный доход»), выращенный из немногих зерен. Надо делить зерно на еду и на семена для будущего урожая. Задача. Можно посеять столько же, сколько и в прошлом году, и получить такой же урожай. Тогда никакого ускорения, никакой акселерации, никакого улучшения жизни у Робинзона не

XII пятилетка — пятилетка ускорения

произойдет. А он хочет, естественно, с каждым годом жить все лучше и лучше.

Можно попробовать такой вариант: оставить на будущий год для еды столько же зерна, сколько оставили в этом году. Остальное пустить на семена. И еще через год поступить так же — оставить для еды столько же, а на посев — все остальное. Но жизнь Робинзона и в этом случае не улучшится. Хотя прирост зерна будет все время ускоряться, количество зерна, попадающее на стол Робинзону, останется неизменным, уровень жизни его не повысится.

Наилучшим оказывается третий вариант. Увеличивается количество зерна, оставляемое на семена, но увеличивается из года в год и потребляемая в пищу часть урожая.

ФОНД НАКОПЛЕНИЯ

ФОНД ПОТРЕБЛЕНИЯ

Робинзон был человек терпеливый и благоразумный. Вспомните, как методично, из года в год он улучшал свою жизнь.

Так и в нашем хозяйстве. За год в стране выпускается множество разнообразных товаров. Вся продукция и все услуги населению делятся на две части. Одна образует фонд потребления, другая — фонд накопления. **Фонд потребления** распределяется между всеми членами общества. Люди покупают еду, одежду, мебель, книги и другие нужные им вещи, пользуются разными услугами. А **фонд накопления** расходуется в основном на строительство новых заводов, фабрик, шахт, дорог, на все, что необходимо для производства.

Возникает важный экономический вопрос: какой фонд должен быть больше — потребления или накопления?

Если бы общество «съедало» все, что производит, не оставляя ничего на новое строительство, производство сразу перестало бы расти. Жизнь в стране стала бы ухудшаться, потому что количество людей все время растет, им нужно все больше вещей и продуктов. Но если бы весь доход шел в фонд накопления (как зерно у Робинзона, оставленное на семена), то от этого страдал бы фонд потребления. Люди бы работали, а жизнь их не улучшалась бы.

В первые пятилетки приходилось зачастую хозяйствовать по правилу: чтобы нашим детям жилось лучше, затянем пока что пояса потуже, будем больше строить.

Шли годы. Доход государства вырос. Стало возможно быстро увеличивать фонд потребления. Теперь он в четыре раза больше фонда накопления. Но оказалось, что скорость роста фонда накопления недостаточна. Из-за чего и затормозилось обновление производства на заводах и фабриках, снизился рост национального дохода. Если так пойдет дальше, развитие советской экономики не только не ускорится, но даже замедлится.

Допустить этого, естественно, нельзя. И поэтому решено резко ускорить темпы роста национального дохода, то есть сделать все возможное, чтобы уже знакомый нам акселератор заработал на полную мощность. Это с одной стороны.

А с другой, экономисты признали необходимым пересмотреть соотношение между накоплением и потреблением: накопление должно расти быстрее. Затем долю накопления можно вновь несколько снизить, а долю потребления увеличить. А пока нам нужен рывок, нужны средства для

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»

обновления экономики. Эту экономическую политику XXVII съезд КПСС и назвал «стратегией ускорения».

Только не надо думать, что фонд потребления при этом уменьшится. Уменьшится доля накопления в национальном доходе. А это, как вы понимаете, величина относительная. Абсолютная же величина фонда потребления вырастет. За счет экономии, лучшей работы, роста производительности, качества товаров общий его объем в XII пятилетке увеличится до 74 миллиардов рублей по сравнению с 55 миллиардами в XI пятилетке. Прибавка — 19 миллиардов! Эти-то 19 миллиардов и пойдут на повышение зарплаты, улучшение жилья, транспорта, образования, сферы быта и отдыха трудящихся.

Однако вернемся к ускорению. Почему оно необходимо?

Не надо думать, что ускорение нам необходимо потому, что мы добываем мало топлива, сырья, выплавляем мало металла. Нет, в этом деле мы превзошли весь мир. Но мы не научились еще расходовать эти ресурсы экономно.

Ускорение нам необходимо и не потому, что мы в недостаточном количестве выпускаем обуви, одежды. По объему выпуска этих изделий Советский Союз обогнал самые развитые страны мира. Но одного количества сегодня мало. Нужно качество. Мы приходим в магазин, вглядываемся в товары, шарим глазами по полкам: качественных товаров не хватает. Дефицит. Их расхватывают в первую очередь.

То же самое можно сказать и про автоматические линии, обрабатывающие центры, роботы... По количеству мы их производим вполне достаточно. Но вот по качеству — увы! Да и обслуживать их экономно и эффективно еще, к сожалению, не научились...

Теперь, я надеюсь, вы поняли, для чего нам необходимо ускорение? Для того, чтобы обновить производство, быстрее выйти на новые рубежи техники и технологии, поднять эффективность производства... А в конечном итоге ускорение необходимо для людей, для их жизни, материального благополучия, духовного развития, ради их безопасности в беспокойном сегодняшнем мире, для улучшения условий их труда, быта, отдыха...

И все же, мне кажется, что не все затронутые нами вопросы стали для вас исчерпывающе понятными. Почему? Да потому, что для понимания экономических вопросов надо получше познакомиться с наукой экономикой. Именно этим мы сейчас и займемся.

«Закон домохозяйства»

Слово экономика происходит от греческих слов «ойкос» — «дом», «домохозяйство» и «номос» — «закон». А вместе — «закон домохозяйства». Экономика — это мир, созданный трудом человека: дома, дороги, станки, магазины, сады, институты, газеты, корабли, тарелки, телевизоры, заводы... Мир, в котором мы живем, который нас окружает. Все это экономика. Понятие многоликое: хозяйство — экономика, наука, которая его изучает, тоже называется экономикой.

Кое-кто по наивности считает: «Экономика экономикой, а я сам по себе. У экономики своя выгода, у меня своя». Но экономика штука хитрая! В ней все взаимосвязано.

Если, например, один приписал себе больше, чем сделал, и получил в зарплату больше денег, чем следовало, второй «потерял» в кювете железобетонную панель, стоимость которой превышает стоимость полированного платяного шкафа; третий, вставляя раму, по небрежности побил стекла; четвертый подвез «левый» груз на государственной машине; пятый прихватил с завода какой-нибудь диод, или триод, или еще какую-нибудь «мелочь»; шестой в рабочее время в своем институте сражался в шахматы, — то не ждите скорого изобилия. И не удивляйтесь, что в магазинах не хватает товаров, что трудно с жильем, что не достать путевки на курорт...

Чудес в экономике не бывает. МЫ ПОТРЕБЛЯЕМ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ПРОИЗВОДИМ. А от обмана, мелкого жульничества, халтуры, безалаберности, головотяпства, от наплевательского отношения к делу мы **все** становимся беднее. Недобросовестность, словно бумеранг, обязательно вернется к нам и ударит с той стороны, откуда и не ждали, — вот о чем говорит экономическая наука.

Экономия бывает разной. Различают простую, «естественную» экономию — бережливость. Это черта любого разумного человека, противника расточительства и бесхозяйственности.

Бережливость не приходит сама собой. Ее прививают с

детства. Это элементарное человеческое свойство побуждает нас делать простые и очевидные вещи: заткнуть дырку в кузове, починить кран, выключить свет, накрыть минеральные удобрения от дождя... Думаю, что самые простые, полезные и понятные без науки дела дают государству в сумме миллиарды. Это азы экономии.

У тактики экономии задачи посложней. Как снизить норму расхода, какое оборудование установить, какую технологию предпочесть? Рабочий-рационализатор, изобретатель, ученый-технолог, проектировщик, конструктор — все они решают тактические задачи экономии.

Стратегия экономии определяет наши главные цели и задачи, кратчайшие пути движения вперед при минимальных затратах народных средств.

И есть еще лжеэкономия, которая иной раз трудно отличима от настоящей экономии. Лжеэкономию получают, например, когда копеечная польза очевидна, а миллионный ущерб возникает позже. Поэтому на любом своем уровне экономика должна уметь считать, предвидеть и прогнозировать.

И напрасно некоторые из вас считают, что экономика — наука скучная, «бумажная, чернильная». Она — сама окружающая нас жизнь. А разве жизнь может быть скучной? Надо только научиться ее видеть и понимать.

«Белые пятна», оказывается, можно искать не только в самом себе, в своих знаниях, в своих чувствах. Не знаю, что приятнее: открывать «белые пятна» или «закрывать» их, но и то, и другое делать очень трудно. Для этого надо идти, не останавливаясь, по ступеням бесконечной лестницы познания вверх. Это требует усилий, воли. Надо заставлять себя, может быть, надо просто привыкнуть идти вверх. Ведь чем выше поднимаешься по ступенькам познания, тем дальше и больше видно все, что происходит в мире.

Конечно, легче остановиться на первой же лестничной площадке, убедить себя, что это и есть твоя вершина, твой рубеж, а дальше — «пусть идут другие». Думать так — значит, добровольно обречь себя на отсталость.

Современный человек должен, просто обязан ориентироваться в экономических вопросах. Экономические знания придадут особенную остроту его взгляду, кругозору, а без них ему не избежать ограниченности.

Да, наука и техника творят чудеса... Но не надо думать, что одна современная техника решит все проблемы. Даже экономические соображения: «выгодно — невыгодно» — только полдела. Тем более что «выгода» для себя и «выгода» для государства — для многих еще понятия несовпадающие.

Рабочий, взявший более трудное, «невыгодное» задание и сработавший его «на совесть», бригадир, добровольно перешедший в отстающую бригаду, ученый, в ущерб здоровью проводящий бессонные ночи, чтобы скорее создать нужную стране технику,— все они бескорыстные труженики. Они действуют не ради личной выгоды, а по долгу совести. А если посмотреть еще глубже, то окажется, что **экономия сродни совести.** Кто-то из экономистов метко определил эту ситуацию: будет богаче страна — будем лучше жить мы все. Попытки решить задачу с другого конца (если, мол, каждый будет ловчить и добиваться улучшения для себя, то всем будет лучше) в социалистической экономике могут привести только к обратному результату: всем будет хуже.

Но как добиться улучшения жизни, в чем главный секрет развития экономики? Будем разбираться дальше.

Как государство богатеет?

Представьте себе кабинет прошлого века. Старинный стол, рукопись «Евгения Онегина», рядом томик Адама Смита. Гусиное перо быстро выводит на листе:

...Он был глубокий эконом,
то есть умел судить о том,
как государство богатеет...

А вы умеете судить о том, как государство богатеет?..

Люди издавна научились заботиться о своем хозяйстве. Наверное, это были первые заботы, с которыми они встретились. Если бы не хозяйственные нужды, о которых некоторые говорят с легким пренебрежением, не развивались бы так бурно науки: математика, физика, биология и даже география. Открывателей новых земель двигала вперед не столько романтика, сколько стремление к установлению торговых связей, к завоеванию новых рынков, захвату земель, богатой добычи...

Известно, например, что действие умножения появилось лишь с развитием земледелия. Небезызвестную теорему Пифагора задолго до Пифагора знали и применяли вавилоняне. С ее помощью они вычисляли количество зерна, нужного для засева поля, рассчитывали размеры строящих-

Рисунки А. БОРИСОВА.

ся сооружений. Архимед сделал свои замечательные открытия, заботясь о процветании родного города Сиракузы.

Для того чтобы выбрать нужную вещь, сопоставить ее ценность с другими, уже в древности люди научились оценивать варианты. Иначе было бы невозможно обмениваться продуктами, одеждой, украшениями...

Во времена Троянской войны сопоставления вариантов производились вполне четко. Откроем «Илиаду»:

Третьи призы Ахиллес после этого вынес, данайцам
Их показавши,— призы за борьбу, сопряженную с мукой.
Первый приз — треножник большой для огня. Тот треножник
Между собою ахейцы в двенадцать быков оценили.
Для побежденного мужа он женщину вывел, в работах
Многих искусную; эту в четыре быка оценили...

Как видим, 1 медный треножник=12 быкам=3 рабыням.

Со времен Гомера прошло больше трех тысяч лет. Все изменилось. Что-то я не встречал «больших треножников для огня». И с волами нынче плохо. Но предметы меняются, а сущность остается. Равенство совершенно различных вещей, возможность их сопоставления — явление загадочное, не зависимое от времени, стран и континентов.

Древний земледелец рассуждал так: «За эту шкуру я должен отдать охотнику три мешка зерна, а за эту — четыре. Но я лучше возьму шкуру за четыре мешка, потому что ее можно проносить в два раза дольше. Вот если бы охотник согласился отдать более дешевую шкуру не за три мешка, а за два, я бы, пожалуй, выбрал ее, а остальное зерно выменял еще на что-нибудь».

Вы приходите в магазин. Допустим, вам нужно купить ботинки. Вот ботинки за тридцать рублей, а вот за двадцать — похуже. Вы раздумываете: что лучше? «За тридцать — дороже, но они красивее и дольше послужат; за двадцать — дешевле, да скорее развалятся, придется ремонтировать или раньше покупать новые. Нет,— решаете вы,— лучше я возьму за тридцать. Если бы двадцатирублевые стоили не двадцать, а десять, я бы, пожалуй, взял их. Тогда бы я сэкономил деньги на что-нибудь другое».

Чувствуете? Прошли тысячи лет, все изменилось на земле, но суть этих рассуждений одинакова. Подобные рассуждения и есть экономическая оценка вариантов.

Оказывается, наш древний землепашец и вы в магазине, сами того не подозревая, решали одну и ту же экономическую задачу. Правда, очень примитивным способом.

Не оценив свои товары, люди не смогут обмениваться, торговать. Они не смогут экономить! Но спрашивается: как люди определяют, что сколько стоит?

Проще всего предположить, что все дело в ценности, полезности обмениваемого товара.

Ну, например, стоимость коровы должна быть раз в десять больше стоимости овцы, потому что от одной коровы можно получить мяса, как от десятка овец. Большая медвежья шкура будет в несколько раз дороже барсучьей. Гусь, которым можно накормить немалую компанию, конечно, дороже курицы, а щука по той же причине дороже самого премудрого пескаря.

И все-таки такое предположение неверно. Оно подходит лишь для некоторых, схожих по своему назначению товаров. А как быть, если приходится оценивать для обмена корову и медвежью шкуру, щуку и удочку, пескаря и березовое полено? Как определить, что полезней?

Непонятно. Каждая вещь полезна по-своему. И тем не менее люди даже тысячи лет тому назад довольно уверенно определяли стоимость.

Боюсь, вы можете подумать: «Что говорить о диких, необразованных предках. Мы-то знаем сегодня, сколько стоят разные вещи: мясо говяжье — два рубля кило, треска — семьдесят копеек, хорошая удочка — два пятьдесят. Сколько стоит медвежья шкура, тоже нетрудно узнать — в комиссионном магазине или в каком-нибудь справочнике».

Это, конечно, правильно. И все же для того, чтобы ответить на вопрос, стоящий в начале главы, нам необходимо для начала разобраться: как определяется стоимость вещей, от чего она зависит? Почему дом стоит миллион рублей, грузовик — десять тысяч, а стакан газированной воды без сиропа — одну копейку?

Поэт Андрей Вознесенский говорит:

...Восхищайтесь синевой рублевской,
Но не забывайте, грезя о потомках,
Почему колготки семирублевые
Стоят ровно столько, сколько кофемолка?

Как видите, такая проблема волнует даже поэтов.

Давайте обследуем только что построенный дом. Пройдем по его этажам, осмотрим квартиры. Мы увидим, как расположены комнаты, кухни, балконы, какова их площадь, из чего сделаны стены дома, крыша, полы, разное оборудование. Но нигде не найдем даже намека на стоимость дома.

Возьмем грузовик. Можно исследовать его со всех сторон, определить скорость, грузоподъемность, расход бензина, можно разобрать грузовик по винтику на части, но стоимость мы не обнаружим.

То же и с газировкой. Выпей хоть тысячу стаканов, а секрета стоимости газированной воды не открыть.

Ученые утверждают, что список всех нужных людям вещей — продуктов, одежды, разных инструментов, машин, материалов — состоит не из тысячи, не из ста тысяч и даже не из миллиона, а из двадцати пяти миллионов наименований! Но что общего между всеми этими 25 миллионами видов товаров? Между ботинком и простоквашей, трамваем и горчицей, курятником и космодромом, мухобойкой и клеткой для слона?

Оказывается, есть у них общее свойство — **стоимость.** Его изучает наука экономика. Правда, свойство непростое, на взгляд неискушенный — невидимое, неуловимое.

Вопрос о стоимости и в самом деле непростой. Над ним люди бились во все времена человеческой истории.

Многие ученые споткнулись на этом каверзном вопросе.

Часто давался уже знакомый нам ответ: ценность вещи определяется ее полезностью. Чем нужнее вещь людям, тем выше ее стоимость.

Но тогда почему же столь полезная вода, без которой человек не может существовать, имеет такую низкую стоимость, а драгоценности, польза от которых ничтожно мала, столь дороги?

Этот вопрос досконально разобрал знаменитый английский экономист XVIII века Адам Смит.

Смит написал книгу «Исследование о природе и причинах богатства народов». Эта книга принесла автору всемирную славу. В конце XVIII — начале XIX века всякий культурный человек знал «Богатство народов». Поэтому и пушкинский Евгений Онегин «...читал Адама Смита».

Адам Смит считал, что ценность вещей определяется количеством затраченного на их изготовление человеческого труда. Больше затрачено труда — больше стоимость, меньше труда — меньше стоимость. «Создание богатства — это продукт труда всех трудящихся, бесплодны только бездельники», — пишет Смит.

Пушкин хорошо знал теорию Смита. А Смит говорил: «Истинное богатство страны состоит не в деньгах, а в землях, строениях и всякого рода предметах потребления. Его источником является труд».

Вот, оказывается, как государство богатеет: трудом.

Проследим же, каким образом в труде рождаются вещи.

Посмотрите внимательно на свой костюм.

Что особенного? Костюм как костюм.

Ошибаетесь. Это необыкновенный костюм. Если он шерстяной, то еще совсем недавно он гулял где-то в предгорьях Кавказа, а если хлопчатобумажный — рос под жарким солнцем Средней Азии. Вы понимаете, о чем идет речь?

Для шерстяного костюма надо прежде вырастить овец, а для хлопчатобумажного — возделать поле, собрать хлопок.

Затем шерсть или хлопок надо очистить, спрясть нити, изготовить ткань, окрасить ее и, наконец, на швейной фабрике или в ателье сшить костюм.

Над каждым костюмом трудились пастухи, хлопкоробы, прядильщицы, ткачи, красильщики, портные, продавцы, люди многих специальностей.

А машины — прядильные, ткацкие, швейные? Их тоже надо было изготовить. Тут поработали машиностроители.

А сталь, чугун, цветные металлы для машин? Их выплавляли металлурги... Обыкновенная школьная форма не рыцарские латы. Тем не менее и в ней немало металла, угля, электричества.

Иногда приходится слышать: «Зачем столько труда тра-

тится на добычу угля, выплавку металла, изготовление машин — вещей несъедобных и в обиходе ненужных? Лучше побольше выпускать нужных для населения товаров».

Если как следует не подумать, то может показаться, что планирование действительно допускает ошибку.

А если подумать?

Если подумать, то окажется, что за завтраком ты съедаешь полкило угля, выпиваешь стакан нефти, безболезненно проглатываешь увесистый кусок стали и еще множество других явно несъедобных вещей.

Не верите? Давайте посчитаем.

В стране выплавляется 150 миллионов тонн стали в год. Больше 500 кг на человека. В расчете на день — 1,5 кг. Угля — в 4 раза больше: 6 кг угля в день. Так что полкило угля на завтрак — это по самым скромным подсчетам.

Что еще? Почти полканистры нефти в день, баллон газа, лесоматериалы, кирпичи, удобрения, всего не перечесть.

Экономисты говорят: в создании любой вещи участвует труд рабочих, которые сейчас, сегодня стоят у станков (это живой труд), и труд, который рабочие затратили когда-то (это прошлый, или овеществленный, труд — он существует в готовых вещах).

Тому, кто внимательно прочел это рассуждение, станет ясно, что любая вещь в конечном счете содержит лишь человеческий труд, преобразующий природу на благо людям.

Теперь с помощью Адама Смита мы узнали, чем богатеет государство. Но почему же тогда на протяжении веков те, кто трудился не покладая рук — рабочие, крестьяне — как раз не богатели, а, наоборот, проживали в нищете? На этот вопрос ответил Карл Маркс.

Das Kapital

...В то самое время, как семь некрасовских мужиков из Неелова, Горелова и других окрестных деревень Пустопорожней волости отправились по столбовой дороженьке выяснять трудный вопрос: «Кому живется весело, вольготно на Руси?», среди революционеров в России распространилась книга, которая сильнее любой другой повлияла на судьбу человечества: «Das Kapital».

Больше ста лет прошло со дня издания на русском языке «Капитала» — гениального труда Карла Маркса.

Царский цензор, листая толстый том «Капитала», крепко задумался: разрешить или запретить книгу? Наконец милостивое разрешение было дано. «Ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее», — написал цензор.

Если бы только знал царский чиновник, какую он совершил ошибку! Опасное оружие передал он в руки угнетенным!

«В России... «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было...» — написал К. Маркс в 1880 году.

После Великой Октябрьской революции «Капитал» Карла Маркса издавался в нашей стране 200 раз! Миллионы людей читали эту книгу и находили в ней ответы на самые важные жизненные вопросы: что такое богатство и бедность, что такое труд и эксплуатация, что такое капитализм, социализм, классы, революция...

Нельзя сказать, что до Маркса борьба угнетателей и угнетенных не занимала умы людей.

Томас Мор, к которому английский король Генрих VIII сначала настолько благоволил, что сделал его в 1529 году лордом-канцлером, а затем все-таки казнил, обвинив в государственной измене, написал труд, прославивший его на века: «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии».

Герои Мора презирали богатство. У них не было частной собственности. В государстве Мора труд — обязанность всех. Поэтому герб его украшали символы труда: серп, молот и колосья.

«Утопия» есть слово греческое: «у» по-гречески значит «не», «топос» — «место». Утопия — место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка» — так объясняет В. И. Ленин, что такое утопия.

Если Мору было далеко до воплощения своих идей, то француз Шарль Фурье и англичанин Роберт Оуэн, также презиравшие богатства и эксплуатацию, попытались тремя столетиями позже на практике создать справедливое общество трудящихся.

Сторонники Фурье организовали несколько поселений — трудовых «фаланг», в которых все богатство, все доходы распределялись между всеми трудящимися.

Роберт Оуэн объявил о создании «Обменного банка, действующего на основе справедливости». Любой человек мог без денег получить у банка нужные ему вещи — продукты, одежду, инструменты, но должен был взамен оставить сделанные им товары.

Недолго просуществовали фаланги Фурье и оуэновский банк. Фаланги распались, не выдержав конкуренции с окружающим капиталистическим миром.

И обменный банк не мог в этом мире существовать «по справедливости». В нем накопилась масса никому не нужных товаров, в то время как нужные быстро разошлись. Оуэну пришлось закрыть свой банк.

В. И. Ленин называл Фурье и Оуэна утопическими социалистами. Утопия, как вы помните, — место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка.

Утописты мечтали о светлом, счастливом будущем, о царстве разума и справедливости на Земле. Шарль Фурье мечтал о наступлении всеобщего благоденствия, когда кровожадный буржуазный мир сменится обществом полнейшей гармонии и счастья, и даже свирепых хищников заменят добродушные антикрокодилы и антильвы, которых будут разводить люди будущего.

Оуэн мечтал о справедливой жизни на Земле, о том времени, когда не будет денег, обмана, обогащения одних за счет других, когда люди будут работать по способности, а получать нужные им товары по потребности.

А Карл Маркс, его соратники и ученики не только мечтали, но и научно доказали, что такое время не за горами, что его приход неизбежен. В отличие от А. Смита К. Маркс доказал, что капитал — не просто человеческий труд, а труд чужой — труд рабочих, присвоенный хозяевами заводов и фабрик. Станет свободным труд — исчезнет капитал. Но счастливое время не наступит само собой. Освобождение труда, свобода, равенство и братство завоевываются в тяжелой борьбе с капиталистами. Вот чему учит наука Маркса.

Все создаваемое человеком на Земле имеет одну и ту же основу — труд, поэтому строить дом и варить борщ, работать у станка и пасти овец, испытывать самолет и ремонтировать приемник для нас одинаково полезно и почетно. Только при социализме плоды труда принадлежат тем, кто их производит. **Наше** государство богатеет нашим трудом.

ФОРМУЛА УСПЕХА: ИНИЦИАТИВА, БЕРЕЖЛИВОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО, УСКОРЕНИЕ

Дина ТЕЛЕВИЦКАЯ

Почтальон из Горького

Умолкли школьные звонки,
И школьный двор притих.
Разъехались ученики —
Каникулы у них.
...Недавно в дверь звонят ко мне:
— Откройте, почтальон!
С огромной сумкой на ремне
Парнишка. Входит он.
— Вам заказная бандероль,
Вот, распишитесь тут.
Так деловит, серьезен столь:
— Бегу, меня все ждут!
Ждут люди писем и газет...
И вот под птичий гомон
Спешит по улицам чуть свет,
Заходит в каждый дом он.
Обычный: невысок и худ,
Почти всегда в движенье.
— Скажи, а как тебя зовут? —
Чуть-чуть смутился:
— Женей.
— А сколько лет тебе сейчас?
— Уже шестой закончил класс.
— Каникулы! Тринадцать лет!
Погода-то какая!
— Мне до погоды дела нет.
Я маме помогаю...
...Над Горьким летняя жара,
В одеждах пышных он.
Спешит, торопится с утра
Парнишка-почтальон.
И в наш нелегкий шумный век
Я за него спокойна:
Он будет славный человек,
Надежный и достойный!

«Огонек» в лагере

Миновал еще денек,
Вечеру мы рады.
Начинаем «Огонек»
Со вторым отрядом.
Костром веселым лес согрет.
А у костра идет концерт.
Друг друга развлекаем —
Поем, стихи читаем.
Но вот настала пауза.
Притихли как-то сразу мы.
В круг вышел, робок, неказист,
Какой-то мальчик-кларнетист.
Смешно так поклонился нам
И свой кларнет поднес к губам.
И кто-то жалобно запел,
Пронзительно и нежно.
Кларнет? Он разве б так сумел?
Но это он, конечно!..
Полумечта, полупечаль
Струилась осторожно.
Звезду, корабль, морской причал
Увидеть было можно.
Звучала музыка окрест,
И, ею очарованный,
Темнел вокруг дремучий лес,
Как будто заколдованный.
Огонь до неба доставал,
Преображая лица,
И кларнетист похожим стал
На сказочного принца.

Вдруг разгадают мой секрет,
Сказать боюсь я слово:
Ведь это для меня кларнет
Пел песню... про Орлова!

Рисунок В. ДУДКИНА.

ОТРЯД ГОВОРИТ

ЛЕТО ПИОНЕРСКОЕ. ЛЕТО ТРУДОВОЕ

АКТИВ 7-го КЛАССА СЫРОВСКОЙ ШКОЛЫ № 1, Николаевская область. У многих девочек и мальчиков нашего отряда мамы работают на животноводческой ферме. Летом, когда доярки уходят в отпуск, мы их подменяем. И удерживаем рекорды взрослых. А некоторые девочки даже повышают надои.

Ирина КОЗАНЖИ, совхоз «Железнодорожный», Тургайская область. Наш отряд и зимой помогал в телятнике. Девочки белили помещение, а мальчики чистили его. Заработанные деньги мы перевели в Фонд мира. Летом мы тоже помогаем животноводам. Еще работаем на пришкольном участке и на огороде.

Женя ВЕРЗИЛОВА, деревня Береговая, Кемеровская область. Наш отряд и летом не расстается с октябрятами. Мы учим их любить и охранять родную природу, собираем вместе лекарственные травы. Учим правилам дорожного движения.

Анжела ЛЕЖНЕВА, город Сокол, Вологодская область. Мы с моей подругой Мариной — тимуровцы. Мы помогаем одной старенькой бабушке, ходим к ней каждый день. Работаем в огороде, носим опилки, притаскиваем дрова. Когда все необходимое сделано, наша бабушка зовет нас в дом, поит чаем и рассказывает о своей жизни. Мы всегда внимательно ее слушаем. А совсем недавно мы стали помогать еще и одному старику. У него болят ноги, а сын давно уже лежит в больнице. И мы ходим в магазин, полы моем, прибираем в доме.

Сергей БЕРЕЗНЯК, Светлодарская восьмилетняя школа № 8, Донецкая область. Мы в отряде все чаще стали задумываться: что удалось нам сделать для общего блага? Ну, вот помогли библиотеке. Перенесли из магазина книги, старые подклеивали, приводили в порядок. Каждый юный гражданин Советской страны должен привыкнуть с детства трудиться. И не как придется, а хорошо, понимая, что это для общего блага. Все, что мы зарабатываем на трудовых десантах, сборе макулатуры и металлолома, мы отправляем в Фонд мира.

Юра БУРСЯН, город Красный Луч, Ворошиловградская область. В колхозе мы помогаем убирать овощи: помидоры, перец, свеклу. Наша норма — 20 ведер. Но есть такие ребята, которые собирают и по 30 ведер. Этими ребятами гордится наш отряд. Деньги мы перечисляем в Фонд мира.

ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД 5-го КЛАССА «Б», село Петро-Михайловка, Запорожская область. Наш отряд создал группу зеленых патрулей. Мы задумались о том, какая будет наша планета, если относиться к природе безучастно. Мы охраняем лес. Наш отряд собрал 997 граммов семян акации и сдал в лесхоз для посадки лесополос. Вокруг школы высадили деревья, кустарники, цветы.

ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД 6-го КЛАССА «Б» ШКОЛЫ № 24, поселок Новоугольный, Тульская область. Наш пионерский отряд помогает мебельной фабрике. Нам доверяют делать облицовку для покрытия столов, шкафов и т. д. Еще мы плетем корзины. Мы рады, что наши изделия идут на пользу людям!

ПУТЕШЕСТВИЯ. ОТКРЫТИЯ

Сейчас я учусь в Бугровской восьмилетней школе. С родителями мне пришлось побывать в Монголии, в Улан-Баторе. В этом городе очень много исторических музеев. Есть музей масок. В краеведческом музее я видела скелеты динозавров. Мы с папой, мамой и сестрой посетили все музеи Улан-Батора. Когда я приехала в Бугры, то обо всем, что увидела, рассказала друзьям. У меня очень хорошие друзья. Мы вместе ходим в библиотеку, гуляем, мечтаем. Еще я очень люблю животных...

У меня есть сестренка Яна,

С ОТРЯДОМ

а недавно родилась еще одна сестренка — Надюшка. Наша семья очень дружная.

Анжана САХАЦКАЯ.

КАК ВСЕ УСПЕТЬ?

Я знаю, многие ребята жалуются на недостаток свободного времени. Мне хочется поделиться своими маленькими «секретами». Может, кому-нибудь они пригодятся.

Самое главное — планировать свой день. Если в субботу выпадает ничем не занятый час, берись за уроки. В будни с этим прокопаешься до вечера.

Не стоит тратить время даром: глазеть попусту в окно, болтать бессмысленно по телефону, ходить по комнате в поиске вещей. Надо привыкнуть все класть на место.

Можно приучить себя делать два или даже три дела сразу. Я, например, могу гладить белье и учить стихотворение. Или читать, шить и слушать музыку.

Немного терпения и воли, и вы все будете успевать!

СКОРО В ШКОЛУ! Давайте задумаемся, как построить свой день? Как лучше делать уроки? Когда гулять? Как все успеть? Приглашаю всех к РАЗГОВОРУ!

Юлия БАЧКАЛА,
город Солнечногорск,
Московская область.

ИНТЕРЕСНАЯ ИСТОРИЯ

Мои друзья решили устроить маме праздничный день рождения. Собрался семейный совет: папа, Саша, которому девять лет, и Максим, восьмилетний. «Купим цветов! — сказал папа.— Еще я могу соорудить салат». «А я,— пообещал Максим,— сделаю картошку-фри. Я видел, как мама ее приготавливала. В кипящее масло бросала ломтики картошки, а потом, когда они зарумянились, их вынимала». «А я,— сказал Саша,— испеку пирог. Бабушка мне поможет». И работа закипела. Все нарядились в фартуки. Саша стал месить тесто, взбивать сметану с сахаром, Максимка растапливать масло и нарезать картошку, а папа мелко-мелко резал овощи для салата.

К приходу именинницы все было готово. Мама вошла в комнату очень красивая, в нарядном зеленом платье, и просто ахнула, увидев праздничный стол. Она опустилась в кресло и, кажется, чуть не заплакала.

Папа вынул из вазы и преподнес ей красные и белые гвоздики, любимые мамины цветы. Саша бросился на балкон и на вытянутых руках торжественно вынес блюдо с тортом. Мама от изумления даже руками всплеснула: «Неужели сами?» А когда Максимка сказал: «Мама, попробуй твою любимую картошку-фри»,— у мамы действительно появились слезы. Она смахнула их и улыбнулась: «Ну и рыцари! Ну, молодцы! Спасибо за праздник». Радость светилась в ее глазах.

Елена ТЮФЯКИНА,
город Амурск,
Хабаровский край.

ИМЯ, КОТОРОЕ НОСИТ ОТРЯД

Наш отряд носит имя Марата Казея. Мы изучили биографию нашего любимого героя-пионера, завели переписку со средней школой села Куланок, с музеем имени Марата Казея в городе Минске. Мы все старались лучше учиться и, как говорят учителя, добились 100-процентной успеваемости. На тему «Пионеры-герои» мы проводим беседы, помогаем ветеранам Великой Отечественной войны. Мы хотим так продолжать свой жизненный путь, чтобы быть достойными имени Марата Казея, которое присвоили нашему отряду.

Лилия ШАЙХУТДИНОВА,
Татарская АССР.

Александр Крокос учился в средней школе № 7 города Артемовска Ворошиловградской области. Окончил восемь классов, стал комсомольцем. Потом окончил горный техникум, работал на шахте. Он хорошо учился и хорошо работал. Любимыми героями его были молодогвардейцы. Воинскую службу свою он нес в Афганистане. В одном из боев с душманами пал смертью храбрых, совершив подвиг. Мы боролись за присвоение имени героя — нашего земляка пионерскому отряду. Провели встречи с его родителями, одноклассниками, собирали материал о его жизни и подвиге. Оформили уголок героя. На парте, где он сидел, всегда стоят цветы. Мы стараемся хорошо учиться, быть достойными имени своего отряда.

Елена КРЫЖАНОВСКАЯ,
средняя школа № 7,
город Артемовск,
Ворошиловградская область.

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ.

101459 ГСП, Москва
Бумажный проезд, 14, 11 этаж.
«Отряд говорит с отрядом»

Юрий СОТНИК

ПОХИЩЕНИЕ ИРОКЕЗОВ

Окончание. Начало в № 7.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Глава V

Луч надежды

Ирокезы долго стояли на остановке автобуса в глубоком раздумье. Потом Вася, опустив голову, проговорил:

— Может, нам наврать, что мы спасались от апачей, забежали далеко и заблудились...

— Так нам и поверят,— проговорила Аглая.

— А почему? Мы ведь совсем недавно в нашем доме живем.

— Недавно! А нам родители скажут: «Что вы, название улицы забыли? Или у вас языка нет, чтобы спросить?»

Васька еще ниже опустил голову.

— В общем, мне теперь будет,— сказал он покорно.

Аглая молчала в раздумье. Вдруг взгляд ее нечаянно упал на противоположную сторону улицы. Там был вход в кинотеатр. Над входом висел рекламный щит с надписью красными буквами: «ПОГОНЯ»,— а под надписью было изображено лицо злодея с ножом в зубах.

— А может... может, нам пойти и признаться,— уныло пробормотал Васька.— Что, мол, так и так...

— Куда пойти?— спросила Аглая, не отрывая взгляда от щита.

— Ну... в милицию. Там, говорят, какие-то детские комнаты есть.

Услышав эти слова, Аглая долго молчала, продолжая смотреть на лицо злодея, потом тихо сказала:

— Господи! Какая же я дура!

— Почему дура?— спросил Васька.

— Ну, как же я раньше не сообразила?! Идем!— Она схватила Ваську за руку и потащила за собой. Тот, конечно, стал расспрашивать:

— Аглая, ты куда? Аглая, ну что ты придумала?

Аглая свернула на какую-то боковую улицу и приостановилась, изучая обстановку.

— Нет, здесь нельзя: тут народу много,— сказала она и потащила своего ирокеза по этой улице дальше. Васька все время спрашивал, но Аглая не отвечала, она любила производить эффекты. Они свернули в совсем тихий переулок, где перед узкими тротуарчиками зеленели кюветы, поросшие травой. На лавочке у ворот сидел старичок со «спидолой» на коленях. Аглая сердито покосилась на него.

— И тут народ. Пошли!

Наконец, они очутились в маленьком тупичке. Впереди перед ними были большие ворота со ржавым замком на них, слева — глухая стена одноэтажного кирпичного дома, а справа — высокий дощатый забор. Здесь не было ни асфальта, ни кюветов, а у стены дома и у заборов росла высокая сорная трава. Аглая оглянулась и увидела, что вокруг ни души.

— Теперь — порядок. Действуй, как я! — С этими словами она стиснула зубы и провела ногтями по щеке так, что на ней остались три яркие царапины, местами даже кровоточащие.

— Хорошо видно?— спросила она.

— Хорошо,— подтвердил обалдевший Васька.— Аглай!.. Ну... ну, ты чего?

— Я кому сказала? Действуй, как я, потом объясню,— прорычала Аглая, но Васька не двигался. Он оцепенело смотрел, как Аглая выдернула ленту из левой косички и всю левую половину своей прически растрепала как можно сильней. Затем она одну за другой оторвала свои замечательные пуговицы и бросила их на землю, однако, подумав немного,

подобрала их с земли и сунула в карман своей голубой курточки.

— Через месяц скажу, что новые достала,— пояснила она и деловито продолжала: — Теперь, значит, так! — Она подняла горсть земли с кусочками соломинок и другим мусором и старательно втерла все это в свои растрепанные волосы. После этого она удалилась на несколько секунд из тупичка, выглянула в переулок, убедилась, что мимо никто не идет, и вернулась к Ваське.

— А теперь, значит, так! — Она легла на землю и стала елозить по пыльной дороге.

Вася с ужасом смотрел на это зрелище. Он снова заплакал.

— Аглая!.. Ну, не надо! Аглай... ну, что это с тобой?

Аглая поднялась и вплотную подошла к нему.

— Я тебе сказала: «Делай, как я!» А ты? Почему ты стоишь, как столб?

— Аглай!.. Ну, ты же говорила: «Я тебе все объясню»,— а сама... ну, совсем, как сумасшедшая.

Аглая уперлась руками в бока.

— Я тебя втравила в эту историю, так?

— Н-ну... немного так...

— Я тебе сказала, что я тебя спасу, когда ты ко мне на машину лез?

Васька поморгал.

— Ну... кажется, сказала. Я ведь уже висел на этом... на папиной машине.

— Так вот считай, что я тебя уже спасла.

Васька продолжал моргать.

— Аглай!.. Ну, ты объясни!

По-прежнему упираясь кулаками в бока, Аглая походила перед Васькой взад-вперед, затем остановилась перед ним.

— Я вот сумасшедшая, а я такое придумала, что нам ни в каких автобусах прятаться не нужно. Нас прямо домой бесплатно доставят!

Васька даже моргать перестал. Он ошалело смотрел на Аглаю.

— Почему... бесплатно? — спросил он.

— Погоди! Я еще такое придумала, что твой отец вместо ремня обнимать тебя будет. Вот какая я «сумасшедшая»!

— Аглай!.. Ну, ты скажи, что ты придумала?

— А вот что: милиция на следующей остановке. Сейчас я тебя обработаю, как себя обработала, мы придем в милицию и скажем, что нас похитили.

— Как — похитили? — тихо спросил Васька, с тоской глядя на Аглаю.

— Ну, схватили, затолкали в машину и увезли.

— За... зачем увезли?

— Ну, с целью выкупа, конечно. Ты что, кино не видел?

Васька некоторое время подумал и вдруг энергично замотал головой.

— Аглай!.. Ну нет! Ты взаправду сумасшедшая!

Аглая снова уперлась кулаками в бока и надвинулась на Ваську.

— Почему сумасшедшая? Ну, почему?

Васька, хотя Аглая и считала его лопухом, все же соображать умел.

— Да кто же нам поверит? Такое... такое только в кино бывает, да и то в этих... в капиталистических странах!

Аглая по-прежнему упиралась кулаками в бока.

— Ну и что? А может, эти, которые нас похитили, насмотрелись заграничного кино и решили сами попробовать. Давай! Нечего время терять. Ведь дома уже волнуются за нас.

С этими словами Аглая присела на корточки и посмотрела на Васькины брюки. Они были старенькие, потертые, и на одной штанине под коленкой даже виднелась маленькая дырочка. Аглая сунула в эту дырочку указательный палец, согнутый крючком, рванула книзу, материя затрещала, и на штанине образовалась длинная прореха. Васька опять чуть не заплакал.

— Глашка, ну ты что?! — вскричал он в отчаянии.

— Не понимаешь? Ты что, совсем дурак? Мы скажем в милиции, что сопротивлялись ужасно, и поэтому у нас такой вид.

И тут обычно робкий и покладистый Васька взбунтовался.

— Аглая, не пойду я ни в какую милицию, нам все равно не поверят, и только хуже будет. А ты еще штаны!..

Аглая слегка оторопела от такой Васькиной дерзости, но вскоре оправилась, и ее лицо сделалось каменным. Она выдержала долгую паузу, прежде чем отчеканить:

— Ах, не пойдешь? Ну и прекрасно! Я, конечно, сумасшедшая, а ты умный. Вот и торчи тут один. Я ради тебя старалась! Собою жертвовала, когда спину подставляла, а ты... — Аглая даже всхлипнула, то ли от негодования, то ли от жалости к себе.— Думаешь, идиот, безмозглый, я без тебя до дома не доберусь?! Еще как доберусь! И думаешь, твой отец всыпет мне, когда узнает, как мы здесь очутились? Фигушки! Пусть он меня сначала поймает, чтобы всыпать! — Аглая выдержала новую паузу, затем повторила: — Я, конечно, сумасшедшая, а ты умный. Вот и торчи тут, если ты такой умный!

И она медленно, торжественным шагом стала удаляться от Васьки, заложив руки за спину. Таким же медленным, торжественным шагом она вышла в переулочек, где на лавочке сидел старичок со «спидолой», впрочем, она временами поглядывала назад, ожидая, что Васька ее догонит. И он действительно ее догнал.

— Аглай!.. Ну ладно, я согласен. Аглай... Ты только скажи, что мне говорить.

Про себя Аглая с облегчением вздохнула, а вслух сказала:

— Если согласен, тогда пошли назад. Тебя надо как следует в порядок привести.

Они вернулись в знакомый тупичок, где Васька под руководством Аглаи повалялся на земле, затем она посыпала его голову пылью с мелким мусором и сказала, что этого будет достаточно.

Они снова вышли в переулок со старичком, услышали, как «спидола» на его коленях сказала: «Московское время семнадцать часов. Начинаем передачу для младших школьников»,— и тут Васька снова спросил:

— Аглай!.. Ну, все-таки скажи, что мне в милиции говорить?

Аглая остановилась. Она в раздумье оглядела Ваську с головы до ног, потом заговорила мягко, даже ласково:

— Васька, ты не обижайся, конечно, но ты не то чтобы глупый какой-нибудь, а... а немножко лопух. Ты же сам понимаешь, что ты немножко лопух. Ведь правда?

Васька грустно кивнул.

— Ну вот! Если ты заговоришь в милиции, ты можешь что-нибудь такое ляпнуть, что все дело пропадет. Правда?

Васька опять кивнул.

— Ну вот: я, значит, придумала, как нам быть. Я в милиции скажу, что, когда на нас напали, тебя сразу по голове ударили и у тебя память отшибло,

Васька оцепенело смотрел,
как Аглая выдернула ленту из левой косички
и всю левую половину своей прически
растрепала как можно сильней.

ты не помнишь ничего. И получится, что только я буду. рассказывать, а если тебя спросят, ты одно говори: «Ничего не помню, ничего не помню, ничего не помню». Идет?

— Идет! — уже громче и не так уныло ответил Васька. Ведь вопрос о том, что и как он должен будет говорить в милиции, сильно его тревожил.

— Повтори, как ты будешь отвечать! — приказала Аглая.

— Ничего не помню, ничего не помню, ничего не помню! — уже совсем весело зачирикал Васька, и Аглая одобрила его.

— Правильно! Теперь порядок! Пошли!

Ирокезы двинулись дальше, но вскоре Аглая стала замедлять шаги, критически оглядывая Ваську, потом совсем остановилась.

— Слушай! А ведь это подозрительно покажется: тебя ударили так, что всю память отшибло, а у тебя на голове даже синячка нет.

Васька вздохнул.
— Чего нет — того нет,— согласился он.
— Так вот: пойдем обратно в наш закоулочек, и я тебя там стукну чем-нибудь. Немножко стукну, так, чтобы только заметно было.
При этих словах Васька опять заморгал по своему обыкновению и захныкал:
— Аглая! Ну опять ты что-то такое выдумываешь, все выдумываешь... Ну зачем это — «я тебя стукну»?!
Аглая потеряла терпение. Она окрысилась на Ваську:
— Знаешь... Надоел ты мне хуже горькой редьки. Я из-за него собой жертвовала, спину подставляла, я ради него сама себе лицо во как поцарапала, а он... а он... В общем, я иду в милицию и говорю всю правду: «Так, мол, и так, мы залезли в кузов, а гражданин Брыкин завез нас вот сюда. Теперь сообщите, пожалуйста, чтобы наши родители за нами приехали».— Аглая стремительно зашагала прочь от Васьки, но на ходу обернулась.— Я бы тебя только разочек стукнула, а теперь отец минут сорок тебя пороть будет.
И Васька опять сдался. Он догнал Аглаю.
— Аглай!.. Ну, ладно, ну пойдем, стукни!

Глава VI

У стражей закона и порядка

Через несколько минут ирокезы снова появились на главной улице. На лбу у Васьки набухала и постепенно темнела весьма заметная шишка, к тому же украшенная двумя ссадинами.
— Я, говорит, легонько! Я, говорит, лишь бы чуток заметно было!— всхлипывал он.— А сама подняла вот такую палку, завела в уголок, да как врежет!
— Ну не рассчитала немножко,— раздраженно оправдывалась Аглая...— В конце концов у меня тоже нервы есть.— Она посмотрела на дело рук своих.— Голова не болит?
— Теперь не болит, а когда ты стукнула...
— И не тошнит?
— Не...
— Значит, у тебя сотрясения мозга нет. Когда я в поезде со второй полки свалилась и у меня получилось сотрясение, так меня минут через пять уже вырвало, а потом голова еще долго болела.— Аглая вдруг заулыбалась.— А знаешь что? Нет ведь худа без добра: теперь нам в милиции во всем поверят. Ну, кто подумает, что это я тебя так здорово треснула?! Теперь твой отец вместо ремня... Он тебе шоколад к ужину купит, а может, даже и торт!
Голодному Ваське было не до сладостей. Он мечтал о котлетах с картошкой, но слова Аглаи ободрили его, и он зашагал быстрым деловым шагом, стремясь поскорей попасть в милицию.
Между тем живописный вид ирокезов стал привлекать внимание прохожих. Некоторые пошли рядом с ребятами, а кое-кто даже повернул обратно, чтобы получше их разглядеть.
Толстая женщина с двумя авоськами спросила их:
— Ребятки! Что это с вами случилось? Почему у вас вид такой?
— Да ну!..— буркнула себе под нос Аглая и низко опустила голову.

Тут же шел рабочий в заляпанном известкой комбинезоне:
— Паренек! Вас что, машина сшибла? Откуда у тебя такая шишка?
— Он ничего не помнит,— сказала Аглая.— У него память отшибло.
— Ага. Ничего не помню, ничего не помню, ничего не помню,— запищал Васька, и Аглая отметила про себя, что у него неплохо получается.
— Ребята! Ну расскажите, в чем дело!— взмолилась молоденькая девушка в джинсах.— Интересно ведь!
Но Аглая еще не до конца придумала историю с похищением, поэтому была не склонна к разговорам.
— А чего я здесь буду рассказывать?!— сказала она резко.— Вот приду в милицию и расскажу.
Больше к ирокезам с расспросами не приставали, но когда они подошли к отделению милиции, их сопровождали человек двенадцать взрослых, а рядом с тротуаром семенили несколько мальчишек и девчонок, которые таращили глаза на пострадавших.
— Ну вот, ребятки, вам сюда,— сказал рабочий.— Первая дверь направо — там дежурный. К нему и обращайтесь.

Перед дверью в комнату дежурного по отделению стоял милиционер. Сам дежурный — немолодой уже человек — сидел за деревянным барьером, а перед барьером стояла женщина неопределенных лет с потухшим лицом и с пластиковой сумкой в руке. Рядом с ней — еще один милиционер, как видно, доставивший ее сюда.
— Что ж!— сказал дежурный.— Будем составлять протокол.
— Гражданин начальник,— захныкала женщина.— Ну, что я такого сделала? Купила дочке колготки, а они ей не впору. Куда мне их девать?
— Три пары колготок у вас,— устало сказал дежурный.— И все разных размеров, и все дочке не впору. Паспорт ваш!
— Он у меня,— сказал милиционер и передал дежурному паспорт.
— Так! Букина Виолетта Макаровна.— Дежурный вынул из стола бланк протокола, но в этот момент милиционер, стоящий у двери, спросил Аглаю с Васькой:
— А вы к кому, ребята?
— Нам... заявить,— громко, но подрагивающим голосом сказала Аглая.
Дежурный положил шариковую ручку и посмотрел на ребят.
— О чем заявить?— спросил он.
— Об том, что нас похитили.
Дежурный во все глаза уставился на Аглаю.
— Ну-ка, подойди сюда. Это в каком смысле — похитили?
Аглая подошла к барьеру и подтянула за собой Ваську.
— В обыкновенном смысле: схватили, затолкали в машину и увезли.
— Откуда увезли?
— Из Энска. И еще избили чуть не до смерти. Вон, видите?— И она указала пальцем на Васькин лоб.
Дежурный приподнялся, чтобы лучше разглядеть Ваську, потом снова сел.
— Ну, гражданин начальник! Ну, как же со мной-то будет?— заныла спекулянтка.
Дежурный вернул ей паспорт.
— Вы, гражданка, идите и больше такого не

Дежурный во все глаза уставился на ребят.

повторяйте. А то привлечем. Серьезно привлечем.

Прежде чем уйти, спекулянтке пришлось протиснуться сквозь небольшую толпу людей, стоявших перед дверью в комнату дежурного. Это они провожали ирокезов до милиции. Заметив их, дежурный спросил:

— А вам что здесь нужно, граждане?

— Да ведь любопытно же, товарищ дежурный,— послышался в толпе мужской голос.

— Любопытно не любопытно, а здесь вам не театр. Прошу всех удалиться.

Тут спохватился и милиционер у двери, который загляделся на похищенных.

— Пройдемте, пройдемте, граждане!— Он выпроводил любопытных и закрыл дверь.

Дежурный посмотрел на одного милиционера, на другого.

— Ну? Слыхали что-нибудь такое в нашем районе, а?

Милиционеры лишь пожали плечами и усмехнулись, а дежурный взял с аппарата трубку и начал телефонный разговор:

— Катерина Петровна? Сидоров говорит. Роза Гавриловна на месте? Загляните кто-нибудь ко мне. А лучше обе сразу. Тут по вашей части.

Дежурный положил трубку, а милиционер у двери обратился к ребятам:

— Ну, вы расскажите, пока они идут... Как было дело-то?— Он посмотрел на Ваську.— Кто это тебе такую гулю посадил?

— Да ведь он не помнит ничего,— вмешалась Аглая.— У него мозги отшибло.

— Ничего не помню, ничего не помню, ничего не помню...— потупившись, тихонько запищал Васька.

Дежурный снова привстал и посмотрел на него.

— С каких пор ничего не помнишь?

— А вот, когда она стукнула меня по голове, с тех пор ничего не помню.

— Как — она?— спросил дежурный, и Аглая торопливо пояснила:

— Там, среди них была женщина. Вот она его и стукнула.

Когда Аглая произнесла такую фразу, в комнату вошли две сотрудницы милиции: одна — немолодая, довольно грузная, судя по погонам,— старший лейтенант, другая — маленькая, тоненькая, похожая на подростка, с погонами младшего лейтенанта.

Дежурный обратился к ним:

— Вот такие дела, товарищи: эти ребята утверждают, что их похитили сегодня утром в Энске.

Обе женщины уставились на ирокезов с таким же недоумением, с каким смотрел на них и сам дежурный.

— Похитили?— машинально переспросила старшая, а младшая тихонько сказала:

— Роза Гавриловна, посмотрите, какой у них вид!

— Вижу,— сказала Роза Гавриловна и обратилась к ребятам:— Это они вас так? Те, кто похитил?

— Ну да,— сказала Аглая.— Мы же сопротивлялись ужасно, вот у нас и такой вид.

Роза Гавриловна положила руку на Васино плечо:

— Пойдемте, ребята, к нам, в детскую комнату. Там вы расскажете все в спокойной обстановке.

Глава VII

Моя милиция меня бережет

В детской комнате углом друг к другу стояли два небольших канцелярских стола. Роза Гавриловна села за один стол, ее молодая сотрудница — за

другой, ирокезы поместились на стульях недалеко от этих столов. Царапины на лице Аглаи и ссадины на Васином лбу были уже смазаны зеленкой. Ребят попросили назвать свои имена и фамилии, Екатерина Петровна (так звали младшего лейтенанта) записала их, и Роза Гавриловна попросила рассказать по порядку все, что с ними произошло. Аглая затараторила:

— Мы, значит, гуляли, гуляли, гуляли себе, ничего такого не делали, а они, значит...

Роза Гавриловна подняла ладонь:

— Стоп, Аглая, не тарахти! Катерина Петровна не успевает записывать. Итак, вы гуляли.

— Ага.— Теперь Аглая говорила медленно, глядя, как пишет Екатерина Петровна.— Мы, значит, гуляли, гуляли, гуляли, ничего такого не делали...

— Мы просто в индейцев играли,— тихим голоском вставил вдруг Васька.

Екатерина Петровна перестала писать, а Роза Гавриловна снова остановила Аглаю.

— Извини! Ты, кажется, говорила, что у Васи память отшибло, он ничего не помнит.

Аглая на несколько секунд умолкла, потом передернула плечами.

— Ну, конечно, не помнит! Только у него память-то отшибло, когда его стукнули, а до этого у него ничего такого не отшибло.

Обе женщины переглянулись между собой, и Аглая воспользовалась этим, чтобы незаметно показать Ваське кулак.

— Так! Продолжай, Аглая.

— Ну, вот. Мы, значит, прятались от апачей в тихом переулочке, прятались, прятались... И вдруг подъезжает к нам машина. И останавливается... И выходят из нее две женщины и одна мужчина. То есть, я хотела сказать, два мужчины и одна женщина.

— Записали, Катюша?

— Сейчас. Минутку!

— Так! Подъезжают и вылезают. А ты не помнишь, на какой машине: на «Москвиче», на «Волге», на «Запорожце»?

Аглая плохо разбиралась в марках машин, поэтому подхватила последнее слово.

— На «Запорожце»,— сказала она, и тут Васька снова вмешался.

— На «Волге» они приехали,— тихо сказал он.— В «Запорожец» столько народу не влезет.

— Ага. На «Волге»,— согласилась Аглая и продолжала свой рассказ. По ее словам, пассажиры «Волги» предложили им покататься, но ребята сразу почувствовали в этом что-то подозрительное и вежливо отказались.

— Ну, а дальше что было?— спросила Роза Гавриловна.

— А дальше... Они оглянулись по сторонам, увидели, что никого нет, а потом как схватят нас и давай запихивать в машину. Мы, конечно, сопротивлялись ужасно... Вот посмотрите, что они с нами сделали! А Ваську этот дядька как трахнет по голове!..

Роза Гавриловна снова подняла ладонь:

— Постой! Опять затарахтела. Ты раньше говорила, что Васю ударила женщина.

— Я?— на секунду Аглая застыла с испуганным лицом, но она быстро овладела собой.— А! Ну, конечно, женщина. У меня у самой от этих переживаний все перепуталось.

— Так чем же она его ударила?

— Этим... Чем-то тяжелым таким.

— Монтировкой,— подсказал Васька, глядя себе на колени.

— Монтировкой? А что это такое?

— Железяка такая. Чтобы резину менять.

После этого обе женщины долго молчали, глядя одна на другую, потом Роза Гавриловна сказала вполголоса:

— Пожалуй, Катя, с этим делом надо познакомить майора.— Она сняла телефонную трубку, сказала «товарищу майору», что ей надо с ним поговорить, и ушла, бросив ребятам:

— Вы посидите пока тут с Екатериной Петровной. Возможно, начальник отделения захочет вас повидать.

В детской комнате наступила тишина. Екатерина Петровна молчала, просматривая свои записи, ирокезы тоже молчали, тревожно поглядывая друг на друга: к добру это будет или не к добру, если начальник отделения захочет их повидать? Но вот раздался звонок. Екатерина Петровна сказала по телефону: «Младший лейтенант Афанасьева слушает» — и тут же встала.

— Идемте, ребята.

— Садитесь, товарищ Афанасьева,— сказал широкоплечий пожилой майор. Екатерина Петровна села перед его столом, напротив Розы Гавриловны. Ирокезам майор сесть не предложил. Он долго и внимательно разглядывал их, потом сказал:

— Ну, здравствуйте, друзья. О ваших приключениях мне уже доложили, только тут неясен один пунктик: как вам удалось сбежать от похитителей?

У Васьки губы перекосились от страха, но Аглая была готова к такому вопросу.

— Я об этом сама хотела рассказать, но не успела. Когда мы сюда приехали, у них, значит, мотор забарахлил, они вышли из машины и стали мотор чинить.

Майор покачал головой.

— Так все трое и вышли, а вас оставили? Ай-яй, какие же они неосторожные!

Еще раз на лице Аглаи появилось испуганное выражение, но она и тут справилась с собой. Она даже постаралась улыбнуться.

— Ага! Я сама тогда подумала: «Вот дураки какие!» Вытащила Ваську и бежать!

— И никто из них вас не преследовал? Удивительно!— заметила Роза Гавриловна. Но Аглая сделала вид, что сама удивлена замечанием старшего лейтенанта. Она вздернула плечи.

— Но ведь... Тут же кругом народ был! Это в Энске нас похитили в тихом переулочке, а здесь кругом народу полно.

— Так. Кругом народ,— повторил майор.— Почему же ты не закричала: «Держите, мол, этих бандитов, они детей похищают»?

Аглая уже настолько освоилась в милиции, что не боялась даже самого майора. Она вытаращила на него маленькие темные глазки и развела руками с растопыренными пальцами.

— Так... господи! Мы же столько напереживались!.. Мы ни о чем таком и не думали, кроме как бежать.

— Ладно. Присядьте вон там.

Ирокезы сели на стулья возле стены, майор спросил их, на какой улице они живут, потом полистал какой-то справочник, снял с телефона трубку и набрал номер.

— Двенадцатое? Задольск говорит. Майор Подкопаев. К вам заявление о пропаже детей не поступало? Правильно: Брыкин Василий и Метелкина Аглая. Они у нас находятся. А при каких обстоятельствах они пропали? В индейцев, говорите. Нет, мы сами их доставим, а вы пошлите

кого-нибудь, чтобы родителей успокоили. Всего хорошего! — Майор положил трубку и обратился к женщинам:

— Пока все сходится: играли в индейцев, внезапно исчезли. И все же версия с похищением не внушает доверия. Придется кому-нибудь из вас отвезти детей и на месте выяснить все обстоятельства.

— Пусть Катюша едет, — сказала Роза Гавриловна. — У нее завтра выходной, а родители в Энске.

Повеселевшая Екатерина Петровна вскочила.

— Разрешите идти?

— Идите. Впрочем, минутку! — Майор обратился к ирокезам, которые тоже встали. — Давно не ели?

— С утра, — вздохнула Аглая, а Васька тихо заплакал.

Майор вынул из кармана кителя два рубля и протянул их Екатерине Петровне.

— Накормите их и немного в порядок приведите. Чтобы людей не пугать. — Майор посмотрел на Аглаю и обратился к ней: — Если я не ошибаюсь, прекрасная артистка из тебя выйдет.

Через полчаса желто-синий милицейский «газик» мчался по шоссе в направлении Энска. Екатерина Петровна ехала рядом с шофером, а сзади сидели сытые и слегка приведенные в порядок ирокезы. Васька был грустен, зато Аглая веселилась вовсю. Она то и дело наклонялась к Ваське, вцеплялась в его плечо и тихо бубнила в ухо:

— Ну что, я сумасшедшая? А вот гляди, как мы шикарно едем! А благодаря кому? Благодаря кому, говори!

— Благодаря тебе, — без всякой охоты шептал Васька.

Аглая откидывалась на спинку сиденья, заложив ногу на ногу, любовалась минуту-другую мелькающими по сторонам пейзажами и снова вцеплялась в Васькино плечо.

— А ну, скажи спасибо, что я тебя так здорово по лбу треснула! Говори спасибо! Ну!

— Спасибо, — пищал Вася уже совсем уныло. Он не мог забыть слова майора, что тот не верит в версию с похищением. Что такое «версия», Васька толком не знал, но смысл всей фразы был ему понятен, и мрачное предчувствие угнетало его.

Брыкин-старший грозно навис над Юрой.

Глава VIII

Трогательная встреча

Захар Филиппович Брыкин возвратился домой около семи часов вечера. Возвратился усталый и сердитый. Во дворе своего дома он увидел много народа. Взрослые и дети стояли кучками во всех углах двора, но больше всего их толпилось возле Веры Андреевны и родителей Аглаи. Стоило Брыкину приблизиться к жене, как та закричала плачущим голосом:

— Где тебя носит, ну, где тебя носит, черт несуразный?!

Брыкин тут же вспылил.

— Где носит, где носит! — загремел он на весь двор. — Сто двадцать километров отмахал без останову, а в Задольск приехал — грузчиков нет, на другой объект куда-то услали... Считай, больше двух часов простоял... А на обратном пути зажигание отказало... А в институт приехал... — Он вдруг умолк, глядя на заплаканное лицо жены. — Чего это с тобой? Случилось что?

— Васька пропал, — неожиданно спокойным голосом сказала Вера Андреевна, и самые любопытные жильцы придвинулись поближе, чтобы лучше слышать этот разговор.

— Как это пропал? Когда? — спросил Брыкин.

— И Глашка наша сгинула, — проплакала мама Аглаи, но Брыкин не обратил на нее внимания. Он переспросил жену:

— Когда, говоришь, пропал?

Ему объяснили, что последний раз Аглаю и Ваську ребята видели около двенадцати часов, когда начинали играть в индейцев. С тех пор их нигде не нашли.

Захар Филиппович шагнул к ближайшей скамейке, сел на нее и вынул пачку сигарет.

— В милицию заявляли? — хрипло спросил он. Узнав, что в милицию заявили и даже фотокарточки детей туда отнесли, он закурил и уставился в пространство перед собой. К нему подсел низенький плотный Метелкин — отец Аглаи.

— Вот так-то, Захар Филиппович! — сказал он.

Брыкин ему не ответил. Он продолжал курить, глядя в одну точку. Обе женщины плакали. Люди смотрели на них и молчали.

А в стороне от других вполголоса говорили четверо.

— Слыхали? — почти прошептал Дудкин. — Сто двадцать километров без останову!

Зина, Юра и Сеня молча кивнули. Потом Юра заговорил:

— Значит, рассуждать надо так: они до Задольска доехали, где-то там соскочили, а обратно забраться не смогли.

По веснушкам на щеках Зинаиды катились слезинки. Она за этот день даже похудела. Когда Васька не вернулся к обеду, Вера Андреевна стала посылать ее на поиски брата, и ей приходилось бесцельно слоняться по переулкам, потом докладывать, что Васьки нигде нет, затем снова отправляться «на поиски».

— Меня не только отец, меня и мама теперь пришибет за то, что раньше не сказала,— прошептала она.

— Ну, факт! — согласился Дудкин.— Ты, Зинка, молчи себе, будто не видела, как их увезли, а мы сейчас бросим жребий, кому идти говорить.

— Обойдемся без жребия,— отчеканил Юра.— Я беру это на себя.— Он твердыми, размеренными шагами направился к скамейке, остановился перед Брыкиным и громко, чтобы все слышали, проговорил:

— Извините, пожалуйста! Можно вам задать один вопрос?

— Ну, задавай,— угрюмо пробасил Брыкин.

— Вы дадите честное слово, вот перед всеми гражданами, что не будете Васю бить, если он отыщется?

Брыкин отбросил сигарету и встал.

— А ты что, знаешь, где он есть? — Высокий, жилистый, сутулый, он так грозно навис над Юрой, что тот невольно попятился поближе к своей маме, которая тоже стояла в толпе.

— Нет, вы все-таки дайте слово, что не будете Васю бить.

— Юра, перестань дурить! — сказала ему мама.— Разве не видишь, что человек волнуется за сына?!

— Да не будет он его лупцевать, не будет! — сказала какая-то женщина в толпе, а Брыкин прорычал, сердито глядя на Юру:

— Думаешь, я зверь какой?

— Хорошо! — сказал Юра, и голос его стал подрагивать: — Если вы действительно проехали без остановки, значит... значит, они там где-то...

К Юре шагнул Аглаин папа.

— Кто — они? — спросил он.

— Ваша дочка и вот... Вася.

— Где — там? — спросил Брыкин.

— В этом... в Задольске.— И Юра торопливо рассказал о том, как он заметил, что ирокезы устроили засаду в кузове, как они спрятались за бортами, напуганные внезапным появлением Брыкина, и как машина выкатилась с ирокезами со двора.

Брыкин ничего не сказал. Он попятился назад к скамье, снова сел на нее и опять закурил. Его жена заплакала злыми слезами.

— Вот! Вот, воспитатель окаянный! — закричала она.— Доигрался со своим ремнем, дети тебя хуже смерти боятся! Вот теперь ищи Ваську сам, ищи! Ищи!

Брыкин не вспылил в ответ. Он сказал негромко, но твердо:

— Вера, кончай кричать, беги домой, неси все деньги, какие есть. Слава богу, получка вчера была.

— Надумал чего? — спросил отец Аглаи.

— Такси возьму, буду искать.

— Тогда и я с тобой.

В это время в толпе возник молодой милиционер и громко спросил, в каком подъезде сто тридцать седьмая квартира.

— Вот в этом! — взволнованно ответила Вера Андреевна.— А вам кого нужно?

В это время в толпе возник молодой милиционер и громко спросил, в каком подъезде сто тридцать седьмая квартира.

Милиционер сказал, что ему нужны супруги Брыкины или Метелкины из седьмой квартиры.

— Да тут мы, тут! — воскликнул Аглаин папа.— У вас, может, насчет детей есть какие сведения?

— Так точно,— бесстрастно ответил милиционер.— Находятся в безопасности в детской комнате в Задольске. Скоро будут доставлены. Так что просьба к родителям оставаться дома.

Со всех сторон посыпались вопросы: как дети попали в милицию, что они рассказали о себе?..

— Об этом сведений не имею.— Милиционер козырнул, повернулся и удалился.

Взрослые радостно погомонили и разошлись по квартирам, но большинство ребят остались во дворе вместе с Брыкиными и Метелкиными. Каждому хотелось лично присутствовать при возвращении ирокезов.

Чем дольше тянулось время, тем томительней становилось ожидание. Многие из ребят дежурили у ворот, приглядываясь к каждой машине, проходившей по улице. Когда же наконец желто-синий «газик» притормозил у ворот и стал заворачивать, ребята рванули во двор с истошными воплями:

— Едут! Едут! Везут!

Окна почти во всем доме были распахнуты, вопли услышаны, и двор снова наполнился жильцами.

«Газик» остановился, из него вышла Екатерина Петровна, за ней вылезли Аглая с Васькой. Тут Зина с ужасом увидела, как ее отец встал со скамьи и двумя руками взялся за пряжку ремня на брюках. Но он недолго стоял в такой позе. Ему бросились в глаза смазанная зеленкой шишка на лбу у сына, большая дыра на штанине... Захар Филиппович

подхватил Ваську на руки и, гладя его по макушке, заговорил взволнованно и ласково:

— Сынок!.. Сынуля!.. Что это с тобой было-то? Сынуль!.. Кто это тебя так?

Васька не отвечал. Он заливался слезами, уткнувшись лицом в отцовское плечо.

Аглаина мама то шлепала свою дочку, то целовала, то говорила, что она из-за этой дочки сегодня лет на пять постарела, и снова шлепала... Что-то

Когда родители и младший лейтенант ушли, толпа ребят и взрослых обступила Аглаю с Васькой.

говорила Вера Андреевна, и только отец Аглаи молча переминался с ноги на ногу да изредка покряхтывал.

— Товарищи родители! — вдруг громко заговорила Екатерина Петровна.— Времени у меня мало. Пусть дети побудут пока во дворе, а мы должны где-нибудь спокойно поговорить. Надо выяснить одно обстоятельство.

Захар Филиппович пригласил всех к себе. Когда родители и младший лейтенант ушли, толпа ребят и взрослых обступила Аглаю с Васькой. Кого здесь только не было в этой толпе: тут стояли все три дворника, родители Дудкина, Сени Ласточкина и Юры Кузнецова... Здесь был и профессор Грабов, и заслуженная артистка Двинская... Словом, всех не перечтешь. Люди были очень разные, но все вели себя одинаково: примерно с минуту они молчали, разглядывали измазанные зеленкой лица ирокезов, Аглаю, у которой исчезли с курточки ее роскошные пуговицы, а вместо косичек с красными лентами по плечам были распущены темные волосы. Наконец профессор Грабов сказал:

— Ну, Аглая, давай рассказывай о ваших приключениях.

Аглая широко расставила ноги, заложила руки за спину и, глядя исподлобья, сказала почти басом:

— Нас похитили.

Люди помолчали, ошарашенные, потом какая-то женщина спросила:

— Как похитили? Зачем?

— С целью выкупа,— пробасила Аглая.

В толпе опять воцарилась тишина, затем в этой тишине кто-то негромко засмеялся, тут же засмеялся еще кто-то, и вскоре хохотали все, стоявшие перед ирокезами, а кто-то выкрикивал:

— Ой, не могу! Ой, ну и артистка! Ой, уморила!

Профессор Грабов поднял руку и громко сказал:

— Тише, товарищи! — Люди постепенно утихли, и он обратился к Аглае:

— Ну, Аглая, выкладывай правду: как вы приехали в Задольск?

Поняв, что игра проиграна, Васька тихонько завыл, уронив голову на грудь, но Аглая не сдавалась.

— Вот!.. Вот! Мы такое пережили, такое пережили, и вот вам! Вот!

Она обняла Ваську за плечи и, подвывая ему, поплелась с ним прочь от толпы. Но далеко уйти ирокезам не удалось. Из подъезда вышли смеющиеся Екатерина Петровна, супруги Брыкины и Метелкины.

— Ну, Васька,— закричал Захар Филиппович.— Давай рассказывай, как ты на моей машине катался.

Васька остановился и завыл еще громче. Аглая тоже остановилась и завела свою любимую песенку:

— Мы такое пережили, такое пережили, и вот вам, вот! — Сделав вид, что плачет, она вытянула носовой платок из кармана своей голубой курточки, и оттуда на асфальт посыпались ее великолепные пуговицы. Теперь Аглая заплакала по-настоящему, все вокруг буквально зарыдали от хохота, а Брыкин-старший сел на землю у стены, не в силах добраться до скамейки.

С тех пор Захар Филиппович больше не пользовался ремнем в педагогических целях.

КОНЕЦ.

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Есть в колхозе кашевар

Жил в колхозе, поживал
знатный повар-кашевар.
Мастер это был большой:
стряпал с толком и душой.

Про умельца-кашевара
всюду слава кочевала,
и на днях к нему в село
приглашение пришло.

Да откуда — из Москвы!
Да почтительно — на вы!
Приглашал — да как речисто —
сам директор Интуриста
на работу в ресторан
для гостей из разных стран:

«Пусть, отведав ваши каши,
Смотрят люди веселей,
прославляют каши ваши:
«Это пища королей!»

«Мой поклон и уваженье,—
кашевар в ответ ему,—
только ваше предложенье,
уж простите, не приму.

Я скажу не так речисто,
но — опять прошу простить —
вам важнее интуристы,
мне роднее трактористы:
тех, кто славно поработал,
надо славно угостить!»

...В небе жаворонок кружит.
Ночь ушла.
Костер потух.
С ветерком рассветным дружит
каши пшенной пышный дух.

Ай да каша!
Вот попробуй,
только маслицем полей.
Это пища хлеборобов,
не каких-то королей!

О ВЕЛЕНИИ СЕРДЦА И РАБОТЕ ДЛЯ «ГАЛОЧКИ»

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

«15 января. Наши ребята помогли прохожим поднести продукты 20 раз. Сбегали в аптеку 9 раз. Подкрасили звездочки на дверях двух ветеранов. И еще нашли варежки нашему подшефному малышу Васе».

Это не шутка. Это донесение, с которым приехал в январе этого года в «Артек» один из участников тимуровской смены.

А другие ребята привезли красочные рапорты, даже рефераты, доклады, лекции. «Зачем?» — спросили мы их. «Выступать. Опытом обмениваться».

Раньше тимуровцев отличало стремление действовать, а не говорить. Приходить на помощь людям, а не создавать об этом альбомы, хвастать с трибун своей работой.

К чести участников тимуровской смены, они быстро поняли что к чему. Уже на второй день в «Артеке» всюду побывали разведчики. В детском саду, у ветеранов, проживающих на территории лагеря, на строительной площадке одной из дружин — везде появились помощники. Отчеты стали ненужными — «Артек» понял: приехали тимуровцы.

И состоялся на этой смене интересный разговор. О формализме в тимуровском движении. Начался он неожиданно.

— Тимуровского движения больше нет. Может, это и было нужно когда-то. А сейчас не надо официальных тимуровских команд, штабов, тимуровцев,— выпалил Димка Еремеев.

Стало тихо.

— Точно! Если каждый будет помогать в своем подъезде, и так будет хорошо... Вся эта работа для «галочки», для отчета...— поддержало Димку еще несколько голосов.

...Что ж, распускаем тимуровские объединения?

А может, сначала разберемся?

История, которой нет в дневнике тимуровских дел

...Когда бабушка Салигат долго не могла заснуть, Садия читала ей книжки. Или бабуш-

ка рассказывала народные предания. Она знала: девочка любит их слушать. Потом вспоминала войну, окопы на Тереке, которые рыли женщины и дети, чтобы преградить путь фашистам. Только про погибшего мужа нелегко было вспоминать...

Они стали почти родными — бабушка Салигат и Садия. Два года назад девочка поняла: того, что тимуровцы ходят к старушке несколько раз в неделю, недостаточно. И попросила у мамы разрешения жить у бабушки Салигат.

Уроки часто приходилось делать по ночам. Надо и в школе все успеть, и родителям, и бабушке Салигат помогать. А та очень болела, с трудом могла ходить, иногда целыми днями не вставала с постели. Кто воды принесет, кто покормит, если не Садия?

В «Артеке» с ребятами весело и интересно. Но нет-нет, взгрустнет Садия, вспомнив свою бабушку Салигат. Незадолго до отъезда Садии во Всесоюзный лагерь старой Салигат не стало. Пусто на душе у Садии.

Этой истории нет в дневнике тимуровских дел Садии Хамзаевой из небольшого дагестанского села Люксембург. Наверное, потому, что рассказ о заботе, внимании к человеку не может уложиться в сухие дневниковые строчки.

Мы спросили у Садии: «Кто такой тимуровец?»

— Наверное, тот, кто понимает другого, близко к себе принимает его жизнь. Это добрый человек.

Почему без Вани не обойтись

Ване Душенко в «Артек» пришло письмо. Вожатая спрашивала: «Когда же ты приедешь? Работа в зоне пионерского действия без тебя утихла. Приходится самой ворошить».

Ох как Ваня обрадовался. Тому, что его не забыли, что он нужен. А потом задумался.

В их зоне действия не только ветераны: улица, колхозный детский сад, теплица, школа. Вроде бы дел много, скучать некогда. Только почему тимуровцев в его Каневской станице все время приходится подталкивать? Упрашивать сходить к ветерану, навести порядок во дворах. А вот погонять мяч стоит только кликнуть — сразу выбегут.

Стал Ваня вспоминать, как отчитывал ребят, покрикивал — и покраснел. Тоже хорош. Может быть, неинтересно ребятам именно потому, что их все время заставляют. Ведь когда в колхозе пропадал урожай помидоров, тимуровцы сами решили: надо помогать. Даже предложили учебные занятия на воскресенье перенести. И работали как следует. Работали как взрослые.

И когда в прошлом году познакомились с Ефросиньей Семеновной Еременко, вдовой солдата Великой Отечественной, тоже никто не раздумывал. Вскопали грядки в огороде, посадили картофель, накосили травы. Никакой награды за труд не хотелось. Хотелось

просто все-все по дому переделать, чтобы Ефросинья Семеновна не чувствовала себя одинокой.

Может, стоит действовать в своей пионерской зоне просто так, без приказов?

Вот о чем думал Ваня Душенко в «Артеке».

Шла по улице разведка...

— Да, действовать без приказов! — поддержали участники итогового разговора мысль о самостоятельности тимуровских команд.— А то чего только некоторые штабы не изобретут! К сорокалетию Победы — сорок встреч с ветеранами. К съезду партии надо «бросать» фронтовиков и срочно «выявлять» ветеранов партии или организовывать 27 добрых дел. Ни больше ни меньше. А

сколько времени потребуется на рапорты, отчеты об этом! Разве это по-тимуровски?

— Тимуровская работа должна идти от сердца, а не потому, что кто-то велел,— доказывал Сережа Кнышш.— Самим надо дела находить.

А как?

Обычно в начале учебного года новая тимуровская команда обходит свою зону действия. Стучат в дом, звонят в дверь:

— У вас не живут ветераны? Вам не нужна помощь?

— Нет, деточка, сами пока справляемся,— часто слышат они в ответ от пожилых людей.

В таком обходе одна московская команда услышала необычную просьбу. Мужчина не сразу решился заговорить о ней:

— Понимаете, у меня сын глухонемой. Совсем один. Никто с ним дружить не хочет. А он хорошо по губам понимает. Рисует неплохо.

— Вы его в изокружок запишите,— посоветовали тимуровцы и пошли дальше. «Не наше дело,— решили они,— мы за ветеранов отвечаем».

Мальчишка остался одиноким, потому что эти ребята могли быть заботливыми только по инструкции.

Оказывается, можно поступать иначе. Андрей Анищенко, семиклассник Петровской школы Воронежской области, играл с ребятами во дворе. А один мальчик стоял в сторонке.

— Иди с нами играть,— позвал Андрей.

— Димке нельзя, он после операции,— пояснил кто-то.

— Давай, я буду твоим тренером,— предложил Андрей.

Вся дворовая команда помогала им. Через три месяца решили провести соревнования. Димка всем на удивление занял

по подтягиванию первое место — подтянулся 24 раза!

Стоящее ли это дело для тимуровской команды — тренировать слабого? А устраивать воскресный детский сад, как в одном из дворов города Дзержинска, где живет Ира Туманина? Или наводить порядок с телефонами-автоматами в микрорайоне, как тимуровцы школы № 53 города Кирова?

Любое дело стоящее, если оно необходимо людям. Так, наверное?

Бить или не бить?

Во Всесоюзный штаб Тимура пришло письмо: «Мы — квакинцы. Там, где живем, бьем тимуровцев и ломаем то, что они делают». Письмо — вызов.

— С такими нужно бороться морально,— сказала Саша Гаврилова.— Может быть, это и неплохие ребята, только сбились с пути.

— Да, представляю,— усмехнулся Алеша Белюшенко,— подходишь к такому квакинцу и говоришь ему: «Петя, ты делаешь нехорошо». А он тебе — кулак под нос. Иногда и силу нужно применить.

Две точки зрения: борьба моральная и борьба силовая. Что выбрать? Наверное, выбирать не надо, надо в конкретной ситуации чувствовать правильное решение. Вот как, например, в этих случаях.

В микрорайоне школы № 14 г. Коломны Московской области появился сводный тимуровский отряд. Слишком активно стали шалить квакины... Поступил сигнал: в теплицах хулиганы бьют стекла. Тимуровцы нашли виновников, разобрались. Как? Точно не знаем, но теплицы оставили в покое.

Было и другое. Пришли в школу, где собрались тимуровцы, здоровые парни, стали задираться. У ребят в это время чаепитие было. Они тех парней рядом усадили, разговорились, и вражды не стало.

А поражение тимуровцы из Коломны все же потерпели. Но не от квакиных — от своих родителей. Ребята дежурят в кинотеатрах на детских сеансах, а нескольким пятиклассникам отцы запретили: «Как бы чего не случилось — лучше дома посиди». И выбирать тем пятиклассникам не пришлось: борьба моральная или борьба силовая...

— Нужно ли создавать специальные команды против хулиганов? — усомнился Сережа Иосифов.— Не проще ли каждому тимуровцу не отступать перед такими? Подниматься на выручку друг другу как по сигналу тревоги.

— Все это верно. А не получается ли, что мы сами порождаем таких ребят? Поделили мир на квакиных и тимуров. А откуда они берутся, квакины?

Вопрос верный. Вспомните, еще в первом классе какого-нибудь мальчишку записывают в «трудные»: за не очень хорошую учебу, за то, что задиристый, вертится на уроках, грубит. И все школьные годы его только разбирают, отчитывают. Кому охота дружить с таким? И во дворе родители строго-настрого предупреждают: с таким-то не водись.

Куда ему податься? Искать себе подобных? Делать всем назло, утверждаться хотя бы на улице с помощью кулаков?

Если бы в каждом пионерском отряде никто не оказывался «лишним» — тогда, возможно, меньше было бы квакиных.

Многому можно учиться у Гайдара. Почему мальчишки-квакинцы переходили в команду к Тимуру, и сам Квакин в конце концов тоже перебрался, помните «Клятву Тимура»? Тимур организовывал ребят на действительно стоящие, интересные дела.

Когда умирает команда

Жил в городе Волгограде Ленька. Никаких подвигов он не совершал. Зимой видит: на улицах скользко, люди падают. Раздобыл ведро с песком, посыпал дорожку. Весной грязь кругом. Ленька и ребята собрались, обежали ближайшие дворы, нашли доски, фанеру. Спешат люди на работу, а под ногами уже не хлюпает привычно грязь. Заодно решили от веток очистить небольшую площадку во дворе — для игр. Вот и сложилась у Леньки своя команда. Стало веселей вместе, научились помогать друг другу.

Так и жили, пока не записали Леньку Мигачева в школьный тимуровский штаб. Дела вроде бы похожие, только проводятся в определенные дни недели. И отчитываться обязательно за них нужно. Да и дружба исчезла прежняя.

Жаль, что Ленька бросил свою дворовую команду. Может, она-то и была настоящей. Дела им не приходилось выдумывать. Почему вообще тимуровские команды чаще создаются в школах? Если все, кому нужна помощь, живут рядом: на одной улице, в соседнем доме, даже на одной лестничной площадке.

Стоит выглянуть из окна, и увидишь, что малышам делать нечего, кроме возни в песочной куче. Каждый день пробегаешь мимо пожилого человека, который часами сидит один на лавочке и ему даже поговорить не с кем. Надо ли ждать, пока прикрепят к нему тимуровцев? Или бежать за отрядом юных дзержинцев, если хулиганы устанавливают во дворе свои порядки?

Хорошо, когда команда состоит из ребят твоего двора. Неважно, сколько в ней человек, какой у них возраст, главное, чтобы эти ребята хотели сделать жизнь вокруг справедливой и интересной. **Пусть тимуровская команда станет пионерским хозяином во дворе, на улице, в микрорайоне.**

Ребятам из Тулуна Иркутской области пришлось бороться за березовую рощицу в своем микрорайоне. Водители автомашин сваливали туда мусор и хлам. Ребята очистили березняк и установили дежурство. Некоторые водители продолжали рощу засорять. Уговоры не помогали. Пришлось сообщать номера машин нарушителей в автопредприятия. Порядка тимуровцы добились.

Что это — еще одно не совсем тимуровское дело?..

Во время смены в «Артеке» некоторые ребята, иногда и взрослые, просили представителей Всесоюзного штаба Тимура:

— Дайте нам четкие рекомендации, как действовать.

Дать их, конечно, можно. Только все равно не учесть всех дел, за которые стоило бы взяться тимуровцам. Вдруг, выполняя рекомендации, пионеры опять пройдут мимо настоящей беды, как это случилось с глухонемым мальчишкой.

А теперь пришло время вернуться к вопросу, поставленному в начале этого материала,— стоит ли распускать тимуровские объединения? Нужно ли сейчас тимуровское движение?

Вывод, конечно, один — движение нужно, но...

Так ли необходимы дневники тимуровских команд? Ведь важен не учет, важны сами дела.

Всегда ли стоит ждать распоряжений сверху: сделайте так-то, сделайте то-то? Тимуровцы действуют не по приказу, а по велению сердца. Они должны видеть сами, где нужна их забота.

А яркие альбомы? А внушительные стенды? А театрализированные рапорты перед дружиной? Люди, их хорошее настроение, налаженный с помощью тимуровцев быт — вот что должно прежде всего волновать тимуровцев.

Вот такой получился в «Артеке» разговор. Вот такие выводы.

С. ДРОЗДОВ,
С. ЦЫМБАЛЕНКО.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята! Мы ждем ваших мнений! Как бы вы ответили на вопросы, поставленные в этом материале? Во всем ли вы согласны с авторами статьи?

ВНИМАНИЕ!

В № 10 нашего журнала открывается НОВАЯ ПИОНЕРСКАЯ РУБРИКА!

Ребята! Спешите стать ее авторами — юнкорами «Пионера»!

Для этого заполните «Карточку юнкора», подробно ответьте на вопросы, которые мы поставили перед вами в №№ 6, 7, рассказывая о НОВОЙ ПИОНЕРСКОЙ РУБРИКЕ, и пришлите в журнал.

Карточка юнкора

1. Фамилия, имя ____________
2. Домашний адрес ____________
3. Сколько тебе лет ____________
4. В каком классе ты учишься ____________
5. Номер школы ____________
6. Чье имя носит ваша дружина ____________
7. Что ты любишь больше всего ____________
8. Что ты не любишь ____________

ЮНЫЕ ФОТОКОРЫ! Ждем от вас фотографии на любую тему из школьной и пионерской жизни: «Пионерский сбор», «Перемена», «Школьный двор», «Урок», «Пионерский праздник», «Мой друг» и другие. Присылайте фотоснимки размером 13×18 (и негативы к этим снимкам), не забывая их подписывать.

ЮНЫЕ ХУДОЖНИКИ! ЮНЫЕ КАРИКАТУРИСТЫ! Ждем от вас КАРИКАТУРЫ на темы школьной и пионерской жизни. Все, что кажется вам смешным, требующим критики и острого карандаша, рисуйте и присылайте в редакцию журнала «Пионер». ЛУЧШИЕ РАБОТЫ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ.

Что ждет вас в новой пионерской рубрике в № 10?

История о пионерке Юле.
Новая песня «Отрядный марш».
Адреса для переписки.
Ответ старшего товарища на важный вопрос.
Несколько ответственных юнкоровских заданий.

ИТАК, НОВАЯ РУБРИКА ЖДЕТ ВАС, РЕБЯТА!

Всех, кто откликнется, просим на конверте писать «НОВАЯ РУБРИКА».

Лев Квитко

(1890—1952)

Какое это счастье для детского поэта, когда стихи его знают и любят. Выступает он перед детьми, вдруг споткнулся, забыл строчку, а весь зал сразу ему дружно подсказывает. Так бывало с Чуковским, Маршаком, Барто, Михалковым... И такое же счастье выпало на долю Льва Квитко. Когда Сергей Михалков перевел его стихотворение:

Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Мы их не обидим:
Поглядим и выйдем! —

то эти строки повторялись всей детворой. Так же как и раньше, когда в переводе Маршака увидело свет стихотворение Квитко «Письмо Ворошилову».

Такие стихи не надо заучивать, они каким-то чудом мгновенно запоминаются.

Лев Квитко писал на идиш — еврейском языке. Но как только появились первые переводы его стихов на русский язык, они стали печататься и на всех других языках народов нашей страны. Известность Льва Квитко увеличивалась с невероятной силой. Казалось: появился новый, молодой, очень талантливый поэт. А когда я в 1936 году увидел впервые Льва Квитко, ему уже было 46 лет — по моим тогдашним понятиям, почти стариковский возраст... Но невозможно было считать Льва Моисеевича даже сколько-нибудь пожилым. Настолько он был молод лицом, фигурой, прелестной улыбкой. Лишь много позже, мы, современники Квитко, узнали, какое было у него трудное, трагическое детство и как нелегко сложилась жизнь у этого улыбчивого, веселого, необыкновенно доброго человека.

В коротенькой автобиографии, которую однажды Квитко написал, он рассказывал: «...родители мои были чрезвычайно бедны. Отец и мать умерли рано от туберкулеза, равно как и все мои пятеро сестер и братьев. Остался я один с бабушкой... С 10 лет сам зарабатывал на себя. О школе не мог даже мечтать. Все же я читал и писал стихи и прозу. Революция освободила меня, как и миллионы других. В 1917 году я напечатал первую книгу стихов. Это был сборничек стихов для детей».

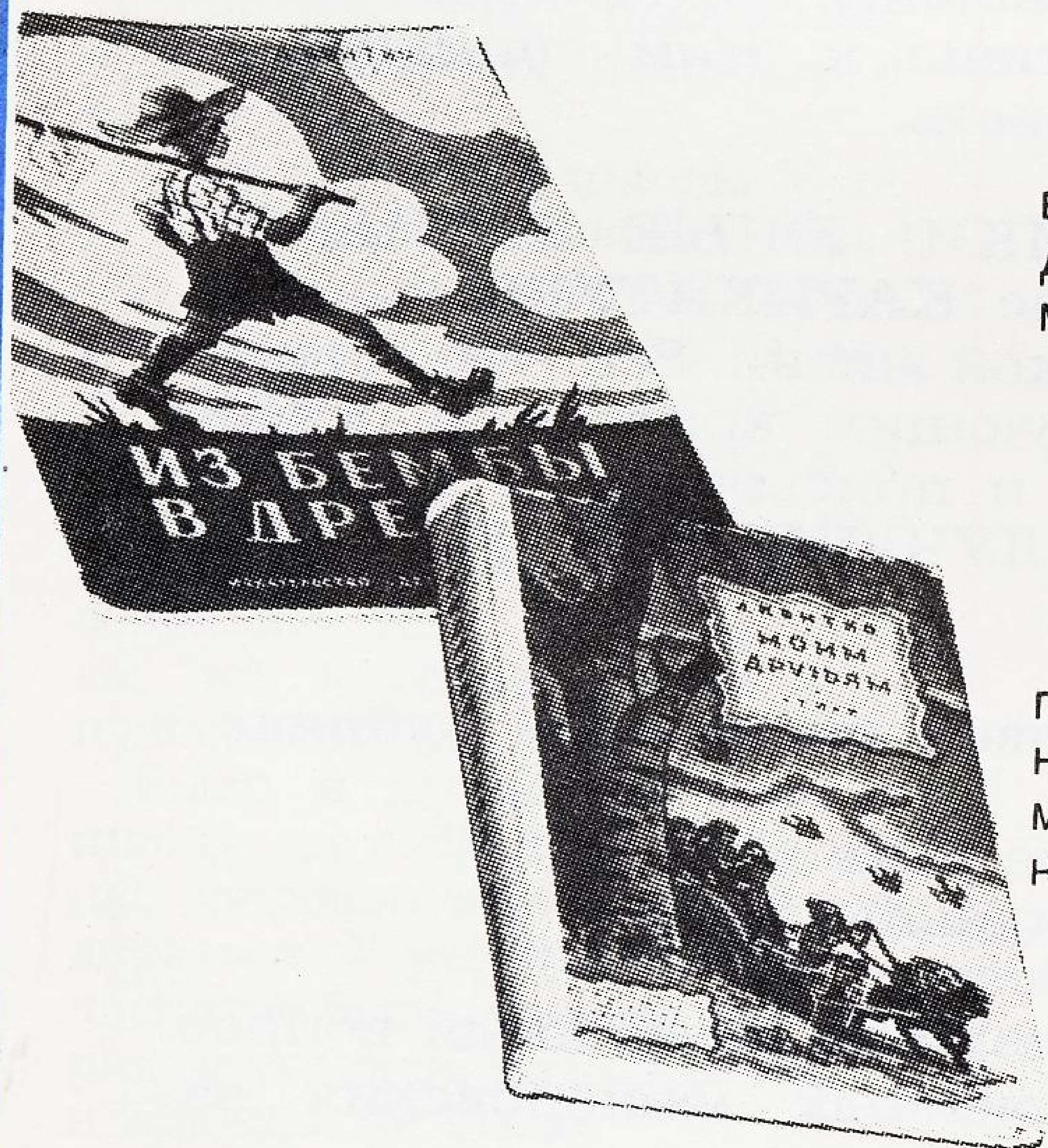
Случайностью ли было то, что утомленный непосильной работой юноша, самоучкой научившийся читать и писать, свои первые стихи написал для детей? Каждый, кто знал Льва Квитко, понимал, что это не было случайностью. Он любил детей, хорошо знал народные песни, загадки, считалки.

Вся гражданская и поэтическая жизнь Льва Квитко была отдана детям. Он считал, что детство — важнейший период в жизни человека, что оно обязательно должно быть прожито радостно, разумно, весело — оно должно быть счастливым! И делал все, чтобы его маленькие читатели были способны радоваться солнцу, дождю, речке, лесу — всем проявлениям жизни.

Что это — сказка, песня
Или чудесный сон?
Арбуз тяжеловесный из семечка рожден.

Лев Квитко был страстным патриотом своей Советской отчизны. Это выражалось в народности его поэзии, в неразрывной связи поэта с народом в дни радости и дни испытаний. Он ощущал себя частицей советского народа и не мыслил свою жизнь вне Родины. Незадолго до смерти, в 1952 году, он написал:

Без Родины умрет мой стих,
Чужой и матери и детям,
С тобой, страна, живет мой стих
И мать его читает детям.

«...И мать его читает детям...» — вот это было заветной и вечной мечтой поэта. Он писал большей частью стихи для самых маленьких, для тех, кто еще не научился читать. Он писал стихи, представляя себе, как читает их своим детям мать. И писал он много, щедро, все ему было мало, все ему казалось, что он еще не выговорился до конца.

Сколько тайн я разгадаю,
Сколько сказок я сложу!
Эти тайны, эти сказки
Всей земле перескажу!

Но и за те годы, которые были отпущены ему судьбой, Лев Квитко сказал детям много. Его сказки, колыбельные песенки переходят из поколения в поколение, они являются самым лучшим, самым прочным памятником своему умному и доброму создателю.

Лев РАЗГОН

И. АНДРИАНОВА

ТОМАС С БЕТИНАСА

I

Месяц август — золотой.

Золотеет загар после длинного лета, золотеет тяжелое солнце, золотеют поля. Зреет золотой мед в пчелиных ульях.

Месяц август — пора медового сбора.

Пасечники поселка Дотнува Литовской ССР в августовские дни почти не бывают дома. Главная пасека: табунок ульев, контора, сад, гараж — находится в Дотнуве. Но есть еще тридцать мест в округе, где стоят ульи дотнувского совхоза. Вот туда-то по очереди и выезжают пасечники.

...Дорога от дома до главной пасеки (а по-литовски пасека «бетинас») идет через речку по мостику, оврагу, тенистому парку. Томас Ковера — дотнувский мальчишка-пчеловод каждое утро спешит по этой дороге. Не опоздать бы к отходу машины, не подвести старших, а самое главное — пасечника Йонаса Бальжекаса. Йонас — друг Томаса, взрослый.

Пионер Томас Ковера занимается пчелами несколько лет. Умеет он и мед откачивать из рамок, и ульи утеплять, и пчел подкармливать, различает пчел-тружениц, трутней, пчелиную матку. Томас — опытный пасечник. Однажды держал два улья дома. Но помешала студеная морозная зима: пчелиные семьи погибли. Томас не отчаивается, мечтает снова завести дома ульи.

...Перед тем, как сесть в автомашину, Йонас спросил:

— Ну, что, не боишься, что пчелы снова покусают? Вчера тебе здорово досталось. Я думал, больше не придешь.

Томас молча полез в кузов. Хоть Йонас вдвое старше Томаса, хоть и дружат они, но бывает, скажет что-нибудь невпопад Йонас, даже ответить нечего.

А может быть, прав Йонас: надоест Томасу с пчелами возиться, пойдет он лучше матери по дому помогать и гербарий собирать для школы? Нет, не надоест. Теперь Томас ни за что не бросит пчел. Потому что этим летом с ним на пасеке стали происходить чудеса...

Однажды в самом начале лета Томас задержался в конторе пасеки, потому что пошел проливной дождь.

В конторе интересно: в стеклянных шкафах стоят банки с разными сортами меда, на стенах развешены таблицы, на столах — микроскопы, стеклышки для опытов, пинцеты, химические препараты. Дотнувская пасека — это еще и лаборатория для ученых, здесь изучают жизнь пчел, вкусовые, целебные свойства меда, размышляют, как избавить пасеки страны от пчелиных болезней. Вдруг Томас увидел на столе книжку в зеленой обложке. Взял, полистал и зачитался. А книжка эта была про пчел, про мед... В общем, книжка была полна интересных историй.

На следующий день достал Томас очередную рамку из улья. Блеснул мед в сотах, и увидел Томас, что это не мед, а волшебный камень, похожий на янтарь: тяжелый, с туманной пленкой на поверхности. И вдруг... Вдруг Томас сквозь пленку эту увидел: злые люди на лошадях ворвались в город и нашли там огромные бочки с медовым вином. Захватчики набросились на бочки, а через некоторое время заснули. Тут из засады вышли защитники города и всех врагов — а их было немалые тысячи — перебили...

В этот миг Йонас спросил:

— Томас, ты что, уснул? Сколько граммов?

Томас вздохнул, взвесил рамку на безмене и отдал Йонасу. А сам решил: когда работа будет закончена, разыщет он эту рамку и досмотрит, чем дело кончилось. Но в конторе мед из рамок откачали — и все.

В следующий раз они поехали на другую пасеку, снова там брали мед. И вдруг — еще одна волшебная рамка. Но теперь увидел Томас другую историю... Шел по густому лесу мужик, лапти на ногах, узелок за плечами. Подошел мужик к толстому дереву с большим, как пещера, дуплом, постучал по коре. Тихо внутри, нет пчел, нет зверя. Взобрался путник по веткам, прыгнул в пещеру-дупло, а там меду — море разливанное. Мужик и увяз по горло. Ведь пчелы, когда наполняют дупло или колоду медом, на другое место улетают, чтобы свежий мед собирать да молодых пчел выращивать... Просидел мужик в меду два дня, думал: «Никогда мне отсюда не выбраться. Смерть сладкая пришла». А тут медведь по лесу брел, сунул в дупло лапу, мужик сообразил, за лапу ухватился и закричал. Медведь его и вытащил, да сам с перепугу в лес убежал...

— Томас, спишь? Сколько граммов?

Опять Томас со вздохом отдал чудесную рамку Йонасу. Не мог же он признаться, что мед рассказывает ему сказки. Засмеет Йонас — он взрослый, в сказки не верит...

А Томас теперь ни за что пасеку не бросит. Пока все сказки не пересмотрит. Вот о чем думалось-вспоминалось в машине.

II

Пасека, к которой сегодня ехали, лежала рядом с клеверным полем. Гибкие плети с тяжелыми малиновыми цветами, аромат летний-летний, сладкий-вязкий, и все поле жужжит, шевелится — пчелы копошатся на цветах, нектар собирают. И опыляют растения...

— Ну, Томас, сейчас твоих друзей будем ворошить! — это снова Йонас. Ох, и дождется он у Томаса. На пасеке-то нельзя бегать, делать резкие движения, суетиться — пчелы набросятся и покусают. Но уж, когда пасечники вернутся в Дотнуву, Томас такой «штычок» Йонасу отвесит — будьте уверены.

...Работали парами. Йонас, конечно же, с Томасом. Открыли первый улей. Подняли подушку — она для тепла: ведь и летом бывают холодные дни,а уж утренников зябких не счесть... Появились вертикально стоящие рамки, тысячи пчел, тревожно зажужжавших, а Йонас начал вытаскивать рамки с медом, диктовать, сколько какая весит. Каждая рамка имеет свой номер; Томас должен и номер записать, и вес. А еще он вглядывается: не блеснет ли волшебная рамка?

Йонас дымит дымарем, открывает новый улей. Движения медленные, плавные:

— Томас, номер 123, двести граммов. Номер 205, триста граммов.

И вот мелькнула она — волшебная.

— Погоди, Йонас,— сказал спокойно Томас.— Дай мне эту рамку...

Стройные воины-грузины перед боем. Много километров шли по горам, настигая врага. Даже самых сильных, ловких, измотал тяжелый путь. А впереди — бой. Грузины открывают кожаные мешочки и неторопливо едят густую массу. «Кумели, кумели», — говорят они друг другу и улыбаются. «Кумели» — это густой мед, дающий силы, спасающий от голода...

— Томас, ты плохо работаешь. В следующий раз

Рисунки И. ПАНКОВА.

я не возьму тебя,— строго говорит Йонас, забирая из рук мальчика рамку.

Эх, Йонас. А еще друг называется. Томас так расстраивается, что идет прочь с пасеки.

Он бредет по полю, цепляет пальцами толстые клеверные головки, а тоненькое «з-з-з» и густое «ж-ж-ж» провожают его. Наконец Томас вздыхает и ложится в клевер. Небо склоняется к нему синее-синее, клеверные лепестки щекочут лоб, а солнце гладит лучами щеки, успокаивает.

Что это Йонас придирается? Он и так, Томас, единственный мальчишка из Дотнувы, кто не боится и любит пчел.

Он готов заплакать, но вдруг слышит пронзительный крик мальчишек:

— Бетинас! Бетинас! Пасека! Там, в лесу, пчелиная борода на дереве!

Томас зовет:

— Йонас! Иди скорей! Улей сбежал!

III

Друзья в сопровождении мальчишек идут в лес. Йонас молчит, сосредоточен, значит, дело серьезное. В руках у него деревянный ящик.

Пчелиная борода шевелится, десятки пчел то отрываются от нее, то снова прилепляются. Йонас командует:

— Все отошли! — А сам приближается к бороде, открывает ящик, трясет дерево, и борода сваливается в ящик.

Томас подходит, чтобы помочь, но Йонас вдруг говорит:

— Вот будешь большой, поселишься на пасеке и вырастет у тебя такая же борода, как эта — пчелиная.

Этого Томас выдержать не может и бросается к другу. Тот бежит, уворачивается, улюлюкает, но все же Томас успевает ткнуть Йонаса в бок. Йонас падает, как подкошенный, сжимает губы, закрывает глаза — умер да и только.

— Йонас, Йонас, вставай,— толкает Томас друга.— Хватит...

Йонас, не открывая глаз, говорит:

— Скажешь, что в меде рассматриваешь, тогда встану.

Томас вздыхает:

— Хорошо. Покажу в следующий раз. Опять будешь смеяться.

Они шагают обратно по лесу, мимо клеверного поля, несут ящик со спасенной пчелиной семьей, снова на пасеке встают рядом, и Йонас диктует:

— Номер 15, 200 граммов. Номер 3, 200 граммов.

...Последняя рамка оказалась волшебной. Может быть, солнце удачно ее осветило, и Томас увидел...

Какой-то дядька с телегой и лошадью крадется ранним утром к чужой пасеке. Огляделся: никого. Начал таскать ульи в телегу, а тут — бац! — люди появились, хозяин пасеки и свидетели. Потом был суд: вору присудили заплатить штраф — 3 гривны денег или отдать хозяину пасеки лошадь...

— Это в Московской земле было так, князь Ярослав Мудрый закон о пчельниках принял. А у нас в Литве и того хуже: вора ждала смертная казнь,— прошептал Йонас, склонившись над мальчиком.

— Ты тоже видишь? — удивился Томас.

— Вижу. Мед нам свои истории рассказывает,— серьезно сказал Йонас.— Тот человек настоящий пчеловод, кто эти истории знает.

— А ты откуда знаешь? Тоже из рамок?

— Ой какой ты еще несмышленый! Из книг я знаю, вот откуда. А ту книжку в зеленой обложке я тебе подсунул и задумал: если станет Томас читать, значит, смена растет, значит, следующим летом не гербарий он будет собирать, а снова к нам на пасеку придет,— пояснил Йонас...

Домой возвращались в сумерки. Йонас, сидящий в кузове, рассказывал:

— Представляешь, какой древний продукт — мед? Пять тысяч лет до нашей эры люди начали приручать пчел, селили их в гончарные трубы и лакомились этим медом. А когда впервые человек попробовал мед лесных пчел, уже и трудно сказать... Знаешь ли ты, что в меде до семидесяти видов полезных веществ? От чего Илья Муромец, сиднем сидевший на печи тридцать лет, исцелился? От питья медового...

Когда прощались у конторы, Йонас спросил:

— Не обижаешься на меня?

— Да нет,— ответил Томас и отвел глаза: обида все-таки шевельнулась в груди, сонная, полузабытая.

— Ты, наверное, думаешь: «Ах, я — единственный юный пасечник Дотнувы! Ах, я пчел люблю! Готов ради них с первой утренней звездой встать! Я — чуточку герой!», Думаешь! Признавайся!

— Откуда ты знаешь, что я думаю? — покраснел Томас.

— Ладно уж, думал, думал так сегодня. Вот, когда будешь работать просто, не обижаясь, не размышляя о собственной персоне, когда будешь знать: день без дела — потерянный день — и поймешь, что труд необходим человеку, как зарядка и завтрак, вот тогда я скажу: Томас у нас молодец. Понял?

— Понял,— кивнул Томас, улыбнувшись.

— И еще, давно хотел сказать тебе. Давай, приводи мальчишек на пасеку. Чем больше людей будут пчелами заниматься, тем лучше. Вот меня отец привел, когда я еще в школе учился, ты своих друзей приведешь, а твои друзья — еще кого-то. Хорошее дело не должно оставаться без хороших людей. Договорились?

— Договорились,— снова улыбнулся Томас.

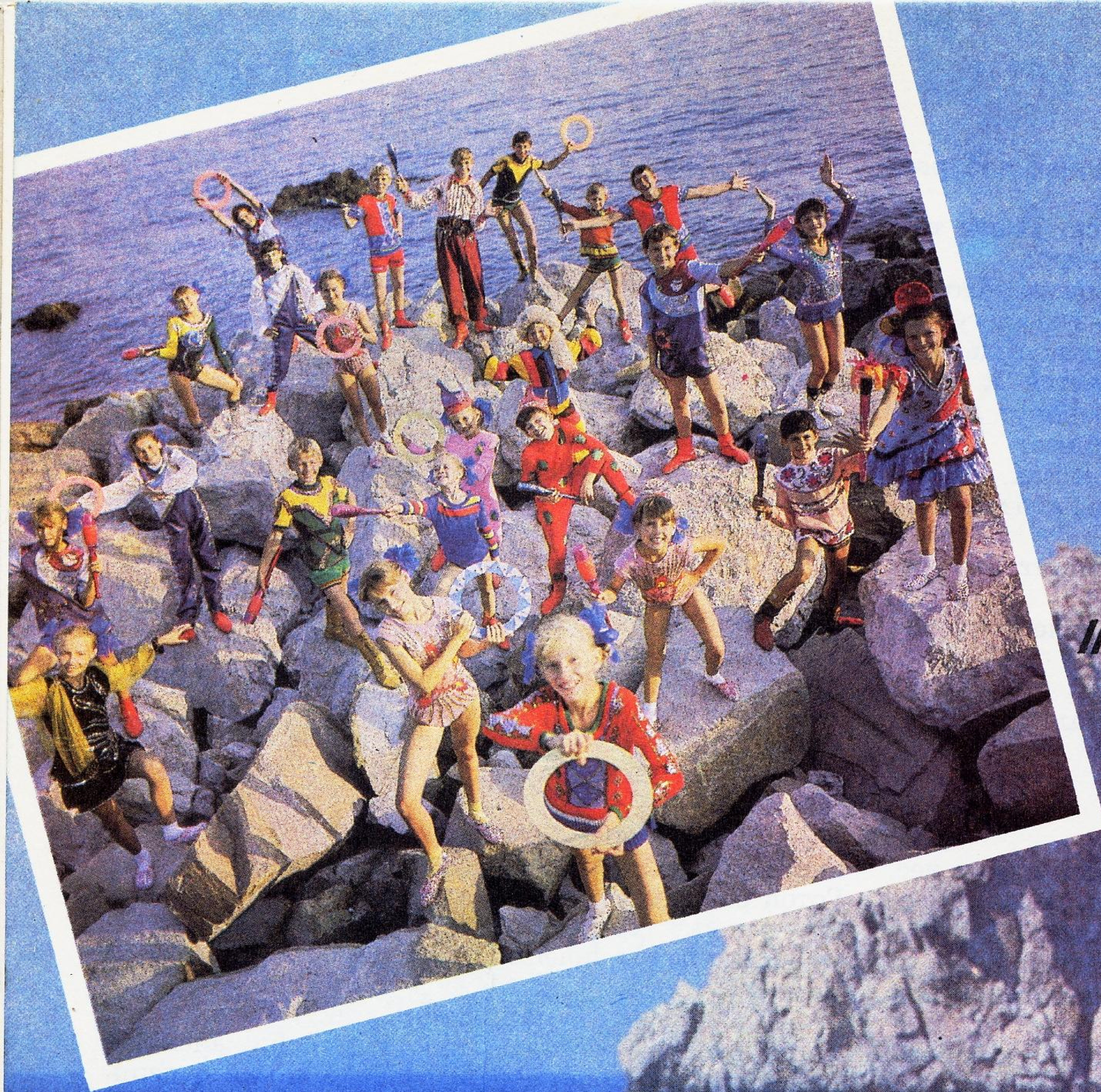
И они разошлись в разные стороны: Йонас пошел ужинать после трудового дня, и Томас тоже пошел ужинать.

Шел Томас и думал: как хорошо дома, где ждут его родители и старший брат. Вот сядут они все за стол ужинать, расскажут друг другу о том, как прошел день. А потом мать попросит: «Поди, Томас, посмотри, закрыла ли я курятник и все ли овцы на месте?» Томас выйдет во двор, запахи вечера, запахи дома окружат его. Он постоит чуть-чуть, подышит теплом хлева, курятника, ароматом цветов и остывающего за день огорода. И почувствует самый любимый на свете запах — медовый. Он давно въелся в руки, никаким мылом не отмоешь. Постоит-постоит Томас и подумает: никогда он из родных мест не уедет, будет жить здесь всю жизнь.

...Над Дотнувой золотилось звездами небо, будто миллионы пчел собрались на бал.

Хороший все-таки месяц август. Золотой. Месяц медового сбора.

ВЕСЁЛЫЕ ЛИЦА „ВЕСЁЛОЙ АРЕНЫ"

Дальневосточный город Арсеньев не сразу найдешь на карте: только присмотревшись как следует, увидишь маленькую точку в Приморском крае. В этом молодом городе находится детская цирковая республика «Веселая арена».

Здесь все, как в настоящем цирке. По-настоящему занимаются балансировкой эквилибристы, разучивают новые репризы клоуны, под куполом репетиционного зала раскачиваются на трапеции воздушные гимнасты. Есть здесь и фокусники, и канатоходцы, и акробаты...

Наш фотокорреспондент сделал эти снимки в «Артеке», куда приехали артисты детской цирковой труппы.

Пятиклассница Анжела Пацук. Жонглировать факелами, да еще на берегу моря, когда легкие волны заливают твою «арену», как видно, очень нравится юной артистке.

«Ареной» для Андрея Капрана на время стала асфальтированная площадка. «Эквилибрист на вольностоящей лестнице» — так называется его номер. Глядя на то, с какой ловкостью Андрей, стоя на лестнице, жонглирует факелами, понимаешь, что за этим стоит упорный, добросовестный, кропотливый труд на репетициях и занятиях в спортивном зале родной школы.

Один из самых сложных номеров программы репетирует Сергей Герасименко, эквилибрист на катушках.

А этим двум девочкам, пятиклассницам Оле Щербаковой и Инне Богачевой, по душе прибрежные камни. Ловко и быстро перебирают они ногами по разноцветным «бревнам». В каком еще цирке можно увидеть этот номер, проделанный на такой «арене»?

В тени зеленой пальмы расположился факир Саша Шевченко. В белой роскошной чалме, в ботинках с загнутыми носами он производит впечатление настоящего фокусника. Того и гляди: заиграет в дудочку, и из невидимого зрителю мешка в такт музыке выползет дрессированная кобра.

...Как и любая другая республика, «Веселая арена» имеет свою символику, Устав и президента. Ритуал выборов президента весьма своеобразен. В прошлом году им стал Саша Шевченко: на первом традиционном сборе-конкурсе он набрал бóльшую сумму баллов за смелость и ловкость, воспитанность и сообразительность. Оценки выставляли сами ребята.

В Уставе записано: «Наш девиз: «Трудное сделать привычным, привычное — легким, а легкое — прекрасным!»

Формула наших побед: «Воля · Мужество · Дисциплина · Дружба · Победа».

...Проходит год за годом. Меняются поколения, а «Веселая арена» не стареет. И не постареет никогда: таково ее искусство. Наверное, очень трудно, а может быть, и невозможно собрать всех воспитанников республики, тех, кому она за 15 лет своего существования дала путевку в жизнь. Далеко не все выпускники «Веселой арены» избрали цирковое искусство своей профессией — только восемь из них стали профессиональными цирковыми артистами. Но детская республика дала им нечто большее, чем профессиональное мастерство, — она воспитала в них многие качества, которые так необходимы всем нам в жизни.

Л. АКИМОВА

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

РАЗГОВОР БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА

...Растут, растут две стопки писем. Пришли они в ответ на дискуссию «Перевод со школьного...», напечатанную в «Пионере» № 9 за прошлый год. В одну пачку я складываю письма, авторы которых высказываются ЗА школьный жаргон, в другую — ПРОТИВ. Сначала первая колонка быстро вверх поднималась, потом другая ее догнала.

Каждое письмо — голос в нашем разговоре. Все голоса поразному звучат. Одни утверждают, другие отрицают, третьи спрашивают. Такой галдеж стоит!

Марина Бурашникова из города Пионерского говорит: «Я не согласна с теми, кто считает, что жаргон дополняет язык. В русском языке и так много слов, позволяющих выразить свою мысль точно. Я уверена, что никто не назовет нелепыми жаргонными словами научное открытие».

Оля Перова из Одессы категорически заявляет: «Жаргон засоряет речь, с ним надо непримиримо бороться». «Только классическая литература может научить красивому языку»,— продолжает разговор Галя Виноградова из Кишинева. «Начитанные люди не говорят на жаргоне»,— соглашается с ней Ира Шевко.

«Я не люблю классическую литературу и не собираюсь говорить так называемыми красивыми словами,— возражает им Галя Лепнева из Канска.— Мне жаргон куда ближе. Я буду им пользоваться, и этого мне никто не запретит». Галю поддерживает А. Д. из Ленинграда: «Я считаю, что жаргон — вполне обычная форма общения. Жаргон — свободный, вольный язык». «С возрастом это пройдет,— говорит Ира Ромацова из Хабаровска,— а пока мы хотим казаться взрослыми и независимыми».

«Вы задаете вопрос,— обращается к нам Лена Захарова из Миасса,— почему школьники говорят на каком-то странном, непонятном взрослым людям языке? Но не только язык у нас особый. Мы, дети, не можем быть такими, как взрослые. У нас свои понятия и взгляды на жизнь».

В некоторых письмах слышатся тревожные вопросы, на них и спешу ответить прежде всего.

покорнейше прошу милостивый государь

Эй, в синем пальте!

Если жаргон не язык, то что же это?

Катя Миронова, г. Химки.

Многие взрослые ругают школьников, что они говорят на непонятном им языке. А моя бабушка иногда такое слово скажет, никто перевести не сможет: «Куды в обувке и в пальте?» Это не жаргон, конечно, но что же?

Дима Харитонов из Пскова.

Хочешь открыть новый, неизвестный тебе язык? Для этого не надо отправляться за тридевять земель. Прислушайся к разговорам в твоем городе, селе.

— Местов нету.

— Тогда становь сюды.

— Железно!

— В синем пальте, под нами живет.

— Ишь, расфуфырилась.

— Сегодня вёдра.

— Пока.

Этот язык называется разговорным. Он отличается от привычного тебе литературного языка, на котором написаны книги и газеты, который ты слышишь на уроках. В разговорном языке краткие, неполные предложения, нет причастий и деепричастий. Неясно значение многих слов. Другие слова понятны, но звучат как-то странно, неправильно. В общем, трудно разобраться без переводчика.

Слово «вёдра» поймет лишь житель русского севера. Означает оно хорошую погоду. Живет только в определенной местности и называется диалектным. Слова «местов», «становь» как и «в пальте», «в обувке» — неправильные формы слов «мест», «ставь», «в пальто», «в обуви». Говорят так люди малообразованные. Называются такие упрощенно-искаженные слова просторечиями. «Железно» — известное тебе жаргонное слово, означает оно — обязательно, точно. В каком значении сказано слово «пока», ясно лишь собеседникам. Прощаются ли они, или имеют в виду другое?

Как видишь, есть у разговорного языка свои правила, свои слова́. Жаргон — тоже часть разговорного языка, живет по его законам и правилам.

Пятак за контролку!

Снова Вавилонская башня?

Я за жаргон. Не на уроках, конечно, а на улице, на перемене. Скучно же всегда говорить литературным, книжным языком.

К. И. из г. Брянска.

Я взрослый человек. Но постоянный читатель «Пионера», поэтому прошу ответить и на мой вопрос. Мои внуки говорят на непонятном мне школьном жаргоне. У родителей внуков свои профессиональные слова, они строители. Многие мои выражения кажутся детям и внукам устаревшими, вызывают улыбку. Не постигнет ли нашу семью участь строителей Вавилонской башни?

Н. П. Григорьев, г. Москва.

Легенда о Вавилонской башне возникла давным-давно. В Древней Вавилонии жил счастливый и богатый народ. Лишь небом не владели вавилонцы. Решили покорить и его. Начали строить башню, чтобы достать небо. На несколько миль взметнулась ввысь башня. Внезапно люди заговорили на разных языках, перестали понимать друг друга, строительство прекратилось. Так были наказаны люди за жадность и стремление к власти.

А теперь представь себе, что получится, если газеты начнут выходить на разных диалектах и жаргоне. Архаизмы — устаревшие слова — хлынут в передачи радио и телевидения. Да, начнется настоящее вавилонское столпотворение, хаос, неразбериха!

Увидят, например, читатели в журнале: «Пятак за контролку». Ваши дедушки и бабушки решат, что речь идет о пятикопеечной монете. Ты станешь утверждать, что пятак — отметка за школьную контрольную.

Твои родители не смогут перевести слово «клевый», немногие поймут диалектное «баской». Но слово «красивый» ясно людям всех возрастов и областей. На литературный язык «баской», «клевый» и переводятся словом «красивый». Именно оно закреплено в языке правилом — нормой. Литературный язык считается языком правильным, нормированным. Он всем понятен. В этом его главное отличие от разговорного языка и превосходство над ним.

На литературном языке написаны книги, печатаются газеты. Пока он существует на свете, люди разных возрастов и профессий будут понимать друг друга. И вавилонское столпотворение не постигнет семью дедушки, приславшего нам письмо.

Литературным нормам учат в школе. На точном и правильном языке ты говоришь на уроке. Наверное, ты не рискнешь отвечать урок на жаргоне, да и запас жаргонных слов мал для этого. Если же попробуешь заговорить устаревшими словами, одноклассники так удивятся, словно ты на урок во фраке пришел.

После урока, беседуя с друзьями, ты волен сам выбирать слова. Выбор слов зависит от твоей образованности, культуры, а иногда среды и даже области, в которой ты живешь.

Авоська и авось

Я хочу бороться с жаргоном, но посоветуйте, как?
Т. Морозова, г. Одесса.

К нам в класс пришел новенький. Он часто говорил жаргонные слова и еще похуже... Мы все решили: скажет новенький плохое слово — получай щелчок. Сейчас почти не говорит. Только иногда забывается.
Света Кривенко, г. Таганрог.

Предлагаю законом запретить говорить жаргонные и разные бранные слова. Наказывать тех, кто этот закон нарушает.
Ира К., г. Орел.

В языке, как и в зеркале, можно увидеть современное тебе общество. Перемены в языке всегда связаны с общественными изменениями. Появилась новая профессия — новые слова родились. Возникло новое понятие — новое слово появилось или старое теперь в новом значении живет.

Вот какие превращения случаются порой со словами. В древности среди нищих ходило слово «двурушник», так называли они своих собратьев, которые протягивали за подаянием сразу две руки. Нищие остались в прошлом, но слово живет. Двурушником зовут теперь жадного и нечестного человека. Может, когда-нибудь оно совсем уйдет из нашего языка.

«Авось» звали на Руси человека, который не работал, а жил, надеясь на случай. Со временем «авось» стало междометием. Говорили: «Авось, повезет». В голодное время авоськами назвали сумки-сетки, в которых благодаря случаю появлялись продукты. Сейчас лишь твоя бабушка изредка пользуется этим словом.

Слово «космос» родилось в Древней Греции и первоначально означало «порядок». Позже получило значение «вселенная». Образованные от слова «космос» «космодром», «космонавтика», «космонавт» появились в словарях только в конце 50-х годов нашего столетия, когда началось активное освоение человеком вселенной.

Как видишь, нельзя управлять языком с помощью указов и постановлений. Запрещать слова или утверждать их новые значения. Никогда не пытались издавать таких указов. Приказ не смог бы нарушить вечный закон языка: жить жизнью общества, отражать все достижения и недостатки, болезни его.

Ушли из нашего языка унизительные обращения: «милостивый государь», «покорнейше прошу», «честь имею» — нет у нас униженных и забитых людей. Уходят из разговорного языка просторечия, неправильные формы слов. Внук уже с трудом понимает бабушку. Ушли из нашей речи слова босяков, нищих, бродяг, карточных шулеров, или изменилось их значение. Но раздается еще на улице грубая брань хулиганов, а это значит, есть они на свете и надо бороться с ними. Тогда чище, правильнее станет и наш язык.

Когда слово — сигнал тревоги

Я живу в Казахстане. В поселке у нас всего одна школа. В школе в законе уличная брань. С этим никто не борется. Старшие командуют младшими, заставляют их бегать за сигаретами. Избивают, если они не подчиняются.
Ученица 8-го класса.

Я и мои друзья разговариваем только на жаргоне. Учусь я хорошо. Только по поведению у меня неуд.
Таня В., Горьковская область.

Речь может рассказать о нравственности человека — его внутренних законах жизни. Если человек способен избить, унизить другого, значит, и «уличная брань в законе» его речи. А если ругается, грубит, то и обидеть может.

Грустно слушать, когда искажает слова неграмотная бабушка: «транвай», «вчерась», «супротив», «ейный». Напоминает ее речь, что не могла бабушка в годы своего трудного детства учиться и не было в ее жизни ничего, кроме изнурительной работы.

Удивляет, когда школьник вопреки литературным нормам произносит: «торта́», «выбора́», «инженера́». Говорит «зво́нит», а не «звони́т». Когда сообщает, что «одел пальто», забывая, что литературная норма «надел». Когда обращаясь к прохожему, он просит «подсказать», а не «сказать», как пройти. Выясняет, кто **«крайний»**, а не **«последний»** в очереди. Произносит вдруг нелепое: «страшно красиво!». Это значит, не очень он начитанный человек, невысока его культура.

Тяжело слушать, когда человек все свои чувства выражает только жаргонными словами — не богат внутренний мир этого человека.

Опасно, если законом речи стала уличная брань, язык воров и хулиганов. Это звучит уже как сигнал тревоги и надо бросаться в борьбу за человека.

Чтобы добиться чистоты языка, не за слова или против них бороться надо. Сражаться надо за чистоту чувств и мыслей, за культуру и нравственность людей.

Н. ДАВЫДОВА

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Слава СЕДОВ — москвич. Он учится в школе № 597, занимается в кружке сценаристов Московского городского Дворца пионеров.

Лошадь в опасности

...Лес неожиданно кончился, будто оборвался. Раздирая бока в кровь, лошадь смяла последние кусты и оказалась на знакомом пространстве. Солнце на мгновение ослепило. Однако голоса волков, пробиравшихся сквозь чащу, быстро приближались. Лошадь стряхнула с себя последние колючки кустарника и помчалась по знакомой равнине. Привычно засвистел в ушах ветер, за спиной разостлался легкий шлейф буроватой пыли. Темная спутавшаяся грива развевалась, копыта выстукивали бешеную дробь скачки: «Вперед! Вперед! Вперед!» Голоса волков, вырвавшихся из леса, слились в один пронзительный вой, но лошадь уже ничего не слышала. В голове все сильнее стучала кровь, солнце палило нестерпимо. Показалась знакомая груда камней. После нее дорога круто пошла вверх.

Теряя силы и скорость, лошадь взобралась на вершину холма и остановилась.

Внизу, совсем близко, лежала родная деревня. Из горла вырвалось ржание, больше похожее на хрип.

Она вдохнула запах собак, людей, стойла и ринулась вниз. Перед глазами поплыли красные круги, в голове звенело. Последнее, что она увидела, были бегущие к ней люди и открывающиеся ворота загона.

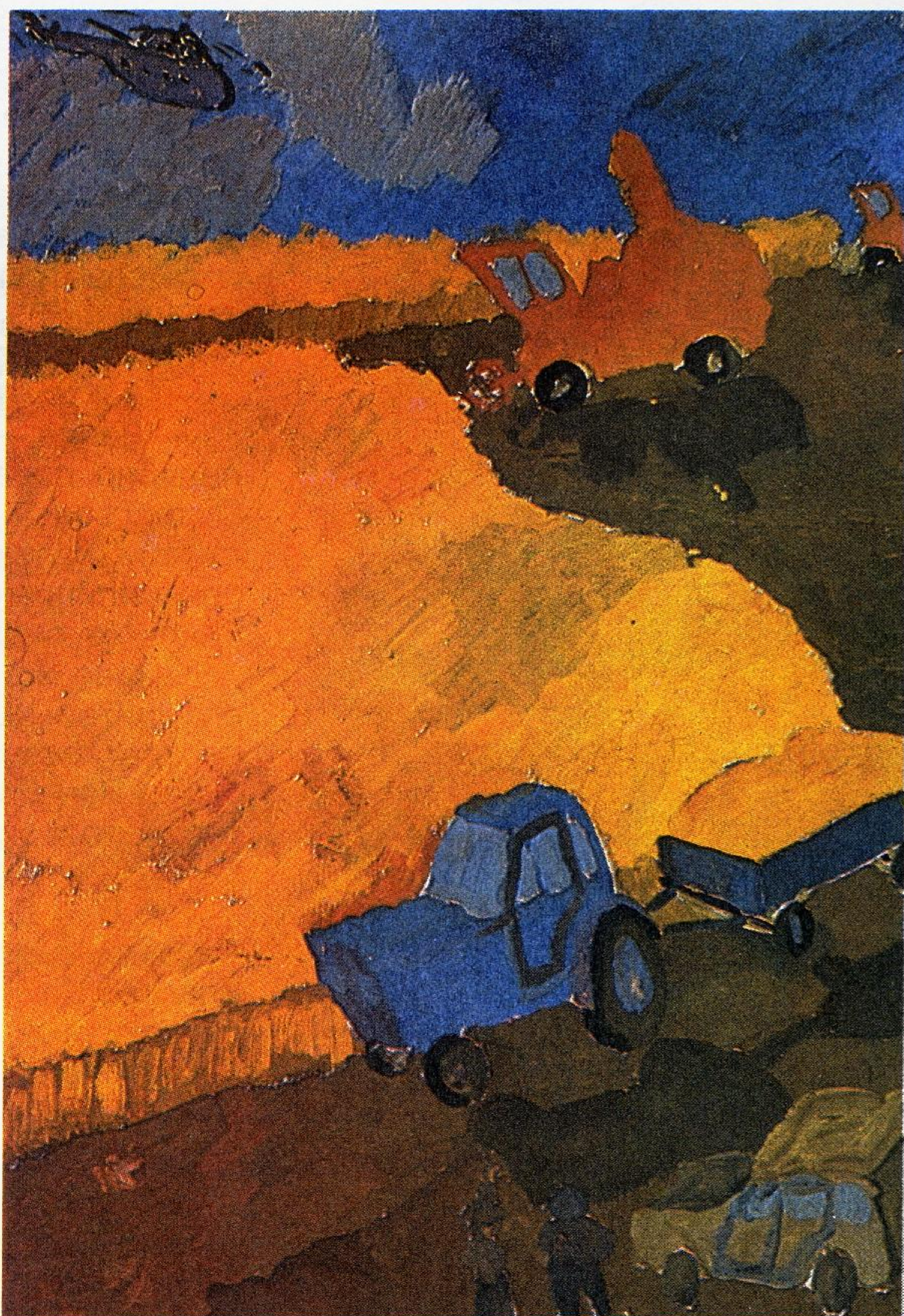
Но главное она успела понять — впереди жизнь, всегда пахнущая людьми и домом.

Юле ОБУХОВОЙ 13 лет, живет она в городе Химки, учится в школе № 6.

Секрет

— Я знаю один преогромный секрет,—
Сказала я Светке,— огромнее нет!
— Ну да! Расскажи! — попросила она.
— Ну нет уж! Об этом я знаю одна!
Я знаю, что солнышко рано встает,
Что где-то в деревне петух нам поет,
Что в полдень, когда нам всем хочется пить,
Идет моя тетя корову доить,
Что в поле работать машина идет,
Что в норке своей толстый суслик поет,
А хочешь — тебе я открою секрет,
Такой преогромный! Огромнее нет!

«УБОРКА УРОЖАЯ».
Работа одиннадцатилетнего Игоря КОЧЕРГИНА.

В. РЫБИН

ИМЕНИ ХО ШИ МИНА

В этом году Социалистической Республике Вьетнам исполнилось 10 лет. В самые тяжелые дни борьбы за независимость рядом со взрослыми были дети. Они сражались против колонизаторов, помогали восстанавливать разрушенное войнами хозяйство. 15 мая 1941 года на вьетнамской земле появилась пионерская организация, которая теперь носит имя Хо Ши Мина.

У вьетнамских пионеров — красные галстуки. Красный цвет символизирует кровь погибших за свободу патриотов. Красный галстук делает вьетнамских пионеров причастными к революционным традициям своего народа. Продолжать эти замечательные традиции — важная задача пионерской организации имени Хо Ши Мина.

Пример великого Ленина

Над письменным столом Тхи Ван Донга портрет гимназиста Володи Ульянова, будущего вождя российского пролетариата. Портрет подарили советские ребята три года назад, когда Тхи Ван Донг отдыхал в «Артеке».

На встрече с делегацией Социалистической Республики Вьетнам артековцы забросали вьетнамских пионеров вопросами. Очень хотелось советским ребятам больше узнать о своих друзьях из далекой страны.

Тхи Ван Донга кто-то спросил:

— А кто твой идеал?

— Ленин,— ответил Тхи Ван Донг. А потом рассказал, как прочитал недавно первую книгу о Ленине — о детских годах будущего вождя Октябрьской революции — и как был потрясен удивительными качествами характера Володи Ульянова: его трудолюбием, честностью, принципиальностью. Жаль только, портрета гимназиста Ульянова в той книге не оказалось, посетовал Тхи Ван Донг.

Каково же было его удивление, когда несколько минут спустя под оглушительные аплодисменты ульяновские пионеры вручили ему портрет гимназиста Володи Ульянова!..

Тхи Ван Донг представляет, как Володя Ульянов объяснял когда-то своим товарищам решение трудной задачки или спряжение глаголов. Он же был лучшим учеником в классе.

Тхи Ван Донг смотрит в учебник. Нелегкую задачку задал учитель. Сколько бьется, а одолеть не может. Но он ведь тоже лучший ученик в классе. Как же на него завтра будут смотреть ребята, если он не решит...

Включена настольная лампа. Яркий свет заливает стол. Тхи Ван Донг в который раз склоняется над учебником. Он решит эту задачку, обязательно решит.

Рисунки — фестивальной Москве

В вестибюле Ханойского Дворца пионеров и школьников столпотворение. На стене вывешены рисунки вьетнамских ребят, посвященные XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Строгому жюри предстоит отобрать из них лучшие, чтобы отправить в Москву. Вместе с поделками из бамбука, дерева, соломы, яркими панно и картинами,

лаковыми миниатюрами они будут выставлены в клубе вьетнамской делегации и расскажут о творчестве вьетнамских детей.

Волнуются юные художники, настороженно поглядывают то на свои работы, то на зрителей.

Чан Сыонг тоже волнуется. Так томительно ожидание.

Рисунок Чан Сыонга называется «Жизнь победила». Крестьяне высаживают рисовую рассаду на залитом водой поле. А на краю поля — остатки сбитого зенитчиками американского бомбардировщика. Все это он увидел в кооперативе Датдо, когда ездил с ребятами помогать крестьянам.

— Кто автор? — слышит Чан Сыонг.— Есть здесь автор?

Члены жюри остановились у рисунка Чан Сыонга. Чан Сыонг выходит из толпы зрителей.

— Это что — рисунок выполнен на холсте? — спрашивает кто-то.

— Да,— робко кивает Чан Сыонг.— А сверху лаком покрыт...

— Интересная работа...

— Прекрасный рисунок,— подытоживает размышления членов жюри пожилой седоусый мужчина, к которому все относятся почтительно. Седоусый обнимает за плечи Чан Сыонга, скупо роняет:

— Молодец!

Члены жюри, а за ними и зрители уже давно перешли к другим рисункам. А Чан Сыонг никак не сдвинется с места. Сковала простая, но такая трепетная, такая радостная мысль: его рисунок поедет в фестивальную Москву!

Плыви, письмо, плыви...

Могут ли письма плавать?

Могут, если их запечатать в бутылки и отправить в море.

...Раннее утро. Кажется, всю свою красоту солнце выплеснуло с небес на безбрежную морскую равнину. Картина — не оторвать глаз!

Но не утренним морем пришли любоваться в столь ранний час пионеры 5-й школы города Хайфона. У них важное дело: они снаряжают бутылочную почту. А идею такой почты подал Во Тхи Тхеу. Вон он суетится у плоскодонки — лодку позаимствовал у дедушки, потомственного рыбака.

Слушал однажды Во Тхи Тхеу по радио передачу, в которой рассказывалось о жизни советских ребят. Поразило Во Тхи Тхеу, как активно пионеры Советского Союза борются за мир, какие интересные акции в поддержку сторонников мира проводят. Вот и последняя акция «Нам этот мир завещано беречь» стала для советских ребят кровным делом.

Подумал тогда Во Тхи Тхеу: а почему бы и им, хайфонским пионерам, не присоединиться к этой акции? В тот же день рассказал вожатому.

— Что ты предлагаешь конкретно? — спросил вожатый.

— Конкретно? Вот если бы написать нам письма мира и отправить их с бутылочной почтой по морю в разные концы света...

Несколько дней ребята писали и переводили на английский, французский и русский языки послания мира. Кто-то вложил в бутылку свои рисунки, кто-то — фотографии друзей и родственников. Пусть знает неизвестный адресат, что нет во Вьетнаме семьи, которая не изведала бы ужасов войны и не мечтала бы о мире. О мире не только для своих близких — для всех людей планеты.

...Все дальше в море уходит лодка. На корме позвякивают запечатанные сургучом бутылки.

— Пора, дальше не поплывем — волна усиливается,— говорит вожатый.

Во Тхи Тхеу и двое его помощников пробираются на корму. Летит в море одна бутылка, вторая, третья... Письма хайфонских пионеров отправились в далекий путь. И несется им вослед звонкий голос Во Тхи Тхеу, сочинившего незамысловатое стихотворение — оно тоже отправилось с бутылочной почтой гулять по морю.

Плыви, письмо, плыви
И принеси ответ.
Пусть миру люди скажут: «Да!»,
А войнам скажут: «Нет!»

Рисунки Н. **ФЕДОРОВОЙ.**

МАЛЬЧИШНИК

Мечтательная книга

Михаила КОРШУНОВА и Виктории ТЕРЕХОВОЙ.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Баба Лиза

— Баба Лиза родилась в 1884 году. Умерла девяносто восьми лет, в 1982-м. И, знаете, до последних дней сохраняла ясность, чистоту мыслей. Читала, повторяла стихи Лермонтова. Говорила мне, что они сохраняют ей память.

Передо мной в кресле сидит Мария Николаевна Волчанова, выпускница лесотехнического института, научный сотрудник, специалист по деревообработке. У ее ног на полу — большая сумка. Она полна документов, специально для меня принесенных. Часть бумаг уже выложена на стол. Я договорился с Марией Николаевной о встрече, чтобы она рассказала мне о бывшем директоре Домика Лермонтова в Пятигорске Елизавете Ивановне Яковкиной, которая сумела сберечь домик во время фашистской оккупации Пятигорска.

— Все вокруг горело. Горел весь Пятигорск. Гитлеровцы хотели сжечь и Домик, но удалось его спасти. Чудом,— говорит Мария Николаевна.— Баба Лиза всегда вспоминала об этом как о чуде. Домик Лермонтова называла дорогим существом.

Мария Николаевна показывает запись в дневнике, сделанную Елизаветой Ивановной, когда та уже оставила работу в музее. В дневнике — старой клеенчатой тетрадке — было написано: «У меня такое чувство, будто я хороню дорогое для меня существо».

Это Елизавета Ивановна покидала единственно мыслимую для себя работу — работу хранителя дома-музея. Все силы, весь жизненный опыт она отдала любимому поэту. Любимому еще с гимназической поры.

— А потом Лермонтов помогал ей в старости, его стихи,— добавил я,— которые она читала, повторяла...

— По памяти. Я слышала и удивлялась. Все-таки возраст...

На самом деле возраст, почти сто лет.

— Баба Лиза в молодости работала в типографии. Много лет отдала журналистике — была ре-

---

Продолжение. Начало в №№ 6, 7.

портером судебной хроники. Собрала великолепную библиотеку русской книги.

Волчанова рассказывала и все заметнее волновалась: Елизавета Ивановна — очень близкий, дорогой для нее человек. Мне это было уже известно.

— Баба Лиза руководила музеем с 1937 года. Она, можно сказать, первой поставила работу на широкую научную и общественную основу. Сохранилась переписка со многими видными учеными — с профессором Эйхенбаумом, Андрониковым, Бродским, композитором Асафьевым, профессором Мануйловым. Одно время Виктор Андроникович Мануйлов жил в Пятигорске — готовил экскурсоводов для музея. Были у Елизаветы Ивановны письма от Бонч-Бруевича. Ее подруга Маргарита Федоровна Николева, старая политкаторжанка — на каторге была вместе с Дзержинским,— тоже немало сил отдала музею. Это уже из времен оккупации Пятигорска. Трудилась в музее и Евгения Акимовна Шан-Гирей, дочь Акима Шан-Гирея — троюродного брата Лермонтова. Сохранила и передала музею стол, принадлежавший поэту, и кресло. Старший научный сотрудник Сергей Иванович Недумов отличался своими архивными розысками, очень помог музею. Его с любовью прозвали «архивным сердцем». Летом 1938 года в домике побывал Алексей Толстой. Я вам все это говорю, чтобы вы поняли круг общения Елизаветы Ивановны.

Я кивнул.

— А жили баба Лиза, Евгения Акимовна Шан-Гирей и позже Николева — в доме Верзилиных. Евгения Акимовна часто рассказывала со слов своей матери, Эмилии Александровны Шан-Гирей, падчерицы генерала Верзилина, каким этот дом был во времена Лермонтова: стены и потолок были обиты палевым ситцем. Тем же ситцем обиты и узенькие, длинные диваны. Висела люстра с восковыми свечами. Посредине большой круглый стол, за которым все собирались. Часто сидел и Лермонтов с друзьями.

— Водяное общество.

— Да. Кажется, так их называли.

— И в этом доме с этим большим круглым столом и люстрой с восковыми свечами началась ссора Мартынова с Лермонтовым.

— Да. Евгения Акимовна рассказывала и об этом со слов своей матери. Еще Евгения Акимовна всегда носила большую красивую камею. Перешла по наследству. Возможно, камея была на Эмилии Александровне в день ссоры. Камея теперь в музее.

— Если бы камея могла заговорить... Она очевидец.

— Может быть, когда-нибудь заговорит,— почти серьезно ответила Волчанова.

Мария Николаевна называет Елизавету Ивановну бабой Лизой с детства, хотя они не родственники — она дочь ближайших друзей Яковкиной и ее душеприказчица. Жизнь Волчановой была неразрывно связана с Елизаветой Ивановной. У Яковкиной умерли два сына. Погиб единственный и любимый внук Володя, талантливый радиоинженер, работник центра связи с первыми космическими кораблями. Был знаком с Королевым, Гагариным, Титовым. Погиб в автомобильной катастрофе.

Об этом мне рассказала Мария Николаевна еще в самом начале нашей встречи.

— Бабушка и ее единственный и любимый внук, который трагически погибает...

Арсеньева и ее единственный и любимый внук...

Мария Николаевна стала наследницей архива Елизаветы Ивановны — дневников, записей, семейных фотографий. Наследницей огромного количества вырезок из газет, журналов, сохранявшихся с дореволюционных лет. Наследницей папки, озаглавленной «Чудаки»: Елизавета Ивановна мечтала написать книгу о чудаках, то есть о людях самого поразительного бескорыстия. Незаконченной работы «Секунданты» — о секундантах на последней дуэли Лермонтова. Есть записи о том, как Елизавета Ивановна, будучи еще девочкой, гимназисткой, видела священника Василия Эрастова, который отказался отпевать Лермонтова и донес на протоиерея Скорбященской церкви отца Павла (Александровского), что тот отслужил панихиду и проводил тело Лермонтова до могилы. Спустя десятилетия уже глубокий старик Василий Эрастов сидел в палисаднике своего дома и чуть ли не каждому проходящему объяснял, оправдывался, почему донес на отца Павла и почему заявил, что гибели Лермонтова радовались все! И что эка штука — поэт!

Были у Елизаветы Ивановны в дневнике слова, которые могли быть адресованы Эрастову: почему чертополох долговечнее розы!.. Или: как слепому объяснить цвет молока!.. А Эрастов до самой смерти твердил:

— Каюсь, православные!.. Каюсь!

И даже явился на открытие памятника поэту в Пятигорске в 1889 году.

Интересны записи Елизаветы Ивановны о камышовой крыше Домика: в 30-х годах прошлого столетия, когда строился Домик, покрыть его камышом было просто. Привезли нарезанный на берегу Подкумка камыш, позвали мастера — и все. А теперь? Предварительный сбор материала, командировки, совещания. И кого только не приглашали для советов! Архитекторов? Непременно. Строителей? Обязательно. Пожарных? И их тоже. Работни-

ков научных организаций Москвы, Ленинграда, местных учреждений, других городов, заводов. Левокумский камышовый завод дал камыш, а Днепропетровский лакокрасочный завод снабдил огнезащитной краской. Да, в 30-х годах прошлого столетия покрыть камышом крышу сложностей не представляло. Но тогда это был флигель хозяйского дома плацмайора Василия Ивановича Чилаева, «хламовая недвижимость», по мнению членов городской управы. Теперь это был Домик Лермонтова, «Великий Домик», как назвал его Андроников.

Имелись записи о том, как заказывали в Карачаево-Черкессии кавказскую, по старинному рисунку, кошму. О том, как во время ремонта не хватило алебастра. Негде было взять. Однажды утром у порога обнаружили ведро с алебастром. Как отыскали мастериц по муслиновым занавескам для окон. Приводился текст очень простого, но по-своему очень яркого, душевного отклика о посещении музея в книге впечатлений в двадцатые годы: «Жалко мне вас, товарищ Лермонтов». И подпись: «Красноармеец караульного батальона». Был рассказан и такой любопытный случай: в 1930 году со стен музея исчез портрет Мартынова.

И вновь записи времени оккупации: фашисты искали в Домике подлинные письма Лермонтова, рукописи, картины. Появился в Пятигорске немецкий литератор фон Фегезак и тоже искал ценные вещи. Маргарита Федоровна Николева специально поселилась в подвале Домика, где и были укрыты некоторые мемориальные вещи, в том числе письменный стол поэта. А стол этот был примечателен еще и тем, что за ним было написано стихотворение «Смерть поэта». Привез его в Пятигорск Аким Шан-Гирей, которому Лермонтов подарил стол в Петербурге, когда уезжал из столицы в 1841 году. Николева не просто поселилась в подвале, а создала в нем такое «запустение», чтобы страшно было войти в подвал и глядеть на его хозяйку — истинная колдунья, ведьма.

Записи, дневники, черновые листки рукописи книги «Последний приют поэта». Эту книгу о Домике-музее Елизавета Ивановна написала давно. Она выходила уже двумя изданиями. В последние годы Елизавета Ивановна вновь работала над книгой — дополняла ее новыми фактами.

— Рукопись сейчас находится в Ставропольском издательстве,— сказала Мария Николаевна Волчанова.— Добиваюсь, чтобы издали, не задерживали.

Я читал «Последний приют поэта». О страшных днях пожаров в ней говорилось вот что.

Наступил канун нового, 1943 года. Для жителей Пятигорска он был кануном надежд и нетерпеливого ожидания. Разнеслась радостная весть: «Немцы бегут...» Над городом начали чаще появляться наши самолеты. А в первые дни января люди воочию увидели отступление оккупантов: они двигались в сторону Минеральных Вод.

Приближались самые страшные часы в жизни Домика и города. С вечера 9 января начались взрывы и пожары. Уходя, оккупанты расстреливали людей. Расстрелы производились и у места дуэли Лермонтова, почти у самого памятника... Одно за другим взрывались здания — электростанции, Госбанка, педагогического института, многочисленных школ. Тушить пожары не разрешали. Да и чем? Городской водопровод немцы вывели из строя. Горящий Пятигорск остался без воды.

Весь день и ночь до рассвета с 10 на 11 января дом-музей стоял в кольце пожаров. Пылает здание лермонтовской «ресторации» — Бальнеологический институт. Горят уникальная научная библиотека института и богатейший архитектурный архив. Снег на много кварталов почернел от бумажного пепла. Горит здание гостиницы «Бристоль», горит типография... Грудой развалин лежит здание почты на углу улиц Анджиевского и Анисимова. Заминирована школа № 8 по улице Буачидзе, а она непосредственно граничит с лермонтовской усадьбой.

Сотрудники музея, их семьи, дети-школьники (среди них и внук Володя) сгребают лопатами кучи снега вокруг Домика, чтобы хоть этим как-то возместить отсутствие воды, если огонь перекинется на музейное здание... Время тянется в страшной тревоге: в любой момент могут явиться минеры или поджигатели.

Сколько в своей жизни Елизавета Ивановна видела невзгод! Сейчас она спасала от страшного иноземного врага Домик Лермонтова. И боялась, что не сумеет этого сделать. «У меня такое чувство, будто я хороню дорогое существо». И вот тогда было подобное чувство, потому что ей казалось, что если они — все сотрудники — совместными усилиями не отстоят от пожара Домик, то похоронят дорогое существо русского народа.

10 января около пяти часов вечера в ворота музея громко постучали.

Елизавета Ивановна быстро подошла к калитке, но открыла не сразу. Руки не поднимались, пишет она в книге. Стук повторился с новой силой.

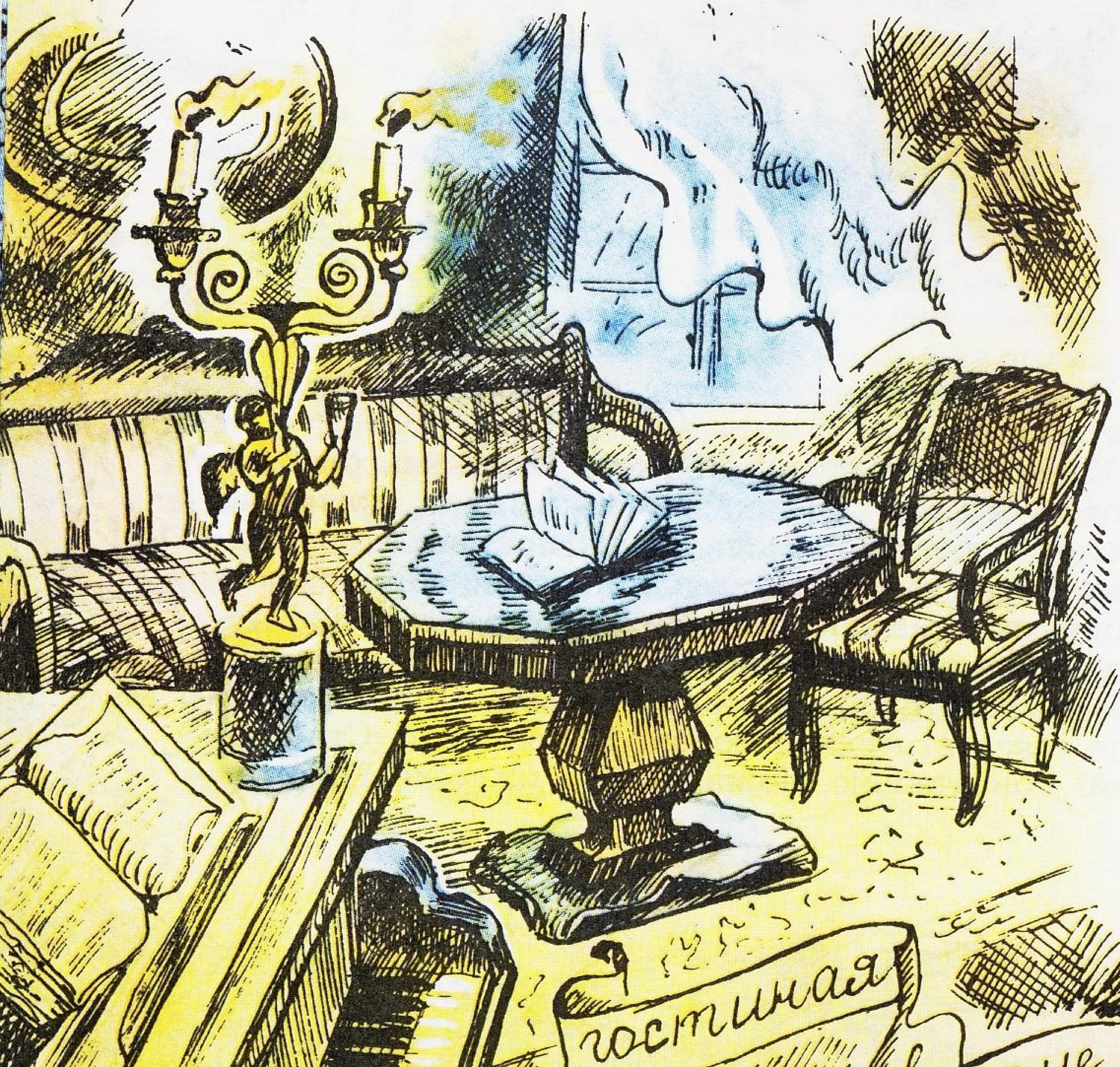
Бывает такой стук в калитку, в дверь, в окно, от которого холодеет сердце. Стук — угроза, неотвратимость, смертельная опасность.

Как только Елизавета Ивановна отодвинула задвижку, калитка резко распахнулась, и вот она — смертельная опасность: во двор ввалился сильно подвыпивший полицай с каким-то свертком под мышкой. Направился к скамье, стоявшей напротив Домика. Там сидели сотрудники и доктор Козерадский — он мог в случае необходимости объясниться с немцами. В эти дни находился в музее почти безотлучно.

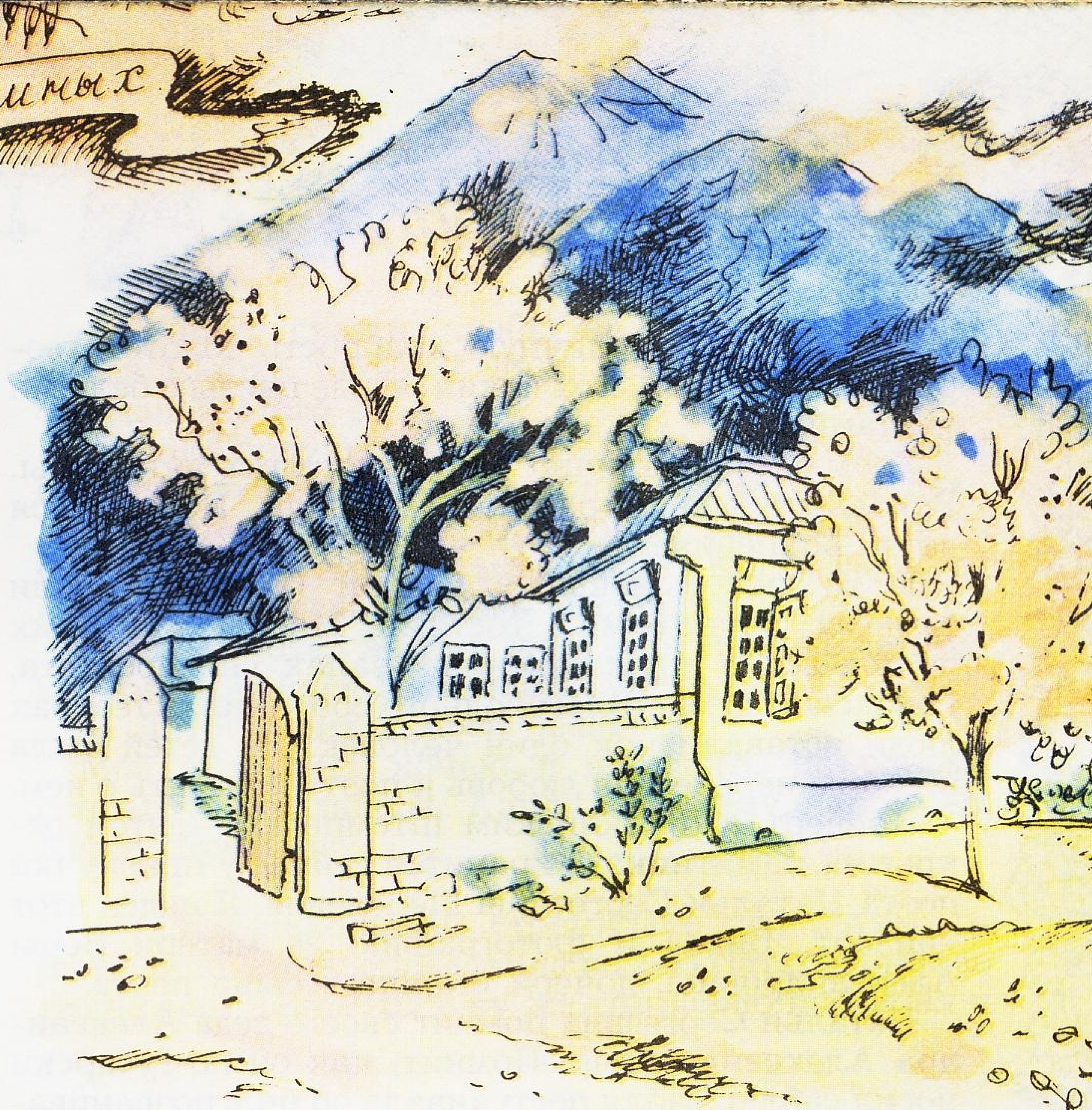
Не успев дойти до скамьи, полицай закричал:

— Мне поручено поджечь музей!

Все оцепенели. Никто не в силах был что-либо

Верзилиных

сказать: слова полицая подействовали ошеломляюще. Потом заговорили все сразу:

— Домик Лермонтова нельзя уничтожить!

— Это невозможно!

Николева, потянув полицая за рукав, усадила рядом с собой на скамью. Попытки в чем-либо убедить полицая, как-то застращать возмездием, народным гневом были тщетны. Он кричал:

— Я жить хочу! Я головой отвечаю! Велено поджечь, вот и подожгу!

Этот крик, как потом выяснилось, слышали соседи.

— Неужели мы с ним не справимся?— прошептал доктор.

И тут кто-то задал решительный вопрос:

— Кто дал распоряжение? Перед кем ты отвечаешь головой? Мы тоже отвечаем головой!

Полицай назвал какую-то фамилию.

И вот тогда совершенно неожиданно, под предлогом необходимости проверить распоряжение и под предлогом того, что надо вынести из музея собственные вещи хотя бы Николевой, полицая удалось увести.

— Завтра вернусь,— пригрозил полицай, стоя у калитки в окрашенных отблеском пожара зимних сумерках.

«Страшен был не сам полицай, страшно было то, что стояло за ним. Ведь его приход означал, что Домик обречен...»

Я будто видел Елизавету Ивановну Яковкину, бабу Лизу, в минуту, когда она написала эту фразу и, очевидно, вновь со страшной силой пережила ее смысл.

Но «завтра», которым грозил полицай, не наступило: ранним утром 11 января 1943 года в Пятигорск ворвались части Красной Армии. У ворот музея раздался взволнованный голос:

— Домик жив?— И в заиндевевшей кубанке, весь запорошенный снегом, во двор вбежал командир Советской Армии. Это был капитан Николаев. Его конь был привязан к дереву. Так часто привязывал своего коня здесь и Лермонтов.

Первый посетитель вошел в музей и заплакал...

Когда 11 января 1943 года наши войска ворвались в Пятигорск, военный корреспондент П. Павленко, разыскав на новом КП командующего 9-й армией генерал-майора К. А. Коротеева, начал взволнованно упрашивать его:

— Товарищ командующий! Прошу срочно выделить машину и бойцов: надо выехать на место дуэли Лермонтова. Говорят, что немцы заминировали его памятник...

Через полчаса командующий с бойцами уже были у подножия Машука. Памятник сохранился. Удар наших войск был настолько стремительным, что фашистские минеры не успели подняться сюда.

— С какого расстояния Мартынов стрелял в Лермонтова?— спросил генерал.

Павленко зашагал по снегу, отмеряя нужное количество метров. Наконец, остановился.

— С такой дистанции в пятачок попасть можно, не то что в человека,— покачал головой генерал.

Все замолчали. Внезапно сопровождавший генерала капитан взял под козырек:

— Товарищ командующий! Разрешите дать клятву!

Генерал молча кивнул. Прозвучала команда «Смирно!», и Павленко громко и торжественно произнес:

— Клянемся великому русскому поэту, поручику Тенгинского полка Лермонтову, что наши войска дойдут до Берлина!

А. ГУТОРОВИЧ,
газетная публикация «Клятва Лермонтову».

Все лермонтоведение Елизаветы Ивановны — книги, рукописи, черновики — Мария Николаевна Волчанова передала школьникам города Липецка, которые занимаются творчеством Лермонтова в литературном клубе «Парус».

Им — совсем молодым лермонтоведам — идти дальше.

«Самый большой талант — умение любить»,— написала однажды Елизавета Ивановна. И вот она на фотографии стоит одна на месте дуэли Лермонтова в легком летнем пальто, ветер распушил волосы. Она сюда приходила до последних дней, пока могла ходить, а потом, когда уже не могла, к ней приходили его стихи.

Домик жив. И будет жить. И будет жить в истории музея имя Елизаветы Ивановны Яковкиной, которая со своими сотрудниками в самое тяжкое время предприняла все, чтобы уберечь, сохранить музей, уберечь, сохранить Последний Приют Поэта.

Страстная площадь

Дети Пушкина собрались все вместе — кто приехал из российских губерний, кто из Европы: младшая дочь Наталья была замужем в Германии. Собрались 6 июня 1880 года (по старому стилю), когда на Страстной площади, у начала Тверского бульвара, открылся сооруженный «народным иждивением» памятник Пушкину и был передан на хранение городу Москве.

Площадь, бульвар, крыши домов, балконы, окна — всюду люди. Взволнованность необычайная. Вдохновенная. Долгожданная.

Первым к памятнику подошел старший сын поэта Александр Александрович Пушкин, гусар,

награжденный за личную храбрость золотой георгиевской саблей. Возложил белые цветы с белыми лентами.

Громко, празднично всколыхнулись оркестры. Всколыхнулась Страстная площадь. Прокатился ветер волнения.

В те дни сыновья и дочери Пушкина были самыми почетными гостями Москвы. При их появлении в торжественных залах университета, Городской думы, Благородного собрания, в театрах люди вставали как один человек. На детей была всеобще перенесена любовь к поэту и память о нем.

Конверт с пушкинским штемпелем — датой открытия памятника — хранится сейчас у правнучки поэта Натальи Сергеевны Шепелевой. Я видел этот конверт. Видел и фотографию ее матери Веры Александровны, дочери старшего сына поэта.

Наталья Сергеевна помнит своего деда Александра Александровича. Помнит, как он по-гусарски носил саблю: сабля постукивала об пол, позванивала при ходьбе, покачивались золотые шнуры и кисти.

— До сих пор слышу,— говорит Наталья Сергеевна. Потом, точно догадавшись о промелькнувшем у меня сомнении, улыбается:— Я работала в Московской консерватории. Меня в коридоре останавливает один из преподавателей: «Извините, Наталья Сергеевна, вот студент — он не верит, что вы живая правнучка Пушкина... в наши дни...»

Теперь я откровенно улыбаюсь и откровенно говорю:

— И я не верю. Не верю, что сижу теперь в теперешней Москве у вас в гостях.

— Что будем делать?— смеется Наталья Сергеевна.

— С вашего позволения, будем продолжать нашу фантастически счастливую для меня встречу.

Мы говорим о Наталье Николаевне Пушкиной, которая доводится Шепелевой прабабушкой (можете себе представить в наши дни?.. Я, например, как тот студент, не могу).

Шепелеву, как и прабабушку, зовут Наталья. Наташа... Смотрим альбом с семейными фотографиями, говорим о детях Пушкина, вновь о дедушке-гусаре. В Москве он жил в Трубниковском переулке и на Сивцевом Вражке (район старого и нового Арбата), там у него бывала внучка Наталья Сергеевна — слушала сабельный звон.

Умер Александр Александрович в день вступления России в войну с Германией. Наталья Сергеевна сказала мне, что сообщение о войне потрясло дедушку. Он, старый боевой генерал, ясно представил себе объем народного горя. Был Александр Александрович похоронен не там, где просил: выполнить его желание помешала начавшаяся война. Только спустя полвека, в 1963 году, прах его был перенесен в Лопасню, где доблестный гусар завещал себя похоронить. Прозвучал оружейный салют в честь бойца за освобождение болгар от турецкого насилия, награжденного за личную храбрость золотой георгиевской саблей и многими русскими и иностранными орденами.

Любимец Пушкина и Натальи Николаевны — Сашка! — мы соблюли его последнюю волю. И было это в июне месяце, пушкинском июне...

Смотрю на вырезки из газет, собранные Натальей Сергеевной. Листаю огромный семейный пушкинский альбом, который она ведет всю жизнь. Слушаю рассказ о том, как у Натальи Сергеевны Шепелевой был коралловый браслет, принадлежавший Наталье Николаевне Пушкиной. Браслет Наталья Сергеевна берегла в знак памяти. Надевала редко, кажется, всего три раза. Потом передала в музей — к Нине Ивановне Поповой. Сейчас браслет временно находится на хранении в здании пушкинского Лицея, до окончания ремонта в квартире поэта на Мойке.

Говорили мы с Натальей Сергеевной и о книгах Ирины Михайловны Ободовской и Михаила Алексеевича Дементьева «Вокруг Пушкина», «После смерти Пушкина», «Пушкин в Яropольце», «Наталья Николаевна Пушкина». Шепелева передала мне и Вике свои записи, выдержку из которых с ее разрешения мы здесь и приводим:

«Благодаря величию Пушкина стала известна жизнь и деятельность окружающих его современников, их человеческие достоинства. Сбылись слова его лицейского товарища А. Илличевского, сказавшего: «Лучи славы его будут отсвечиваться и в его товарищах». Лучи эти осветили не только его товарищей, но они выявили и многих других, и друзей и недругов. Но так получилось, что сплетни и зависть, перешедшие в клевету, скрыли настоящее лицо самого близкого и любимого поэтом человека — его жены, Натальи Николаевны.

Клевета следовала за ее тенью долгие, долгие годы, и терялись редкие дружелюбные голоса. Как только не оскорбляли ее память. Но правда все же взяла верх! Этим мы обязаны двум неутомимым людям, которые, невзирая на сложности, много потрудились, прежде чем обнаружили в архивах Гончаровых письма, которые легли в основу их книг.

Эти два человека — И. М. Ободовская и М. А. Дементьев... Они своим упорным трудом вызвали к жизни забытые голоса... Наталья Николаевна окончательно предстала перед нашим поколением такою, какой была в действительности и какою всегда знала ее семья Пушкиных...»

Что мучило Наталью Николаевну? О чем она думала в бессонные петербургские ночи? Опускалась на колени перед умирающим мужем, приникала лицом к его лицу, чтобы лучше слышать с каждой минутой теряющего дыхание и уходящего от нее в невозвратную даль.

Пушкину нравилось целовать ее в глаза. Когда поцеловал в последний раз? И так нежно? В день дуэли, когда она уехала на Каменный остров кататься на санях?.. Она же не знала, что дуэль все-таки произойдет.

Непоправимость. Невосполнимость.

Пистолетный выстрел — миг, пистолетный выстрел — это и вечность. И тогда стоишь на коленях, ищешь себя в оправданиях.

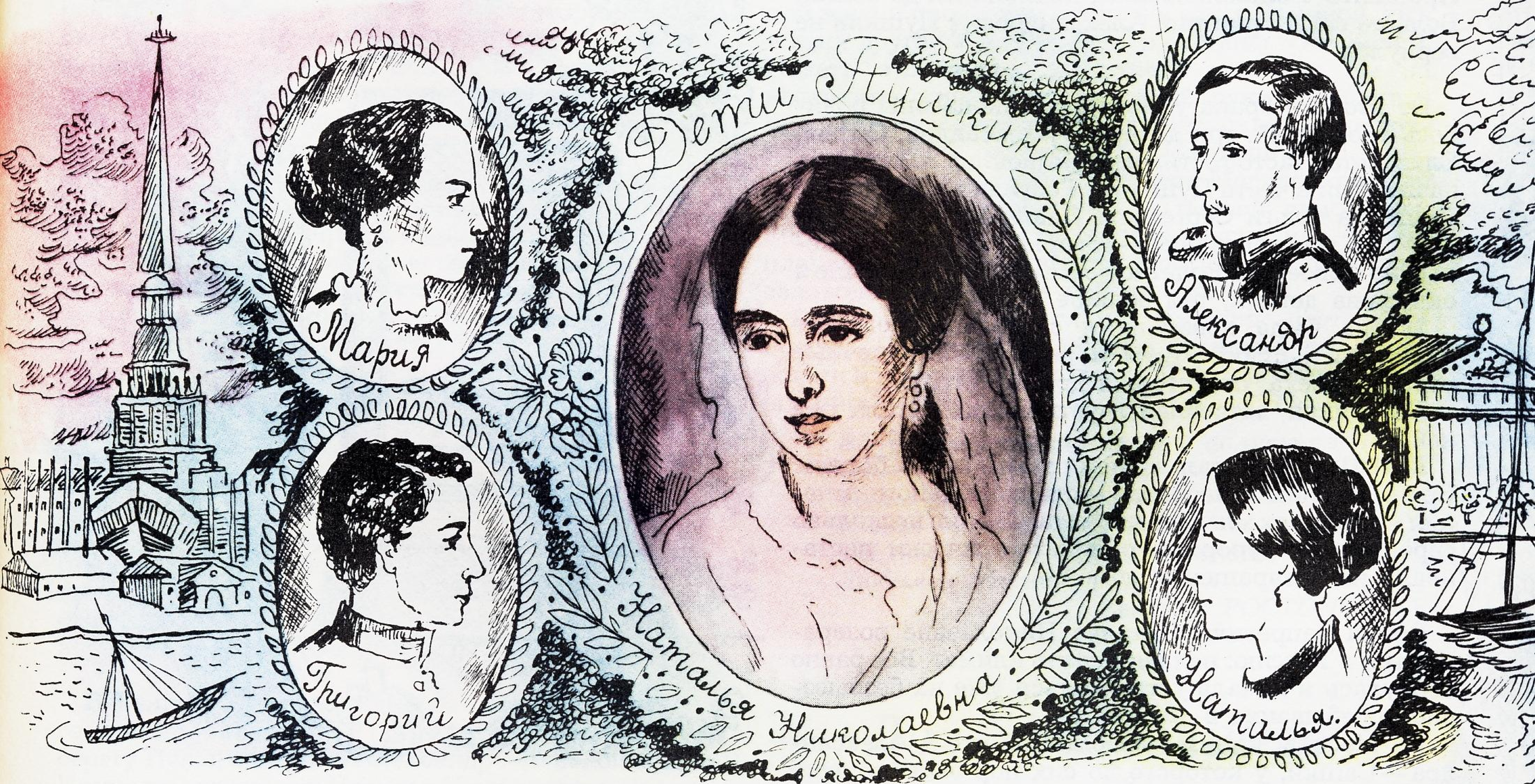
Бессонные, неподвижные ночи. Раскаленная солнцем царскосельская белая дача... Первое лето их счастья. Зелень дубов — прямо в окна, и солнце — прямо в окна, и ветер — прямо в окна. И стихи — в шелестящих тетрадях.

Пушкина нет. Наталья Николаевна продолжает нести судьбу Пушкина и будет нести ее признательно и неотступно. И до конца своих дней не перестанет «строго допытывать свою совесть», за что ее «муж заплатил своей кровью», а она «счастьем и покоем своей жизни».

В траурные пушкинские дни никого не принимала и никуда не выезжала — молилась в своей комнате, безвинно сотворившая вину.

В деревянной шкатулке, скрепленной тульской сталью, Наталья Николаевна бережет письма. Обращены к ней, к детям. Здесь же печатка с инициалами NP — Наталья Пушкина. Печатка сохранилась до наших дней. Можно было увидеть в квартире на Мойке. Там же можно было увидеть на туалетном столике, рядом с флаконом зеленого стекла, порт-букет — маленькую металлическую вазочку, в которую вставлялась пробирка с водой. С помощью порт-букета прикрепляли к бальным платьям живые цветы.

Пушкин, умирая, сказал ей, чтобы нашла достойного человека и вышла бы за него замуж. Он понимал, что она — совсем еще молодая, 24-летняя женщина — остается одна с четырьмя маленькими

детьми, без денег и при огромных долгах. Пушкина кормили не отцовские вотчины, а «торговля стишастая», «с тридцати шести букв Русской азбуки», когда была удачной.

Когда она была неудачной, требовалось все напряжение ума, чтобы извернуться. Не удавалось извернуться — ростовщику Шишкину закладывались столовое серебро, шали, часы, самовар, лоханка с рукомойником и посуда.

Но всегда, при любых обстоятельствах Наталье Николаевне хотелось сохранить жемчужное ожерелье, в котором стояла под венцом.

Дети Пушкина.

Пушкин говорил:

— Я должен блюсти мою честь и то имя, которое оставлю моим детям.

Мария, Александр, Григорий и Наталья. Пушкин называл их весело: Машка, Сашка, Гришка...

— Машке скажи, чтобы не капризничала... А каков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? Не ожидал я этого от него.

Гришка получил свое имя в память о непокорном предке, казненном в Смутное время. И только Наташу не называл Наташкой, а Натальей, хотя она была совсем еще маленькой. Когда умер, ей исполнилось всего восемь месяцев.

Пушкин хотел жить и жил, окруженный детьми. Он ими гордился, показывал друзьям:

— Литография с моей особы.

Мог разбудить ночью и выносить по одному сонных и показывать. Карлу Великому, например, Карлу Брюллову.

Наталья Николаевна стремилась дать детям образование. Сашу определила во 2-ю Петербургскую гимназию. Через год в ту же гимназию поступил и Гриша. После гимназии сыновья окончили Пажеский корпус и вышли офицерами в гвардию. Дочерям она сама привила вкус к русской литературе, музыке, старине.

В здании 2-й Петербургской гимназии теперь средняя школа № 232 с углубленным изучением английского языка. Пионерская дружина носит имя генерала армии, дважды Героя Советского Союза П. И. Батова. В школе № 232 хранится фотокопия письма Натальи Николаевны директору гимназии Александру Филипповичу Постельсу. С этим письмом пришел в гимназию Саша Пушкин.

«Направляю Вам моего сына, которого поручаю Вашему строгому попечению, господин Постельс... Ваши советы, я надеюсь, укрепят его в тех принципах, которые я стремлюсь внушить ему с его юных лет! если... он вызовет у Вас неудовольствие, прошу оказать любезность, предупредить меня об этом и

он никогда не встретит во мне ни слабости матери, ни снисхождения...»

Будете в Ленинграде, зайдите в бывшее здание 2-й Петербургской гимназии, в музей школы № 232 и прочтите письмо Натальи Николаевны целиком. Мне кажется, текст письма сделал бы честь любой современной матери. Найти бывшую гимназию легко: улица Плеханова, дом № 27, недалеко от канала Грибоедова да и от реки Мойки тоже. Здание из белого обливного кирпича; выделяются по фасаду семь огромных окон. Здесь для сыновей Пушкина был их пушкинский Лицей.

Сын Гриша — мягкий, спокойный.

— Характером напоминал мать,— говорит Наталья Сергеевна Шепелева.

Григорий Александрович сберег Михайловское, в котором прожил более тридцати лет, и уступил потом его государству как национальное достояние. Прощаясь с Михайловским, поклонился до земли. Больше сюда Григорий Александрович Пушкин не вернулся.

От второго брака у Натальи Николаевны родилось трое детей, три дочери — Александра, Софья, Елизавета. Часто гостил сын Нащокина Александр, названный в честь Пушкина. Гостили и дети сестры Пушкина Ольги Сергеевны Павлищевой.

— Это мое призвание,— говорила Наталья Николаевна о своей многодетной семье,— и чем больше я окружена детьми, тем больше я довольна.

И она была довольна и счастлива, когда ее окружали детский «шум и гам» и «бесконечные взрывы смеха, от которых дрожат стены».

Но «тихая, затаенная грусть всегда витала над ней».

В 1861 году Наталья Николаевна много болела. Врачи признали необходимость длительного лечения в условиях мягкого климата. Сменив несколько европейских курортов, она категорически настаивала на возвращении домой.

Врачи запретили Наталье Николаевне возвращаться в Россию: нельзя менять климат. Все равно вернулась и начала устраиваться уже на безвыездное пребывание в Петербурге.

Из Москвы пришло сообщение, что у Александра — Сашки, у которого до сих пор были дочери, родился сын, долгожданный внук, тоже Александр. Не это ли жизнь! Ее жизнь.

Старшего сына Пушкин выделял:

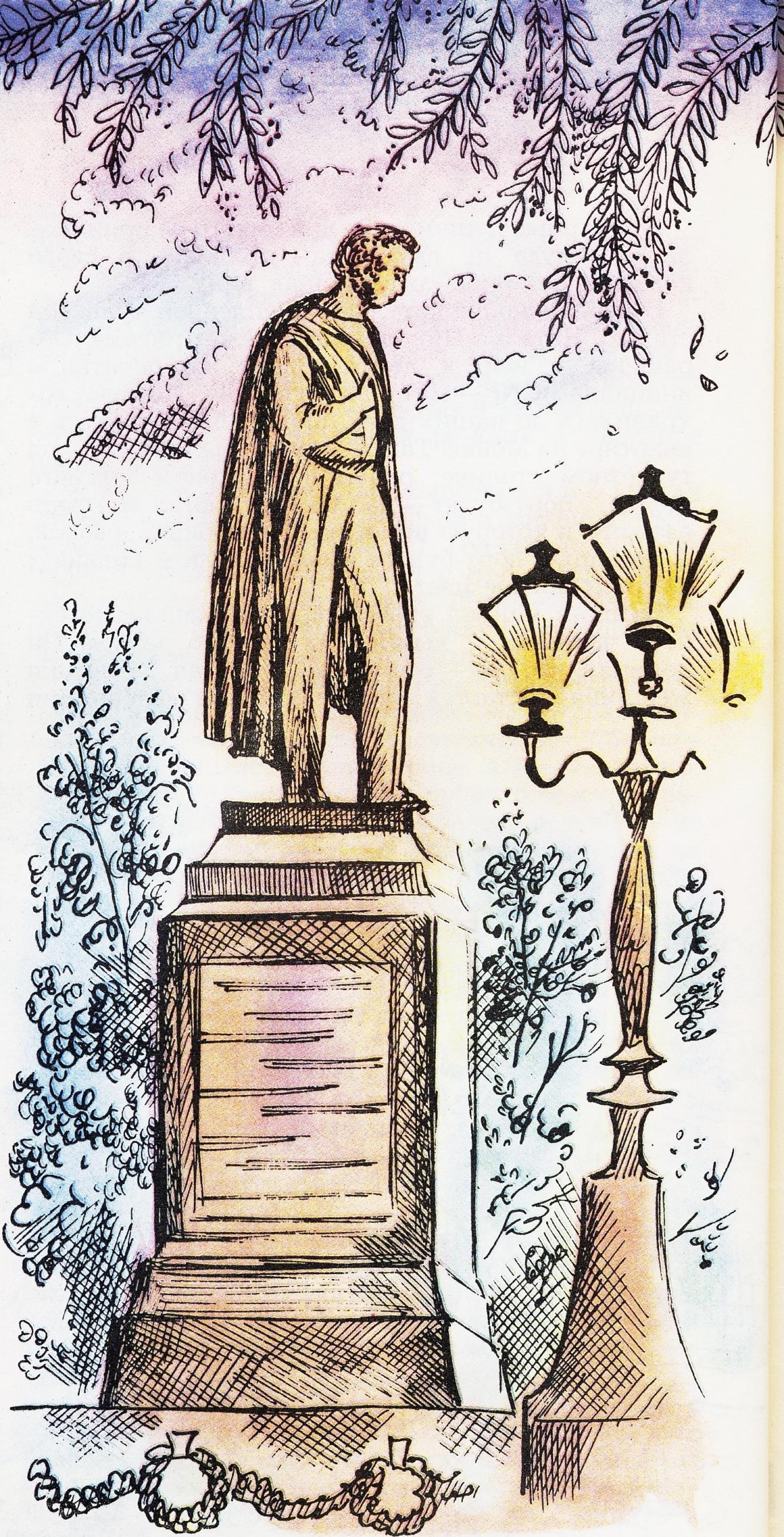
— Сашка... любимец мой.

Выделял, может быть, как старшего, как первого сына. Выделяла его и Наталья Николаевна, тоже, вероятно, как старшего, но и как любимого Пушкиным. Сашка был весел, боек и некрасив. Некрасив дорогою для нас красотой Пушкина.

Это он уберег от гибели пушкинскую библиотеку. Книги, на полях которых пометки поэта, книги, ради которых семья влезла в долг почти на четыре тысячи рублей.

И это он, сын Пушкина, передал государству библиотеку поэта, книги, про которые поэт говорил «мои инструменты», а про себя, что «похож на стекольщика, разоряющегося на покупку необходимых ему алмазов», и что его библиотека «растет и теснится».

На полях многих книг стоят сделанные рукой Пушкина пометки. Время значительно пригасило

их, но они все еще видны, живы — книги держат их на себе: они помнят поэта и слова прощания.

Книги сейчас находятся в Пушкинском Доме. Ученый-хранитель подарила нам чистую наклеечку «Библиотека А. С. Пушкина, №......». Каллиграфические завитки, и все взято в нарядную рамку. Такие наклеечки несет на себе каждый том библиотеки.

— Ему, старшему сыну, Наталья Николаевна доверяла самые печальные воспоминания... была предельно откровенна,— говорит Наталья Сергеевна Шепелева.

Александр хотел, чтобы его сына крестила Наталья Николаевна. И она, не задумываясь, начала собираться в Москву. Скорее, скорее, пока есть силы.

Ее предупреждали:

— Осень, холодно. В дороге можно простыть. Надо обождать с подобными путешествиями.

Но она никого и ничего не слушала. Поехала в Москву. Простыла и заболела.
Это была осень 1863 года.

Неподвижно прислонена к подушкам. Но бесконечно счастлива — успела, увидела, держала на руках маленького Сашку. Благословила и напутствовала в пушкинскую жизнь, в будущее.

И внук достойно прожил пушкинскую жизнь! Он не любил «визиты к царю и всегда с большой неохотой доставал свои придворные мундиры». Любил жизнь истинно простую, уединенную, сельскую. Строил школы для крестьянских детей; построил больницу для рабочих Гжельской фарфоровой фабрики недалеко от Бронниц, где жил. Часто ходил на бронницкое кладбище, навещал могилу Ивана Пущина, верного лицейского друга Пушкина. Он все знал о своем великом деде.

И, как пишет в книге «Потомки А. С. Пушкина» псковский краевед и журналист Виктор Михайлович Русаков: «Будучи человеком большой, чистой души, А. А. Пушкин все свои силы отдавал людям, хотел, чтобы им жилось лучше. Он оставался всегда жизнерадостным, милым, обаятельным человеком. Особенно когда его окружали дети».

Наталья Николаевна скончалась той же осенью 1863 года. Когда умирала, ей показалось, что кто-то наклонился над ней и нежно поцеловал в глаза... И, теряя дыхание, услышала далекие колокола. Пушкин сделал ей предложение на пасху — и звонили сейчас, кружились над ее головой колокола. А она, сколько могла, поднимала им навстречу руки, тянулась к ним... к нему... Она теперь знала, как надо было бы жить с ним, но все... Теснит дыхание... Жизнь кончена.

В Петербурге к вечеру выпал снег. Резко похолодало.

Наталья Николаевна лежала на большой белой, с широкой оборкой подушке. По краям две большие свечи. И теперь уже в полной тишине, в беззвучности ушла она к берегам реки своего детства — Кариан. Реки зеленовато-карей, светлой, прозрачной.

В Ленинграде мы каждый раз останавливаемся в гостинице «Москва». Гостиница расположена на берегу Невы, напротив Александро-Невской лавры. Приходим на могилу Натальи Николаевны. Последний раз были зимой. Надгробие покрывал иней. Еловой веточкой, как гусиным пером, я начертил на каменном надгробии две большие буквы: NP. Всегда лежат цветы, если не цветы, то цветок, то зеленая веточка, которую сейчас оставляем и мы вместе с цветами.

Лавра. Александра... В ее стенах покоится Наталья Николаевна. Могила недалеко от маленькой часовни, купол виден из-за стены. В летнюю ночь здесь головокружительно пахнет сиренью.

Мы поехали в Лицей, где временно находятся на хранении личные вещи семьи Пушкина из квартиры на Мойке, и попросили хранителя этих личных вещей Алевтину Ивановну Мудренко показать коралловый браслет Натальи Николаевны. Объяснили, что хотим его сфотографировать и снимок передать Наталье Сергеевне Шепелевой.

Браслет был массивным, с античным сюжетом. Осторожно мы положили браслет на лист белой бумаги. Рядом положили еще золотое колечко. Тоже принадлежало Наталье Николаевне. Подарил его Пушкин жене в годовщину обручения. Совсем простенькое, с небольшой, овальной бирюзинкой.

Внутри кольца гравировка на французском языке: AP avrie 1832.

Алевтина Ивановна сказала:

— Когда достаю кольцо и смотрю на него, думаю: прошло полтора столетия, а бирюзинка не угасла.

— Хотя бирюза, как и жемчуг, любит живое тепло,— сказала Вика.

— Эта бирюзинка по-прежнему светлая. Наденьте кольцо. Согрейте его.

Вика растерялась.

— Наденьте, у вас очень маленькая рука. Подходящая.

Кольцо было очень маленьким.

— Наденьте ради Натальи Николаевны.

Вика наконец надела.

Да, Вика растерялась. Ничего подобного в обычной жизни произойти не могло — ни в Викиной, ни в жизни другой какой-нибудь женщины в наши дни. Надеть это кольцо и согреть его хотя бы на несколько минут теплом своей руки. Говорят о человеке, глубоко взволнованном: сидит не шелохнувшись. Вика сидела не шелохнувшись...

Александр Сергеевич Пушкин. Москвою рожден был и Москвою обвенчан с первой красавицей России. И стоит он в Москве, распахнув бронзу плаща, левая нога сдвинута с пьедестала; одна рука заложена за спину, в ней шляпа.

Все собирали деньги на памятник поэту. Вся Россия. Сооружен народным иждивением. И все ждали и нам завещали ждать. Поэт, ты видишь нас, ждущих?

Вдруг все стеснилось, и с волненьем,
Одним стремительным движеньем
Толпа рванулася вперед...
И мне сказали: «ОН идет!
ОН, наш поэт, ОН, наша слава,
Любимец общий!»

Евдокия РОСТОПЧИНА.

Дух храбрейшего дышит, где хочет

16 августа 1889 года. Летняя погода. Отчетлив рисунок гор, отчетлив рисунок неба. Транспаранты, флаги, гирлянды, бумажные цветные фонарики. Такие же когда-то для молодежного бала-пикника клеил с друзьями здесь, в Пятигорске, Лермонтов. На этот бал он пригласил Иду Мусину-Пушкину. Но сам приехать не смог: был убит.

Сквер и прилегающие к скверу улицы полны народа. Штатские, военные. Многие в национальной кавказской одежде. Взволнованность необычайная. Вдохновенная. Долгожданная. Восемнадцать лет ждали этого. Памятник Лермонтову сооружен «народным иждивением» и сейчас передается на хранение городу Пятигорску. Самый значительный денежный взнос сделал тайный враг Лермонтова князь Александр Васильчиков — 1000 рублей. Замаливал участие в бесславной дуэли?

Памятник отливали в Петербурге на заводе Мо-

Памятник на месте дуэли М. Ю.

рана. Бронзовая фигура Лермонтова укреплена на вырубленном из гранитной скалы пьедестале. Поэт сидит, сюртук расстегнут, у ног, расшевеленная ветром, лежит книга. Взгляд поэта устремлен в сторону гор и разновидных облаков.

Единым движением вскинул трубы военный оркестр, зазвучал марш Тенгинского пехотного полка. Началом к маршу послужил удар колокола на городском соборе. Представители Тенгинского пехотного полка несут к памятнику и медленно возлагают серебряный венок. Родной полк отдает должное храбрости и таланту поэта. Душа его вмещала огромный мир чувств и стихов. И стихи для него — тот же бой. Пуля за пулю!

Данзас, секундант Пушкина, который оказался на Кавказе тоже в значительной степени потому, что отстаивал честь Пушкина, хотел, чтобы Лермонтов служил в его батальоне командиром взвода мушкетерской роты. Но Лермонтов добился назначения в оперативный Чеченский отряд генерала Галафеева.

Университетскому товарищу Алексею Лопухину писал:

— Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем.

Лермонтов первым реалистически точно написал человека на войне: «Стоял кружок. Один солдат был на коленях; мрачно, грубо казалось выраженье лиц, но слезы капали с ресниц, покрытых пылью... На шинели, спиною к дереву, лежал их капитан. Он умирал»...

Тенгинский полк действовал на самых опасных участках. Кавказские пули, кавказские шашки.

11 июля 1840 года. Сражение при Валерике. Валерик — название реки. Там разыгралось многотысячное кровавое сражение.

За это сражение Михаил Лермонтов вначале был представлен к ордену Владимира IV степени с бантом. «Испрашивается о награде: прикомандированному к кавалерии действующего отряда Тенгинского пехотного полка поручику Лермонтову». Командир корпуса снизил представление до ордена Станислава III степени.

Ранен Руфин Дорохов, командир сотни отборных бойцов-добровольцев. «Сотня», или «команда охотников», занималась разведкой, тайными вылазками, ночными рейдами. Ее «отличали отвага, удальство, преданность командиру, презрение к огнестрельному оружию».

Командир Руфин Иванович Дорохов — сын героя Отечественной войны, знаменитого партизана генерал-лейтенанта Ивана Семеновича Дорохова.

Руфин из «породы удальцов», воспетых Денисом Давыдовым. Неоднократно «за участие в дуэлях и буйное поведение» разжаловали его в солдаты, но каждый раз «исключительными подвигами» он добивался возвращения чина. Писал стихи и пьесы. Был знаком с Пушкиным.

Лермонтова назначили на место раненого Руфина Дорохова. «Отказавшись от всяких удобств, он вел тот же образ жизни, что и они (солдаты), — спал на голой земле, ел из общего котла, небрежно относился к соблюдению формы и своему внешнему виду».

И бесстрашная «Сотня» поверила ему и приняла нового командира и называлась теперь «Лермонтовская». Она «...как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается, в бою она искала самых опасных мест...».

Полковник князь В. С. Голицын, командующий кавалерией, считал Лермонтова достойным Дорохова, достойным командиром «Сотни».

— Всегда первый на коне и последний на отдыхе.

— Действует с отличною храбростью и знанием военного дела, — говорили о нем друзья.

Полковник Голицын представил Лермонтова к золотой сабле с надписью «За храбрость», а это значило бы возвращение в гвардию.

В Ленинграде в музее артиллерии и инженерных войск (Кронверкский арсенал Петропавловской крепости) выставлено золотое оружие — сабли, на которых написано «За храбрость». Выставлены и давно смолкнувшие георгиевские трубы, тоже «За храбрость». Ленты на трубах, как пчелы — оранжево-черные, и уже потускневшие серебряные кисти.

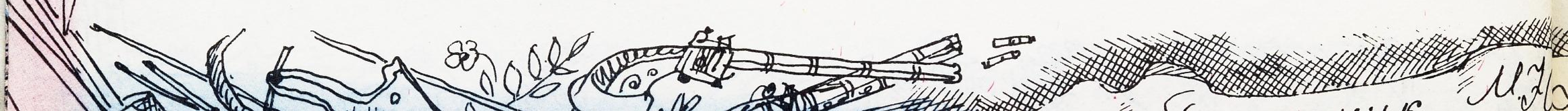
Хочется сказать словами древнего текста: смятутся трусливые, а дух храбрейших дышит, где хочет. Почтим честью Россию!

Лермонтов не получил ни ордена Станислава III степени, ни золотой сабли — Министерство Военное, департамент Инспекторский, отделение 3-е, стол I: «Государь император по рассмотрении доставленного о сем офицере списка, не изволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую ему награду».

Император отказал поэту в личной храбрости, распорядился: «дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку».

А поэт во всем был бесстрашен — и в бою, и в стихах. Стихи для него — тот же бой.

В Москве на Кутузовском проспекте есть новый большой дом, в нем в бельэтаже — квартира, в

которой лермонтовский семейный музей. Хозяином квартиры был правнучатый племянник поэта подполковник Петр Николаевич Лермонтов. Он умер в 1975 году. В этом семейном музее сохраняется кофейная чашечка Лермонтова, бюро Арсеньевых из Тархан, есть записи о том дне, когда в Пятигорске в 1889 году открылся памятник поэту. Петр Николаевич мне говорил:

— Я был в Пятигорске, но значительно позже: в гражданскую войну. Наша кавалерийская сотня вошла в город. Сразу же отыскали Домик Лермонтова. Командир сотни Татарников воскликнул: «Вот дом, где жил великий русский поэт. А еще он был доблестным солдатом и честным человеком!» И мне приятно было это услышать от моего тоже доблестного командира.

Я, слушая подполковника Лермонтова, вспоминал лермонтовскую бесстрашную «Сотню».

За гражданскую войну правнучатый племянник поэта был награжден орденом Красного Знамени.

— Лично я только тогда увидел и дом поэта, и памятник,— сказал Петр Николаевич.

Возможно, присутствовала на открытии памятника и Юлия Владимировна Лермонтова, родственница поэта. По профессии она была химиком, специализировалась по переработке нефти. Преподавала в Московском университете. Юлия Владимировна — первая русская женщина-нефтяник, защитившая докторскую диссертацию в Геттингенском университете «с великой похвалой». Была дружна с Софьей Ковалевской. Дожила до Великого Октября, имела несколько встреч с наркомом Луначарским.

Может быть, на открытии памятника были дети молочной сестры Лермонтова Татьяны. Или она сама. С детства Михаил Юрьевич называл свою кормилицу Лукерью Алексеевну Шубенину «мамушкой». У Лукерьи Алексеевны было пятеро детей. Из них Татьяна — молочная сестра Лермонтова. В каждый приезд в Тарханы поэт навещал «мамушку» и свою молочную сестру. Никогда не забывал их.

В Петербурге на выставке конкурсных скульптур будущего памятника Михаилу Юрьевичу Лермонтову лучшим был признан проект № 14. Вскрыли конверт с девизом. Под девизом и номером 14 скрывался академик Александр Михайлович Опекушин. Автор памятника Пушкину на Страстной площади.

Одному и тому же скульптору суждено было отлить в бронзе старшего поэта и младшего.

Об Опекушине сказано: «Народ нашел своего ваятеля...»

Александр Михайлович Опекушин сам выходец из народа — родился в семье крепостного крестьянина в деревне Свечкино на берегу Волги. Отец его был лепщиком, и Саша рано научился владеть глиной. В двенадцать лет попал в Петербург. И сразу был принят в артель столичных лепщиков — делал для петербургских домов и храмов цветы и орнаменты. Потом судьба привела его в скульптурную мастерскую академика Иенсена, профессора Петербургской Академии художеств, который определил своего способного ученика вольноприходящим слушателем академии. Он же добился потом для Опекушина и вольной — освободил его от крепостной зависимости.

Памятник Лермонтову...

У ног поэта лежит расшевеленная ветром книга. Он только что опустил ее подле себя на землю. Отдал ее ветру, и ветер забавляется книгой. Поэт сидит, опершись на правую руку, и смотрит вдаль, на горы, на разновидные облака. Он думал, строил «мир воздушный и в нем терялся мыслию послушной».

Так памятник решил Александр Михайлович Опекушин.

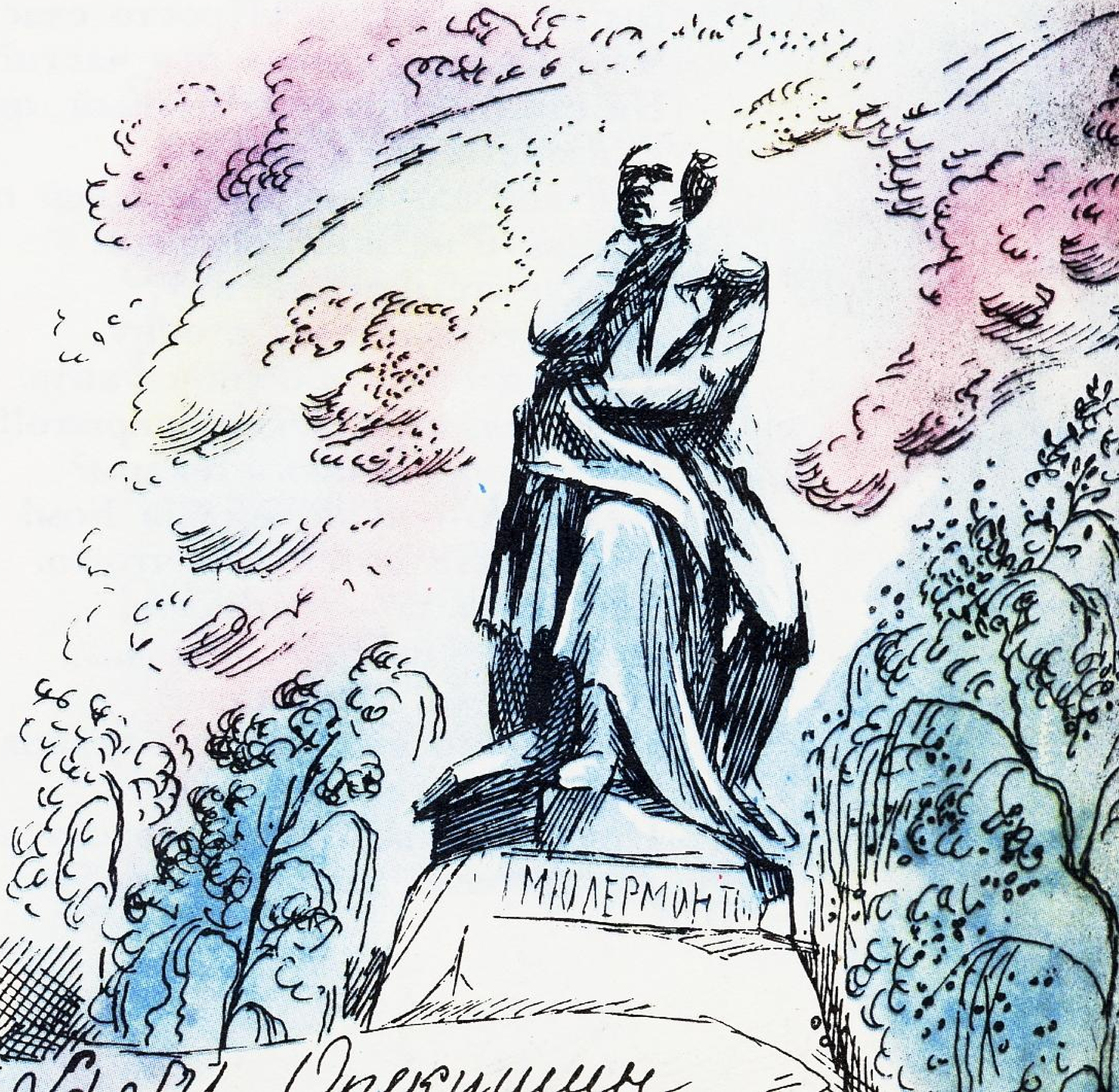
Побудьте рядом с Лермонтовым, послушайте, постойте, не торопитесь, и вы услышите, как шевелятся под ветром страницы книги. Услышите горы, полет птиц и движение облаков. Лермонтов сидит и тоже слушает горы, птиц, облака. Это его покой, его уединение. Естественный строй души, чудная молитва, когда верилось и плакалось. Вы услышите далекую, сохраненную ветром в пространстве голубых долин, где можно было лететь по высокой траве на некованом коне, без седла, безоружным и отчаянным,— вы услышите далекую, сохраненную ветром мелодию марша Тенгинского пехотного полка, марша Лермонтова, ноты которого, к сожалению, до нас не дошли и знает их только ветер.

Стоит, замер Тенгинский пехотный полк, и, кажется, стоит, замерла лермонтовская бесстрашная сотня. Дух храбрейшего дышит, где хочет.

...мальчик мой, великий человек?
Что сделал ты, чтобы воскреснуть болью...
Белла АХМАДУЛИНА
«Тоска по Лермонтову».

Вот Лермонтов — благополучный юноша, богатый очень... Ну какие у него, казалось бы, страдания? А ведь все творчество его, вся жизнь проникнуты страданием! И состраданием: он страдал не только за себя — за все человечество, за Пушкина.
Виктор АСТАФЬЕВ.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Английский поэт **Эмиль Виктор РЬЮ** (1887—1973 гг.) считался среди своих коллег человеком весьма серьезным. Знаток древнегреческой и латинской литератур, он перевел поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», произведения Вергилия.

Но его стихи для детей, которые он тайком писал всю жизнь, открывают нам, что это был прежде всего романтик, мечтатель, тосковавший по неведомым странам и необычайным приключениям, человек с тонким и добрым юмором.

Со стихами Э. В. Рью и других английских поэтов вы сможете познакомиться в сборнике «В один прекрасный день», который готовится к выпуску в издательстве «Детская литература».

СЭР БОМ ВДРЕБЕЗГИ

Добро пожаловать, сэр Бом!
Вам чай с лимоном? С молоком?
Ах! Что это? Разбилась чашка?
Но вы не обожглись, бедняжка?
Позвольте, я вас промокну.
Пустяк! Возьмем еще одну.
Я сам частенько их роняю...
Не огорчайтесь! Выпьем чаю.
Как там ваш родственник, сэр Бом?
Ну, тот, что пробил стенку лбом?
Встает с постели понемногу?
Ну, слава богу, слава богу...
Поосторожней, сэр! Ваш стул!..
Как он ужасно громыхнул!
Вы не ушиблись? Просто счастье!
Что? Снова склеить эти части?
Не стоит, стул был старый, он
Елизаветинских времен.
Там вензель был на верхней планке...
Оставьте на полу останки!
Забудемте про старину;
Давайте подойдем к окну.
Тут вся стена плющом увита.
Куда вы, сэр?! Окно закрыто!!!
Вы не порезались стеклом?
Нет? Это — чудо, милый Бом!
Я показать хотел вам что-то.
Вот эта ваза — терракота,
Довольно ценная... Была...
Ну, ничего! Нога цела?
Я рад, что вы знаток фарфора.
Уже уходите? Так скоро?
Почаще к нам! Всегда вас ждем!
До встречи, дорогой сэр Бом!

МИСТЕР ОП

Мне сразу полюбился он,
веселый мистер Оп,
Его открытое лицо
и безмятежный лоб.
Мы познакомились в четверг
дождливым летним днем:
Я помню мокрые кусты
и лужи под окном.

Он к нам вошел не так, как все,
в прихожей сняв пальто,
И как он в комнату проник,
не углядел никто.
Он не стучал, он не звонил,
он появился вдруг
И сразу улыбнулся мне,
как закадычный друг.

Он был не то чтоб чересчур
изысканно одет:
Ни брюк и ни рубашки —
только шляпа и жилет.
Собой не молод и не стар
и в меру кругловат,
Приятный скромный джентльмен
от головы до пят.
Но по душам потолковать
нам не пришлось почти:
Не знали мы, что через миг
должно произойти.
Над ним резинку занесла
жестокая рука,
И голос прогремел: «Стереть
смешного толстяка!»

Не подал виду мистер Оп,
но был он уязвлен,
И встал с тетрадного листа,
и удалился он.
Исчезли пуговки его,
и шляпа, и жилет,
Лишь напоследок промелькнул
улыбки слабый след.

О мистер Оп! Как был бы мир
и чуден, и хорош,
Когда бы каждый был на вас
хоть чуточку похож!
Когда бы каждый так, как вы,
объятья распахнул,
Светлей бы летний день светил,
теплей бы ветер дул!
Мне полюбился навсегда
веселый мистер Оп,
Его открытое лицо
и безмятежный лоб.
Я радуюсь дождливым дням
и все мечтаю, чтоб
Он к нам пришел еще хоть раз,
чудесный мистер Оп!

ЧЕРЕПАШОНОК ТОНИ

Черепашонок Тони
По голубым волнам
Носился и резвился
По солнечным морям,
Он лакомился рыбкой
С признательной улыбкой
И нежно говорил: «У вас
Прекрасный вкус, мадам!»

Черепашонок Тони
Со всеми был учтив,
Он шляпу снять не забывал,
Сардинку проглотив,
Он с полным ртом не говорил,
Он за обед благодарил,
А неприветливых мальков
Отечески журил.

Черепашонок Тони
Любил порассуждать
О том, как важно с юных лет
Учиться сострадать.
Да, Тони был воспитан
И притом весьма упитан:
А эти качества всегда
Приятно сочетать.

Перевел с английского
Г. КРУЖКОВ.

Рисунок В. ДУДКИНА.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель. Назови своего любимого писателя.
Ученик. Филимон Купер!

Тамара Жарова,
г. Ташкент.

*

Учитель. Какого рода существительное «ребенок»?
Ученик. Детского рода!

Группа учеников 5-го класса,
Красноярский край.

*

Учитель. Составь предложение с деепричастием совершенного вида «написав»!
Ученик. «Написав решение задачи в тетради, я стал думать, как ее решать...»

Виктор Елизаров,
Псковская область.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Что ты знаешь о Петре Первом?
Ученик. Петр Первый работал царем и одновременно плотником!

Саша Литвинов,
г. Макеевка.

*

Учитель. Что ты знаешь о разносторонних способностях Юлия Цезаря?
Ученик. Он мог одновременно есть, разговаривать, слушать, писать и смотреть телевизор...

Таня Файзулина,
г. Борисоглебск.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Расскажи, как работает трансформатор?
Ученик. Трансформатор работает так: у-у-у-у-у-у-у-у-у!!!

Сергей Черепанов,
Тюменская область.

Из школьных сочинений

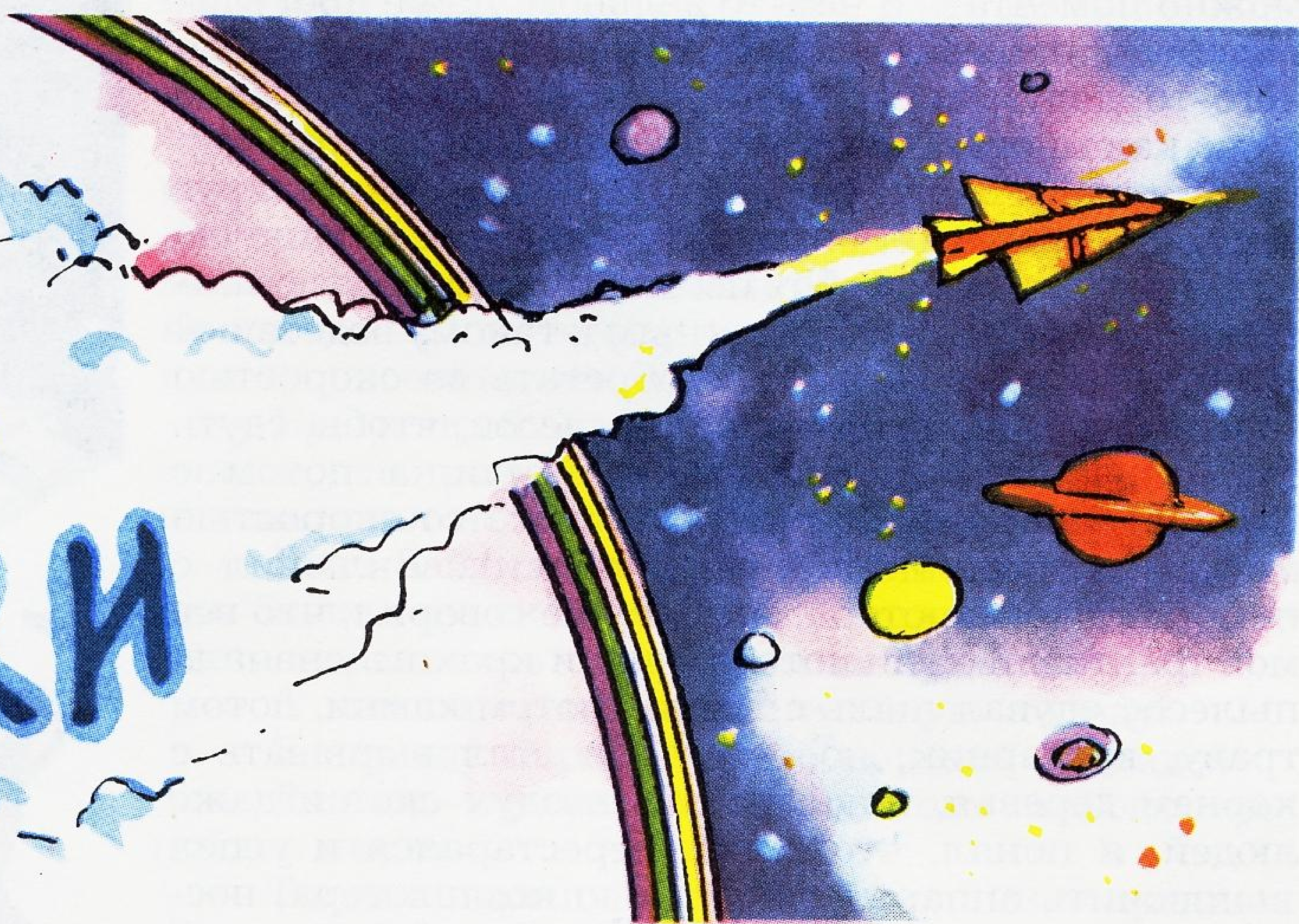
«Его брат работал медсестрой».
«У куклы волосы были не настоящие, а синтаксические».
«У него из-под черных кудрей выглядывали белые зубы».
«Она до того устала играть на пианино, что пальцы рук уже не держали смычка».
«За многочисленными веснушками на носу нельзя было разглядеть черты его характера».
«Мальчик лежал на поле, широко раскинув задние ноги...»

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Бекен ИБРАИМОВ

ИГРА В ЖМУРКИ

РАССКАЗ

Не знаю, почему никто не может оценить, что в мою голову тоже часто приходят и дельные мысли, и стоящие фантазии. Просто в моем воображении с ними происходит что-то непонятное даже для меня! Знакомые ребята, судя по их рассказам, летают среди белых облаков на белом крылатом коне, или на сверхзвуковом серебряном самолете, или даже в космическом корабле и прекрасно возвращаются на Землю. А когда рассказывают о своих путешествиях, то как будто какое стихотворение читают!.. Я тоже хотел, чтобы у меня было все, как в стихах у поэта. И даже специальную тетрадь завел, в которую записываю все свои фантазии. Но мне не везет даже в мечтах. Я как только глаза закрою и начну что-нибудь изобретать, так сразу никакой поэзией и стихами и не пахнет, все начинает происходить как-то прозаически, как в жизни.

Точнее, когда я начинаю фантазировать, то сначала все идет хорошо: вот я, скажем, лечу на Марс, лечу и лечу, но вдруг ни с того ни с сего в мой корабль как врежется или какая-нибудь шальная комета, или астероид!.. (Врезаются они, конечно, в моем представлении! Но от этого мне нисколько не легче!) Раз поломка, то по логике вещей надо возвращаться обратно на Землю. Я и возвращаюсь с дыркой в борту. А один мой стратоплан вообще врезался в Луну, это вместо мягкой посадки-то. Так я мысленно до сих пор вроде как бы все еще на Луне нахожусь. Не могу взлететь с нее. Помощи в своих мечтах жду. Поэтому в последнее время я и перестал летать на космолетах даже мысленно. Что-то не в порядке у меня с моими мечтаниями. Есть в них какой-то изъян...

Главное, что я когда мечтаю, то все делаю точно так, как мои одноклассники: закрываю глаза и... все, что представляю себе в своих фантазиях, вижу как наяву. Но может, я слишком высоко залетаю в своих мечтах?.. Тогда я как-то попробовал спуститься пониже и полетать на чем-нибудь попроще, например, на белом крылатом коне. Скорость-то у него поменьше, чем у космических летательных аппаратов. Значит, и опасность разбиться поменьше. Сел это я за парту, сосредоточился, белого коня с крыльями как живого вижу. Правда, учительница тут же заметила, что я сижу весь какой-то напряженный да еще с зажмуренными глазами... И тут же с вопросом:

— Ты спишь, что ли, Каюм?

Я говорю, что не сплю.

— А почему,— спрашивает она,— ты сидишь с закрытыми глазами?

— Так,— говорю,— легче слушать, внимание не рассеивается...

— У всех, кто не жмурится, внимание почему-то не рассеивается, а у тебя рассеивается!.. Открой сейчас же глаза и сиди в классе как положено!

А я к этому времени и с открытыми глазами уже научился мечтать. Да, так на чем это я остановился? Кажется, на белом крылатом коне? Так вот... Вскочил это я в своих мечтах на белого коня, а он оказался необъезженным, как начал брыкаться да подкидывать меня... В два счета сбросил на землю... Вроде бы в воображении и сбросил, все равно я о землю так грохнулся, что спина у меня дня два почему-то болела по самому настоящему... А может, это все потому, что я слишком ярко все представляю?.. А может, это все опять же из-за того, что я слишком высоко занесся и на Землю мне

надо спуститься в полном смысле этого слова? Есть же, говорят, на свете такие люди, что очень плохо переносят высоту, может, я именно такой человек и есть?.. Тем более что, и не отрываясь от земли, тоже можно помечтать о чем-то дельном. Даже прогуливаясь по нашей пыльной улице, тоже можно до чего-то додуматься, хотя пылищи на этой улице ужас как много. Так много, что когда сильный ветер дует, как сейчас, то он не только все вокруг запорашивает этой пылью, но даже все солнце ею окутывает... Аж на зубах песок хрустит... Ну скажите, могу я остаться безучастным к такому бедствию? Не могу! Сразу же стал изобретать со скоростью мысли огромный летающий пылесос, чтобы сдуть эту серую пелену сначала с Земли, а потом с Солнца! Изобрел! И построил тоже со скоростью мысли!.. Вроде летающей тарелки!.. Включил с помощью компьютера, но... Я уже говорил, что все мои фантазии кончаются бедой и крахом: сначала пылесос сдувал пыль с Земли, потом камни, потом траву, кустарник, но, когда он стал вырывать с корнем деревья, поднимать в воздух скот и даже людей, я понял, что опять перестарался и успел выключить аппарат с помощью компьютера, после чего мой сверхпылесос сгорел, войдя в плотные слои атмосферы... В это время отец как закричит:

— Эй, Каюм, чего рот разинул?.. Теленок со двора ушел!

У меня такое несчастье, а мне про какого-то теленка...

— Чего стоишь?.. Иди, говорю!..

Я вышел со двора и вернулся с теленком, думая о том, что надо мне было пылесос поменьше соорудить, а я... Тем временем отец продолжал ворчать:

— У других дети как дети: коров и провожают, и встречают, а наш сын ни о чем не хочет думать... Вот привел теленка, а привязать не догадается...

Я привязал теленка за шею, да только он вдруг почему-то стал валиться на землю и сучить ногами.

— Что ты делаешь! — заорал отец.— Ты же его задушишь!..— Подбежав, он стал распускать веревку на шее теленка, успев влепить мне крепкий подзатыльник.

— Отец и так измотал себя, объезжая чабанов,— продолжал он жаловаться кому-то на меня,— а дома тоже нет никакого покоя!..

— Так не объезжай,— решил я заступиться за себя и пожалеть немного для приличия отца.

— Если не объезжать, не проверять, то как может увеличиться поголовье овец? — сказал отец не очень-то дружелюбно.

— Послали бы кого-нибудь другого! — Ради своего отца я решил совсем спуститься на Землю, тем более что в голове у меня уже зашевелились кое-какие идеи...

— За ферму отвечаю я,— ответил отец,— с меня весь и спрос!

— Если их поголовье увеличивается от одних ваших поездок, то почему овцы не заполнят весь мир? Вы же ездите постоянно,— сказал я отцу, желая дать понять, что я, как его родной сын, тоже от всего сердца заинтересован в увеличении поголовья скота.

— В своем ли уме этот болван! — вскричал отец.— Разве овцы сами по себе будут умножаться только из-за того, что к ним в отару приехал бастык? Нет, видно, мне от своего сына никогда не дождаться умного слова!

Мне снова стало жалко моего отца. Наверное, он засомневался, что я вообще в своем уме, и от этого

расстроился еще больше. О бедный отец мой, как бы мне его уважить? Разве легко помогать переезжать чабанам с места на место, находить на зиму корма и сено, а летом удобное пастбище? Вот если бы найти такой способ... Или... даже не знаю, как это назвать... А я нашел! Нашел! Скажу-ка сейчас, и пусть отец любуется мной!

— Отец, сказать тебе, как увеличить... нет, нет, как помочь переезжать чабанам с места на место?..

Отец, собравшийся уже уйти домой, уставился на меня удивленными глазами. В них стоял вопрос: а не ослышался ли он? Вроде бы все еще не верит, что я могу посоветовать что-то дельное.

— Ну, попробуй скажи,— сказал он и, словно считая, что ничего путного ожидать нельзя, посмотрел на меня исподлобья, испытующе.

— Если найти способ удлинить ноги овец, чтобы они были... ну, скажем, как у лошадей, тогда будет легко переезжать с места на место...

— А как сможешь вывести такую породу?

— Я скрещу породу овец с породой лошадей!

— Лошадь — умное животное, она никогда не пойдет на это...

— Тогда я скрещу овец с верблюдами,— предположил я.

— Верблюды тоже не такие дураки, как ты о них думаешь,— продолжал упрямиться отец.

— Тогда я выведу новую породу овец от их помеси с кенгуру. Это будет овцокенгуру или кенгуроовцы!.. Мало того, что они с пастбища на пастбище будут летать со скоростью семьдесят километров в час, так еще в своих сумках будут нести по ягненку!..

Отец захохотал во весь голос и сказал:

— Хотел бы я видеть, как ты соберешь стадо этих кенгуроовец в отару! Нет, от твоих фантазий можно просто сойти с ума! — Отец, махнув рукой, скрылся в доме, а рожденные моей фантазией «кенгурцы» или «овцегуры», которых я с помощью фантазии собрал в отару, тут же стали разбегаться в разные стороны, совершая фантастические прыжки по семь-восемь метров в длину!.. И вот они уже прыгают и по склонам Медео, и по склонам Ала-Тау... Кошмар, да и только!.. Но я и тут не растерялся, нашел выход из положения. Я влез в окно и говорю отцу:

— А если привязать к каждому копытцу по маленькому колесику, то они никуда не смогут убежать. Свяжи всех на одну веревку и кати за собой. А когда начнут откочевывать на джайляу, прицепи всех их к машине, колесики покатятся, прыгать кенгурцам не дадут, и за каких-нибудь три-четыре часа все они окажутся на месте и в одной отаре!..

Отец постоял-постоял на одном месте, потом топнул ногой да как закричит:

— Чего ты болтаешь, а? В своем ли ты уме вообще?! Или издеваешься надо мной? Что он не скажет, всегда все не так. Где твои путные слова? Когда только я их услышу от тебя? — При этом отец с такой силой толкнул меня ладонью в лоб, что я слетел с подоконника на землю, при этом придавив чуть не до смерти одну курицу.

Ах, как жалко. Мне хотелось так обрадовать отца. Опять не получилось. Что теперь делать? Я и на самом деле жалею отца. Ни свет ни заря уезжает к чабанам, а возвращается лишь в сумерках. И все ради того, чтобы увеличить поголовье овец и добиться прибавки в их весе. Но все-таки ему лучше, чем мне! Он думает лишь об овцах. А у меня в голове одни мировые проблемы. Если бы я о них рассказал отцу, то он ужаснулся бы и мгновенно

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

упек бы меня в больницу. Главное, что я хотел этим облегчить страдания своего отца, в последнее время смотревшего на меня с большой подозрительностью. Я хотел сделать его довольным. Но не видно, чтобы он стал довольным, пока не увеличится поголовье овец на ферме. А как его обрадуешь, когда он смотрит на меня так, что мне просто неприятен его взгляд? Твердит, что я не в своем уме. Вообще-то это надо проверить! Может, на самом деле у меня что-то с головой?..

Я вошел в дом, взял градусник и зажал его под мышкой. Минут через пять я его вытащил. Температура — тридцать шесть и шесть. Похоже, что я здоров. Но хотя я физически здоров, может быть, нездорова моя фантазия или мои мысли?.. Нет, видно, тут без чьего-то умного совета не обойтись. Вышел я снова на нашу пыльную улицу: может, и вправду с доктором посоветоваться? Да нет, скажет еще — симулянт!.. Да я и вправду чувствую себя абсолютно здоровым. На вершину Медео могу бегом подняться, не запыхавшись... Сел я на камень. Тетрадку достал из-за пазухи и стал вносить в нее все свои новые мечтания, а тут мимо меня как раз Жаксыбек идет, он у нас знаменит тем, что всю школьную библиотеку от первой книжки до последней два раза перечитал. Умный парень, ничего не скажешь. Я тоже пробовал, как Жаксыбек, прочитать все книги в школьной библиотеке, но у меня из этого ничего не получилось, я и одной полки не одолел, потому что читать-то я читаю, но думаю в это время совсем о другом...

Тень Жаксыбека упала на меня и на мою тень на земле. Мне стало чуть прохладнее, словно солнце за тучу зашло. Я сижу и молчу. Жаксыбек стоит и молчит. Первым заговорил Жаксыбек:

— Что ты сидишь, как «печальный Демон — дух изгнанья»?!

Я помолчал, стараясь думать только о том, что я сейчас скажу Жаксыбеку, хотя в голове у меня уже зашевелилось еще одно изобретение... Вопрос состоит в том, как умножить поголовье овец и добиться их высоких привесов, завертелось у меня в голове. Скажем, мы — люди! В день кушаем только три-четыре раза, а всякая скотина, в том числе и овцы, хрумкают с утра до вечера. Правильно, на тучных пастбищах они за день несколько раз отдыхают и несколько раз пасутся. Почему бы не придумать такой способ, чтобы они за день кормились всего три-четыре раза, как люди. Может, рот овец не знает покоя с утра до самого вечера? Или желудок у них огромный? Или у них длинные кишки?.. А что, если сделать операцию и сократить размеры желудка?.. Тогда... Но здесь я невероятным усилием воли остановил движение каких-то там шестеренок в мозгу и сказал по-человечески просто и понятно:

— Ты как-то спрашивал меня, Жаксыбек, отчего я все время грустный. Потому что меня никто не понимает, даже мой родной отец.

— Прочитай и поймешь,— сказал я, протягивая ему свою заветную тетрадку.

— Дневник, что ли? — спросил Жаксыбек, беря тетрадь в руки.

— Вроде дневника,— согласился я,— только научно-фантастического.

— Ишь ты, какой не понятый никем! — сказал Жаксыбек.— А почему же это тебя никто не понимает?

— В духе века.— Жаксыбек раскрыл было тетрадь и сказал:— Почитаем...

Но я попросил его сделать это дома, чтобы никто не видел.

— Дома так дома,— сказал Жаксыбек, присоединяя мою тетрадь к кипе книг, что держал под мышкой.

На другой день в школе Жаксыбек встретил меня, держа мою тетрадь, свернутую в трубку, и сказал:

— Будь я твой отец, отдубасил бы тебя хорошенько... Что это за изобретения? Что это за научная фантастика? Это же просто какой-то бред сумасшедшего!.. Ты хоть раз смотрел по телевизору передачу «Умелые руки»?

— Нет,— говорю,— не смотрел. А чего я там не видел?

— Не видел ты там как раз того, что накалякал в своей тетрадке дурацкой! Игра в жмурки, и все!!!

Он протянул мне такую дорогую для меня сокровищницу моих фантазий. Я взял и, прижав тетрадь к сердцу, понуро пошел по коридору, думая: «Ну вот и Жаксыбек меня не понимает, а больше мне и надеяться не на кого... Вся надежда была на него».

— Постой,— сказал Жаксыбек,— и тебе не надоело строить из себя лунатика? И фантазировать с закрытыми глазами?.. Сейчас я тебе их открою,— сказал он и, взяв в руки программу телевизионных передач, добавил:— Вот после уроков будет как раз та передача, на которую ты, судя по всему, никогда не обращал внимания. Передача называется «Умелые руки». Пойдем ко мне.

После уроков пошли к нему, стали вместе смотреть эту передачу. Я и вправду никогда не смотрел ее. Я любил, если показывали что-нибудь фантастическое или связанное с милицией. А тут мне показали целую выставку самых невероятных машин всякого невероятного назначения, и самое удивительное в этом было то, что это все было сделано руками моих сверстников. Были там и космические машины, и луноход на тараканьих ножках, и маленький трактор, который при необходимости мог превращаться и в экскаватор, и в бульдозер для работ на приусадебном участке. И главное, что им можно было управлять на расстоянии. Увидел я и воздушного змея со множеством зеркал, который поднимался в небо, превращая солнечную энергию с помощью этих зеркал в электрическую. Было показано и многое другое, после чего мне стало ужасно стыдно за свою тетрадку. Особенное впечатление на меня произвели самодвижущиеся роликовые коньки с двумя бензиновыми моторчиками. Надевай их на ноги и катись, куда хочешь.

— Вот как надо во все глаза смотреть вокруг и фантазировать с открытыми глазами,— сказал Жаксыбек,— а передачу, которую мы с тобой только что видели, ты должен был уже не только сто раз посмотреть, но даже в ней участвовать давно до-

лжен был, потому что у тебя вообще-то шарики в голове крутятся, только не в ту сторону, судя по всему.

Примерно недели через две я подошел к Жаксыбеку и, порывшись в портфеле, протянул ему тетрадь.

— Ну что ты носишься со своей дурацкой тетрадью?

— Да нет,— торопливо произнес я,— это не та тетрадь, это другая.

Жаксыбек взял тетрадь и начал читать вслух:

— Из вышедшей из строя кровати-раскладушки можно сделать удобную складную сушилку для белья... Так...— Жаксыбек улыбнулся и остальное дочитал про себя, изредка произнося вслух слова:— Ножки с прилегающими трубками... удерживающие пружины...

— Линия отреза показана на рисунке, — пояснил я.

Жаксыбек разглядел рисунок, засмеялся и, хлопнув меня по плечу, сказал:

— Ну что я говорил тебе про твои шарики в голове?!. То, что они у тебя есть, только крутятся не в ту сторону!.. А теперь твои шарики, кажется, закрутились в нужном направлении!..— Он перевернул страницу тетради и снова прочитал вслух: — Защитой глаз при чистке лука или хрена... так... могут служить очки для плавания!.. Молодец!

— Меня эта мысль в плавательном бассейне осенила. Мама мне за это изобретение уже сказала большое спасибо! — сказал я.— Отец любит острые блюда, а мне вдруг пришла в голову простая мысль! Там я еще изобрел, как при окраске стен сохранить в чистоте рукава: надо взять два полиэтиленовых пакета...

— Вижу! Вижу! — Жаксыбек так радовался моим выдумкам, словно это ему они пришли в голову...— Да, это тебе не овцегуры и кенгурцы...

Я понурил голову. Ну зачем сейчас вспоминать про старое?.. Жаксыбек, будто и сам поняв это, захохотал и опять хлопнул меня по плечу, и опять похвалил, добавив:

— Кто старое помянет, тому глаз вон!..

Из головы моей так и сыпались изобретения одно за другим, те, что я еще и записать-то не успел.

— Молодец! — повторил Жаксыбек.— Молодец!

А я, рассказывая о том, как из мопеда можно сделать маленькую хлопкоуборочную машину, думал сам о себе: может, я действительно, на самом деле «молодец», просто я раньше этого про себя не знал, а теперь знаю!..

Перевел с казахского В. МЕДВЕДЕВ.

Жамбын ДАШДОНДОГ,
главный редактор журнала «Залгамжлагч», Монгольская Народная Республика

Белка

Утро явилось в тайгу.
Время охоты пришло.
Сел на оленя Жамбын,
Маленький сын тайги,
Едет с ружьем за спиной.

Хочет в медведя стрелять
Маленький сын тайги,
Хочет попасть в кабана
Маленький сын тайги,
Волка мечтает убить
Маленький сын тайги.

Белку вдруг видит Жамбын —
Вскинул ружье на ходу...
Съежилась белка в комок,
Дуло ружья перед ней
В точности как волчий глаз.
Просит пощады зверек,
Смотрит на сына тайги,
Веточка в лапке дрожит.

Мальчик не выстрелил, нет.
Снова ружье за спиной,
Едет с охоты Жамбын,
Думает думу Жамбын:
«Если б попался медведь —
Стал бы в него я стрелять?
Если б попался кабан —
Стал бы стрелять в кабана?
Если бы встретился волк —
Волка я смог бы убить?!.»

Перевел с монгольского В. ВИКТОРОВ.

Рисунок Е. УСТИНОВОЙ.

Барон Мюнхгаузен и урок физкультуры

— Ты над чем так смеешься? — спросил Чип.

Сережа зачитывался «Бароном Мюнхгаузеном», а Чип прогуливался по столу, поглядывая по сторонам. Работы для него не было, и он томился от безделья.

— Да вот, представляешь, барон Мюнхгаузен сам себя из лужи вытянул! За волосы!

— И что же тут смешного? По-моему, ничего особенного.

— Уж будто твои программы могут сами себя за волосы тащить!

— А что! — азартно крикнул Чип. — Вот спорим, что я напишу программу, которая сама себя из лужи вытаскивает? Спорим?

— Ну, спорим, — усмехнулся Сережа.

— Это будет программа «МЮНХГАУЗЕН».

«ЕСЛИ МЮНХГАУЗЕН В ЛУЖЕ, ТО ОН ДОЛЖЕН ТЯНУТЬ СЕБЯ ЗА ВОЛОСЫ».

А «ТЯНУТЬ СЕБЯ ЗА ВОЛОСЫ» — это подпрограмма.

Подпрограмма «ТЯНУТЬ СЕБЯ ЗА ВОЛОСЫ»: «НАГРЕТЬ СВОИМИ ДВИЖЕНИЯМИ ЛУЖУ НА ОДНУ ТЫСЯЧНУЮ ГРАДУСА. ЕСЛИ ЛУЖА НЕ ВЫСОХЛА, СНОВА ТЯНУТЬ СЕБЯ ЗА ВОЛОСЫ».

Конец подпрограммы.

— Ну, а как же эта подпрограмма поможет Мюнхгаузену вылезти из лужи? — спросил Сережа с подозрением.

— А вот как: Мюнхгаузен первый раз потянет себя за волосы и нагреет своими движениями лужу на одну тысячную часть градуса. Потом, если лужа не высохла (а она, конечно, и не подумала высохнуть, хоть чуть-чуть и нагрелась), он снова потянет и нагреет лужу еще на одну тысячную часть градуса и так далее. Если у Мюнхгаузена скорость работы, как у рядового компьютера, то не пройдет и секунды, как вода в луже поднимается до 100°С и закипит. Ну, а из кипятка-то, я думаю, он и сам не заметит, как выпрыгнет!

— Здорово, — восхищенно протянул Сережа. — Слушай, а я как-то и не понимал, что компьютеры так быстро работают. В одну секунду: раз — буль-буль — и прыг! Готово дело!

— А ты заметил другое, что моя подпрограмма вызывает сама себя, как и Мюнхгаузен сам себя за волосы тащит? И не просто себя вызывает. Если бы она только себя вызывала и больше ничего не делала, то получился бы бесконечный цикл, как в стишке про попа и собаку. Но она при каждом вызове чуть нагревает лужу, так что рано или поздно лужа испарится и цикл закончится.

Такие подпрограммы называются рекурсивными, их всегда трудно понять. Кажется, что они не смогут работать, как Мюнхгаузен не сможет вытянуть себя из лужи. Для того, чтобы рекурсивная подпрограмма работала, надо, чтобы при каждом вызове что-то изменялось так, чтобы работа могла кончиться.

— А можешь еще рекурсивную программу написать? Мне очень понравилось.

— Ну что ж, например, ваш класс на физкультуре неправильно выстроился по росту: впереди самый маленький, в затылок ему смотрит мальчик повыше, а сзади самый большой. Вот такая рекурсивная программа перестраивает их в обратном порядке.

Программа «ПЕРЕСТРОЙ» (колонну).
Если в колонне один человек, то возврат.
ПЕРВЫЙ ДЕЛАЕТ ШАГ ВБОК.
«ПЕРЕСТРОЙ» (остаток колонны).
ПЕРВЫЙ ИДЕТ НАЗАД.
Возврат.

— Постой, постой, дай я соображу, как она будет работать. Если в колонне всего один человек, то его нечего перестраивать. Правильно, тут и написано «возврат». А куда возврат? Ладно, пока это неважно, а там посмотрим.

Теперь пусть в колонне два человека. Идем по программе. Первая строчка не для нас, поскольку в колонне два человека. Смотрим следующую строчку. Первый делает шаг вбок — это мы выполнили вторую строчку. Согласно третьей строчке, мы должны перестроить остаток колонны, то есть последнего, второго. Это мы уже умеем — он остается на месте, и происходит какой-то возврат. Чип, а что это за возврат?

— Ну, сам подумай, что ты должен сейчас делать? Вспомни, что ты делал до того, как прочел таинственное слово «возврат», и... **возвращайся** к этому делу.

— Как что делал? Я перестраивал колонну из двух человек. У меня первый сбоку стоит и ждет.

— Вот и возвращайся к тому, что ты дальше должен с ним делать. В программе на четвертой строчке сказано: «Первый идет назад». Это как раз к нему и относится.

— Так, значит, первый идет назад и оказывается позади второго. Опять возврат! Колонна из двух человек перестроена. Все-таки я с этим возвратом чего-то не понял. Интересно, как он будет работать с тремя людьми? Первая строчка нашей программы

для колонны из трех человек не годится. На второй строчке первый человек делает шаг вбок, а на третьей... Ага, на третьей строчке мы перестраиваем колонну из двух, это мы уже умеем. Перестроили. На четвертой строчке ставим первого сзади них, то есть на самое последнее место, как и надо.

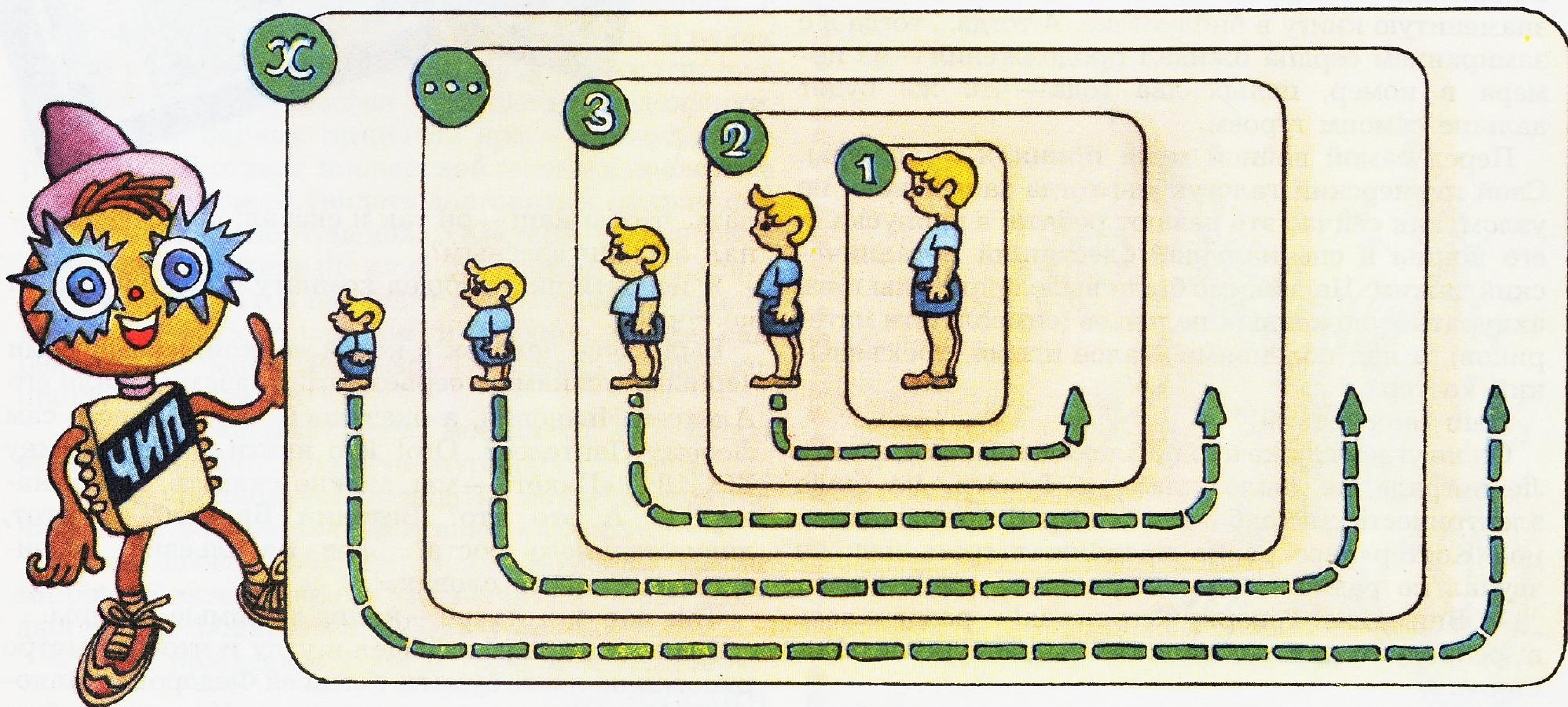
А зачем же нужен возврат? Ну, теперь ясно — от перестройки одного человека мы вернулись к перестройке двоих, от перестройки двоих к троим и так далее. Значит, возвращаемся на один шаг назад, к самому последнему из брошенных дел. Чип, а знаешь, что мне еще непонятно: как это программа будет работать, если взять много людей, ну, скажем, сто? На третьей строчке написано: «Перестрой остаток колонны», а там 99 человек. Мы же еще не знаем, как их перестраивать?

— А и не надо заранее знать! Начинай применять к ним ту же самую программу, и все получится. Они по очереди будут делать шаг вбок, пока не дойдет черед до последнего, а потом предпоследний встанет позади последнего, предпоследний за ним и так далее, пока первый не встанет сзади всех. Программа будет применяться сто раз, и сто раз будет происходить возврат к предыдущей перестройке.

— Как сложно, правда, Чип? Три строчки написано, а сколько беготни.

— А ты попробуй к следующему разу сам сочинить рекурсивную программу. Договорились?

ОТ РЕДАКЦИИ. Ребята, может быть, и вы попробуете сочинить рекурсивную программу для сказки или считалки? А Чип проверит, что у вас получится. Ждем ваших писем.

ГОРИ И ГРЕЙ!

Мой двенадцатилетний сын сердится, когда я, опередив его, вынимаю из почтового ящика «Костер».

— Опять ты, отец,— ворчит он,— читаешь мой журнал...

А ведь журнал «Костер» — именно мой журнал! Мы с ним почти ровесники: когда в 1936 году — ровно пятьдесят лет назад! — он родился (или зажегся?) в Ленинграде, я уже умел читать.

Я хорошо помню, как поразила меня обложка самого первого номера. Девочка и мальчик с такой же челочкой, как и у меня, держали раскрытый журнал «Костер». За их спинами в синем небе плыла луна, а на лицах читающих играли отблески, словно бы и впрямь за раскрытой обложкой горел теплый огонь!

Отблеск этого света от вечного чуда — чтения я пронес через всю свою жизнь.

В одном из очередных номеров «Костра» за 1938 год я прочел название: «Два капитана». «Ого! — подумал я.— Это, конечно, о морских приключениях!»

Журнал выходил тогда одноцветный, черно-белый. До сих пор я помню рисунок-заставку: маленький черный самолетик над бесконечным торосистым ледовым полем...

Так в мою жизнь вошли немой мальчик Саня Григорьев и письма капитана Татаринова. Это сейчас вы, ребята, можете снять с полки роман Вениамина Каверина *целиком* или взять эту знаменитую книгу в библиотеке. А тогда... тогда я с замиранием сердца ожидал продолжения — из номера в номер, целых два года — что же будет дальше с моим героем.

Перед самой войной меня приняли в пионеры. Свой пионерский галстук мы тогда завязывали не узлом, как сейчас это делают ребята, а пропускали его концы в специальный блестящий металлический зажим. На зажиме были выгравированы пять аккуратно уложенных поленьев (символ пяти материков), а над поленьями — алое пламя, трехъязыкий костер.

Наш пионерский!

Он не угасал даже в годы блокады! В осажденном Ленинграде не было хлеба и бумаги, не было электричества, не работали типографские машины, но «Костер» все равно продолжал греть нас: он звучал по радио.

— Внимание! Говорит Ленинград! — раздавалось в репродукторах.— Слушайте радиожурнал «Костер»...

После войны мы, ленинградские подростки, бледные, длинные и тощие, которые занимались в литературной студии Дворца пионеров, получили приглашение на встречу с редакцией журнала «Костер». Он снова начинал печататься, можно сказать, разгорался заново.

Как мы тогда волновались!

Нас встретил высокий человек с военной выправкой — главный «костровой», главный редактор, участник гражданской войны, легендарный командир бронепоезда Николай Федорович Григорьев.

— Ребята! Вы ведь сами пробуете писать? — спросил он.— Как думаете, что нужно делать, чтобы наш — он так и сказал: «наш!» — журнал был интересным?

Я исподтишка оглядел комнату и задохнулся от восторга.

Был здесь человек с косой челкой, маленькими черными усиками и серьезными глазами. Звали его Алексей Иванович, а оказалось, что он и есть сам Леонид Пантелеев. Ого! Его книги — «Республику ШКИД», «Пакет» — мы, можно сказать, знали наизусть! А это кто? Виталий Бианки?! А этот, дяди-степиного роста?.. Лев Васильевич Успенский — «Слово о словах»!

Так вот они какие — наши любимые авторы.

Один из взрослых сидел в углу и что-то быстро рисовал на листе бумаги. Алексей Федорович Пахомов! Мы уже знали его рисунки. Именно он был

автором памятной мне обложки первого номера — с теплым, как от костра, отблеском, падающим от страниц на ребячьи лица...

Мало-помалу в «Костре» стали появляться и наши стихи, и рассказы. Некоторых ребят — участников того давнего разговора — вы, должно быть, теперь знаете: это Борис Никольский, написавший интересные книги о современной армии, Игорь Масленников (известный кинорежиссер), Владимир Торопыгин. А позднее Владимир Васильевич Торопыгин сам стал редактором «Костра».

Вместе с ним в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов в журнал пришли Виктор Голявкин, Александр Крестинский, Радий Погодин, Святослав Сахарнов, Николай Сладков, Юрий Томин.

И художники в «Костре» всегда работали замечательные! После В. Лебедева и А. Пахомова, В. Курдова и Б. Семенова появились остроумные выдумщики Михаил Беломлинский и Леонид Каминский, мастера цветной иллюстрации О. Филипенко, Б. Аникин, В. Топков и многие-многие другие.

А сколько было придумано интересных разделов в «Костре»! На все вкусы: «Морская газета» для будущих моряков, «Зеленые страницы» для тех, кто посвятит свою жизнь защите природы, «Советы Маши-искусницы» для девочек, «Электроник» для будущих рабочих и инженеров...

...В Кремле, в рабочем кабинете В. И. Ленина, лежит под стеклом старый журнал «Барабан» с надписью на титульном листе «Ленину от пионеров Замоскворечья». Это один из самых первых, может быть, даже самый первый журнал, который начал печатать ребячьи материалы — рисунки, статьи, заметки, стихи. Откройте сейчас любой номер «Костра», и вы найдете в нем страницы, где текст набран не как обычно, а поперек журнала. Над ними — все то же гордое слово «Барабан». Так возродился в «Костре» боевой журнал двадцатых годов, и он тоже печатает только ребят.

...Я люблю приходить в редакцию «Костра». Каких только интересных людей не встретишь там! Вот скромно сидит в уголке, ждет очереди для разговора с редактором человек в кожаной куртке. Это шофер такси, он принес свои записки. А с редактором отдела говорит другой посетитель. Он одет в обыкновенный костюм, но обветренное, с тропическим загаром лицо выдает моряка. В руках у него рассказ о плавании на Кубу. Шахматисты с деревянными коробками в шашечку, художники, которые в папках приносят яркие причудливые рисунки... В отделе пионерской жизни в последние годы часто можно увидеть долговязых мальчишек и девчонок — спортсменов. «Костер» организовал заочный спортивный клуб легкоатлетов «Кузнечик» и каждый год проводит в Ленинграде соревнования лучших прыгунов и бегунов. Даже сам рекордсмен мира Рудольф Поварницын прошел школу «Кузнечика»!

...Сын заглядывает через мое плечо: «Ну, скоро кончишь читать? Отдавай журнал!»

Что ж, приходится отдавать: новое поколение читателей собирается на огонек «Костра».

В год своего юбилея тираж журнала достиг миллиона экземпляров! Это значит, в стране каждый месяц зажигается миллион костров!

С днем рождения! Гори и грей, мой «Костер»!

Лев КУКЛИН

В гостях у «Пионера» журнал «Костер»

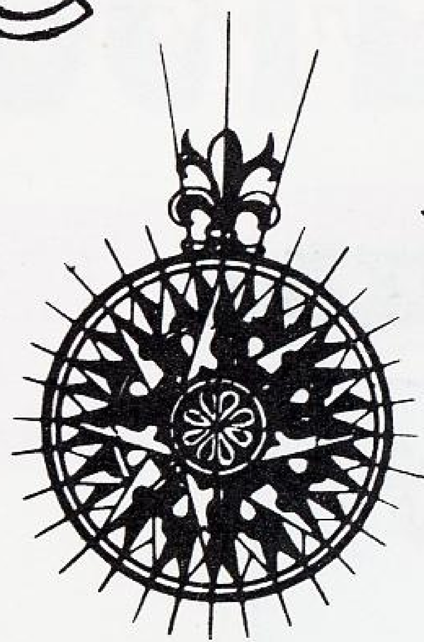
После долгих споров о продолжительности жизни разных животных, обитающих вблизи человека, ученые составили более или менее точную таблицу. Из нее следует, что комнатная муха живет два с половиной месяца, крыса — до четырех лет, клоп — шесть лет, заяц — восемь, кошка — двенадцать, собака — до двадцати, бык и корова — тридцать, конь доживает и до пятидесяти, ворон живет сто пятьдесят лет, черепаха — двести.

Сообщения, что щука и крокодил живут до трехсот лет, признаны неверными. Крокодилий век — сто двадцать лет, а щучий — чуть больше ста.

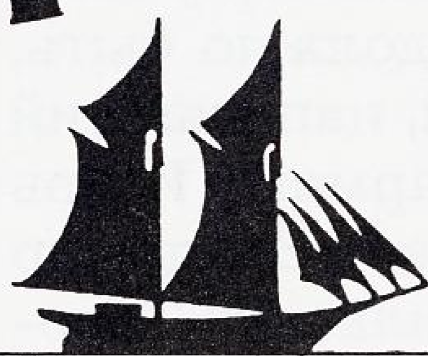
* * *

Ученые-зоологи обнаружили интересное свойство бурых медведей. Перед тем, как залечь в зимнюю спячку, они отыскивают на елях и соснах смолу и поедают ее. «Зачем?» — подумали ученые. И решили: смола не дает размножаться гнилостным бактериям в желудке медведя, пока он спит. Так медведь заботится о том, чтобы не проснуться по весне с больным животом.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Привет вам с Фарерских островов!

Есть в «Морской газете» небольшой музей. Хранятся здесь разные редкости и среди них два дорогих нам документа. Первый — небольшая заметка в «Морскую газету». Второй — научный труд, изданный Академией наук. Почему это дорогие для нас экспонаты? Очень просто: заметку написал пионер Миша Шилин, а научный труд — ученый Михаил Борисович Шилин.

Когда Мише было 11 лет, он принимал самое живое участие в делах «Морской газеты» — писал заметки, присылал рисунки, отгадывал морские загадки. Модель корабля, которую он сделал, была признана жюри одной из лучших. И Мишу было решено наградить подзорной трубой. Но в магазинах подзорной трубы не оказалось. Мы с ног сбились, делали запросы в другие города. Нет трубы, и все!

И тогда попросили мы Мишу немного подождать.

Ждать пришлось долго — несколько лет. Трубу искали все сотрудники редакции. Но привез ее из плавания моряк, который знал эту историю. Он купил ее не то в Рио-де-Жанейро, не то еще где-то... Настоящую! Раздвижную. С выпуклыми линзами на концах. В кожаном футляре. И мы тотчас послали ее Мише. А ответа от Миши нет. Может быть, обиделся, долго ожидая подарок? Но как-то раз пришло письмо.

«Здравствуйте!

Простите, что сразу не отвечал, когда получил трубу. Но я тогда срочно уезжал на практику, на Белое море. Я — студент, биолог. Увлечение морем даром не прошло, и я поступил в университет. Изучаю морских животных. Подзорная труба мне очень пригодилась, и я взял ее с собой на биологическую станцию.

Ваш бывший юнкор, а ныне — студент-биолог Миша Шилин».

А года через три — открытка. Цветная. С кораблями. На обороте написано: «Привет вам с Фарерских островов! Занимаюсь научной работой. Очень интересно! А подзорная труба — со мной.

Ваш Михаил Шилин».

Недавно Михаил Борисович зашел в редакцию и подарил нам научный сборник. И сделал такую дарственную надпись: «Морской газете», которая научила меня понимать и любить море и все живое в нем...»

Олег ОРЛОВ

Виктор ВЕРИЖНИКОВ

Знатоки

Они лежали с закрытыми глазами на опушке леса, греясь на солнышке.

— Деревья сзади шумят,— сказал Вова.

— Сосны, конечно,— уточнил Гриша.— Судя по шуму.

— Не только,— уточнил Вова.— Сосны и две ели. Судя по шуму.

— Шесть сосен и две ели,— уточнил Гриша.— Сосны в середине, а ели — по бокам.

— Четыре сосны высокие, а две поменьше,— уточнил Вова.

— А ели обе высокие, судя по шуму — уточнил Гриша.

— Одна сосна наверху раздвоена,— уточнил Вова.

— Вторая слева,— уточнил Гриша.

— Она же пятая справа,— уточнил Вова.

— На соснах, судя по шуму, много желудей,— уточнил Гриша.

— Как желудей? — удивился Вова.— Желуди растут только на березах.

— Да? А я всегда путаю...

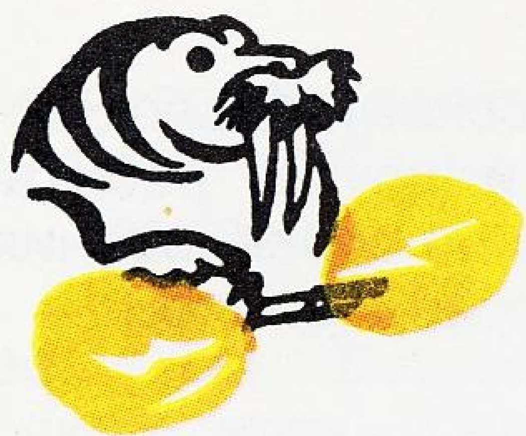
Они обернулись.

— Да, точно, березы. А по бокам осины.

— А может быть, это липы?

— Конечно, липы! Судя по шуму.

И они снова закрыли глаза.

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Шестнадцатилетний капитан

Когда Робину Грэхему было двенадцать, отец научил его ходить под парусами, определять по звездам место корабля, чувствовать море и ветер...

Много вечеров Робин изучал карты океанов. И вот его маленькая яхта «Голубь» отошла от причала американского города Лос-Анджелес. С шестнадцатилетним Робином отправились в плавание двое котят. Через три года Робин закончил кругосветное путешествие, претерпев немало приключений. Вы спросите: «А как же Робин учился?» Учебники он взял с собой и прошел всю программу школы самостоятельно.

Секретное оружие

Случилось это в первые месяцы Великой Отечественной войны. Построенный на Черном море большой ледокол решили провести в дальневосточный порт, где он был очень нужен... А в Эгейском море — фашистские корабли...

Однако наши моряки пошли. Шли ночью, днем отстаивались в бухточках. Фашисты все-таки выследили безоружный ледокол. В атаку на него помчались торпедные катера. Но ледокол, хоть и с трудом, увернулся от торпед. Тогда с катеров застрочили пулеметы. Но пули не пробивали толстые борта ледокола. Катера вызвали подмогу: самолеты-торпедоносцы. От этих не увернешься... Подлетает один самолет, нацеливается. И вдруг — что такое? — с ледокола ударили по самолету чем-то белым, дымящимся... Торпедоносец взмыл вверх, а торпеда шлепнулась в воду и ушла в сторону. Пошел в атаку второй самолет. Но и этому навстречу ударила белая струя. Пилот передал по радио: «Внимание! Ледокол вооружен секретным оружием!»

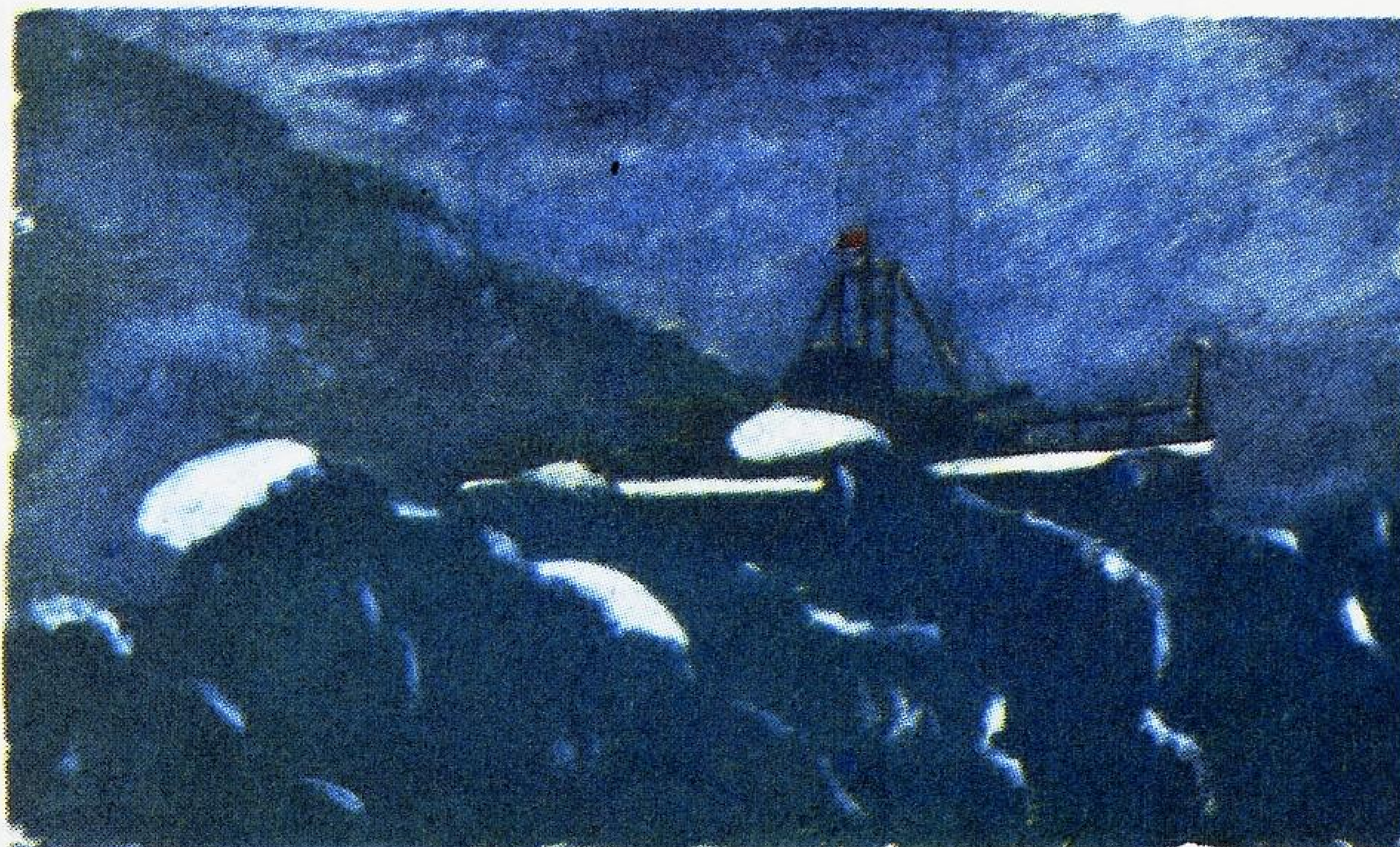
А это моряки ледокола включили гидромонитор, из которого размывают тяжелые льды. Гидромонитор — водяная пушка. На десятки метров достает упругая струя.

Так ледокол и ушел от фашистов.

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

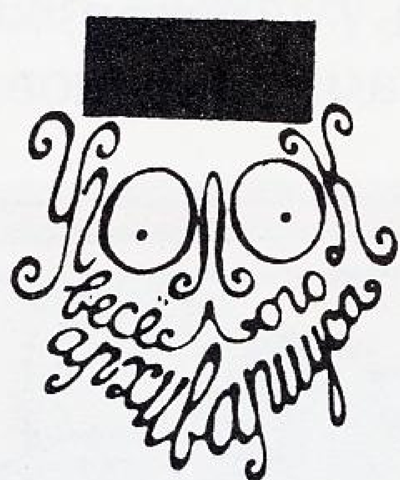
«СКВОЗЬ ШТОРМ».
Рисунок Андрея СМИРНОВА.

Мы дежурим

Мы сегодня целый час
Убирали новый класс.
Сто бумажек от ирисок,
Сто огрызков и записок
Обнаружилось у нас.
Было только три урока,
А не триста тридцать шесть.
Как же мы успели столько
Написать, прочесть и съесть?!

Сергей МАХОТИН

К Кальману явились два молодых композитора и попросили разрешить спор: кто у кого заимствовал одну мелодию.

Кальман выслушал их игру.

— Друзья мои, никто из вас не списал ее у другого.

— Чья же она? — воскликнули удивленно спорщики.

— Моцарта!

* * *

Римский полководец Гай Юлий Цезарь приказал украсить щиты и оружие своих солдат драгоценностями.

— Зачем? — удивились подчиненные.

— Чтобы солдатам было жалко их бросать при отступлении,— объяснил Цезарь.

* * *

Американский ученый Гарольд Ури незадолго до посадки космического корабля на Луну заявил:

— Дайте мне кусочек лунного грунта, и я расскажу вам, как возникла Солнечная система!

С Луны было привезено 400 килограммов грунта. Его изучили.

— Увы! Вопросов теперь стало еще больше,— вздохнул Ури.

Экзамены в дни каникул

В первые дни летних каникул украинский город Мелитополь принимал гостей — лучшие шахматные команды пионерских дружин из всех союзных республик, Москвы и Ленинграда. Здесь с 3 по 13 июня проходил финал очередного розыгрыша соревнований клуба «Белая ладья» на призы ЦК ВЛКСМ и нашего журнала. Ребята держали экзамен на мастерство и спортивную выдержку.

Как и обычно, финалу предшествовали массовые турниры юных любителей шахмат, проведенные по всей стране. В этом году они собрали более миллиона участников. Около 45 тысяч мальчиков и девочек оспаривали право играть в финале в Челябинской области. 28 тысяч ребят выступали в шахматных турнирах в Воронежской области. Здесь отличных результатов добилась дружная команда школы небольшого поселка Каменка. Юные шахматисты победили команды многих городов, и даже областного центра — Воронежа.

47 тысяч московских школьников играли в столичном первенстве! Решающие встречи проходили в городском шахматном клубе и привлекли немало зрителей. Победу одержала команда... школы № 22.

Об итогах финального турнира клуба «Белая ладья» мы подробно расскажем позже. А сейчас отметим, что среди многочисленных наград, которыми отмечались спортивные и творческие достижения участников финала, большое внимание привлекал специальный приз чемпиона мира Гарри Каспарова, который он установил за самую красивую партию финала. Эту партию мы обязательно опубликуем.

Фестиваль дружбы

Это соревнование юных любителей шахмат уже в пятый раз организуется в Азербайджане. На этот раз в город Гаузу приехали 18 команд из Москвы, Еревана, Харькова, Могилева и Бельц. Играли, конечно, и команды ряда городов и районов республики.

Упорной была борьба за победу. Лучших результатов добились школьники из Харькова, второе место заняли москвичи, третье — ереванцы.

Интересную игру показали Игорь Аранов, десятилетняя Ильхама Кадымова (Кировабад), Илья Дуров (Москва), Ильяс Зайонц (Бельцы) и другие ребята. Среди участников соревнования было 15 перворазрядников.

Конкурс «Улыбка»

В веселые дни каникул и задания шахматные, конечно, хочется решить необычные, остроумные, быть может, даже смешные. Ну хотя бы такое...

Диаграмма № 1

Перед вами своего рода «шахматный лифт». Почему? Найдите решение и поймете, почему мы так называем эту задачу. А решается она в шесть ходов. Начиная игру, белые дают мат в шесть ходов.

Очевидное и невероятное содержит следующая позиция.

Диаграмма № 2

У черных громадный материальный перевес, но ход белых, и они могут добиться ничьей. Как это им удается? Надеемся, что и с этим хитрым заданием вам удастся справиться.

Диаграмма № 3

Все на одного! Восемь белых фигур и семь пешек преследуют черного короля. Попробуйте дать мат в два хода этому одиночке. Игру начинают белые.

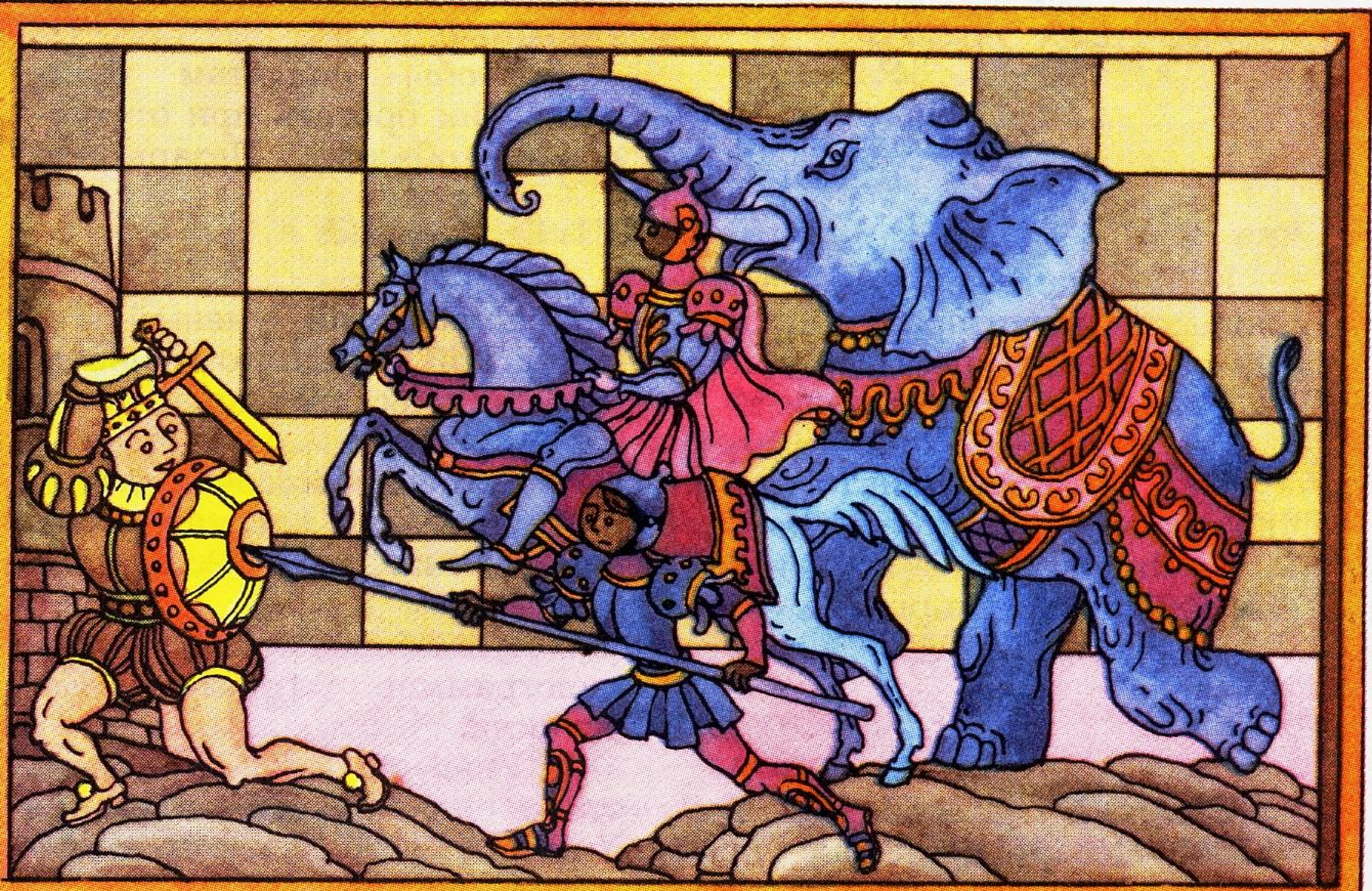
Решения надо присылать до начала учебного года. А потом мы подведем итоги конкурса и двадцать пять победителей наградим грамотами журнала и премируем книгами.

К итогам «Конкурса дружбы»

Завершен «Конкурс дружбы», объявленный болгарским журналом «Септемврийче» и нашим журналом (№ 1 за 1986 год). На конкурс пришло около двух тысяч писем, а правильные решения нашли более ста ребят.

Вот имена и фамилии тех ребят, кто получит призы болгарского журнала «Септемврийче»:

Лена Чуглазова (г. Заровшан), Сергей Огуреев (г. Урюпинск), Андрей Чашков (г. Ермак), Костя Беланов (г. Белая Калитва), Леля Визинг (г. Одесса), Юрий Николаенко (г. Семипалатинск), Владимир и Сергей Овчиннико-

вы (село Чудиново Челябинской области), Жанна Морщакова (г. Тернополь), Вера Семенко (г. Щорс), Сергей и Оксана Андреевы (село Вознесенка Красноярского края), Денис Мартынов (г. Любань), Игорь Дмитриев (п/о Черноголовка), Наташа Муха (г. Чернигов), Лена Васютина (ст. Карагуга Булаевского района), Саша Паршин (Жанааркинский р-н, Джезказганская область), Дима Малиновский (г. Троицк), Роман Пашков (г. Курган), Дима Хороменков (п. Протвино Московской области), Лена Савченко (г. В. Солда-Восточная Свердловской области), Оля Чернова (г. Томск), Азер Амирбеков (с. Али-Байрамлы), Аня Виноградова (г. Сокол), Саша Морозов (с. Гороховка Воронежской области), Лиля Шульман (г. Ленинград), Лариса Гощевская (г. Чернигов), Костя Рычков (г. Муром), Сережа Тарасенко (с. Поповка Ворошиловградской области), Таня Чапышева (г. Североуральск), Саша Ефимов (п. Гвардейский Днепропетровской области), Игорь Черкасов (г. Энгельс).

Вот как решаются конкурсные задачи.

№ 1. 1. Фd5+

№ 2. 1. Kf2

№ 3. 1. Фd5+ Kpg1 2. Фh1+ Kp:h1 3. Kpf2 4. Kg3×.

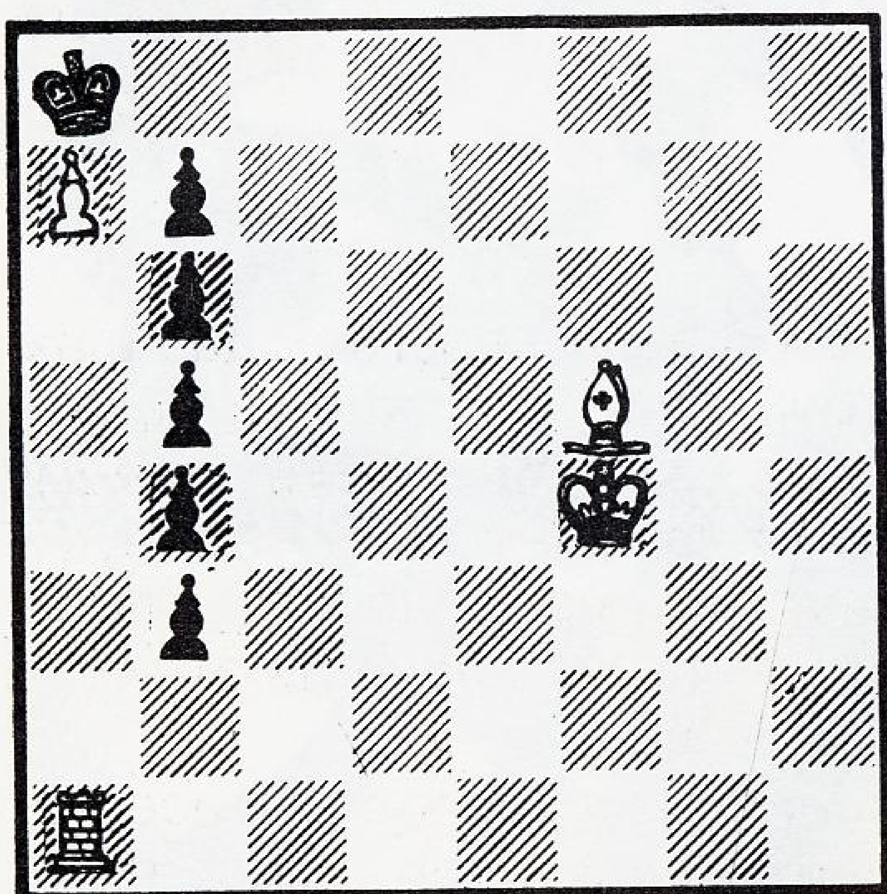

Диаграмма № 1.

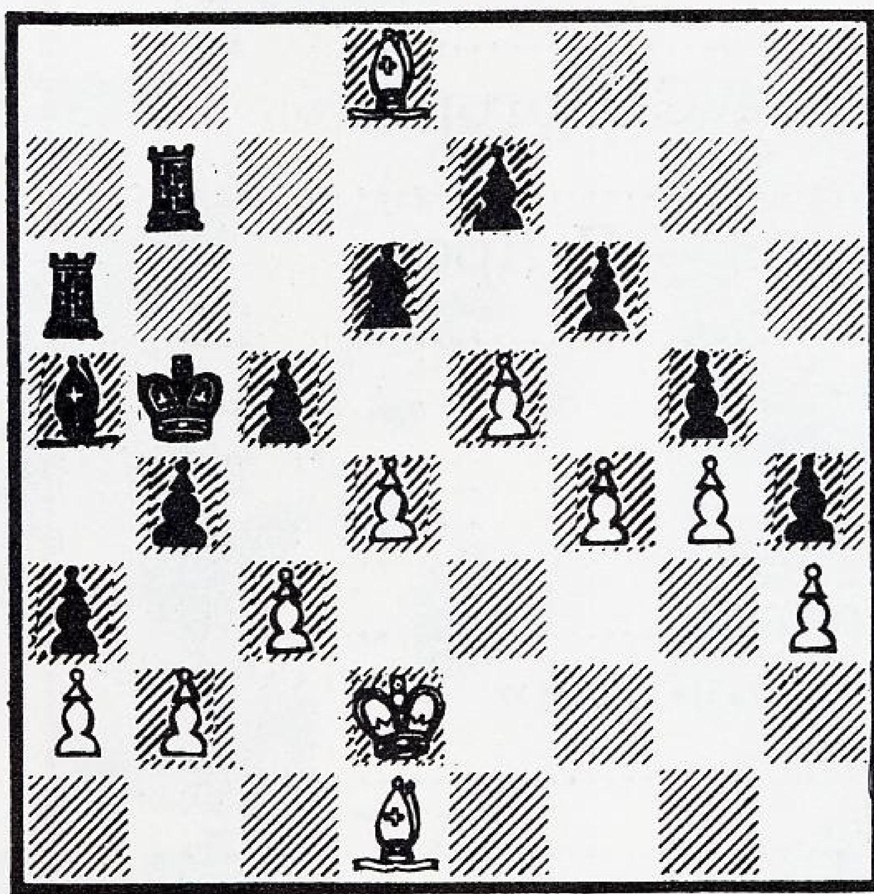

Диаграмма № 2.

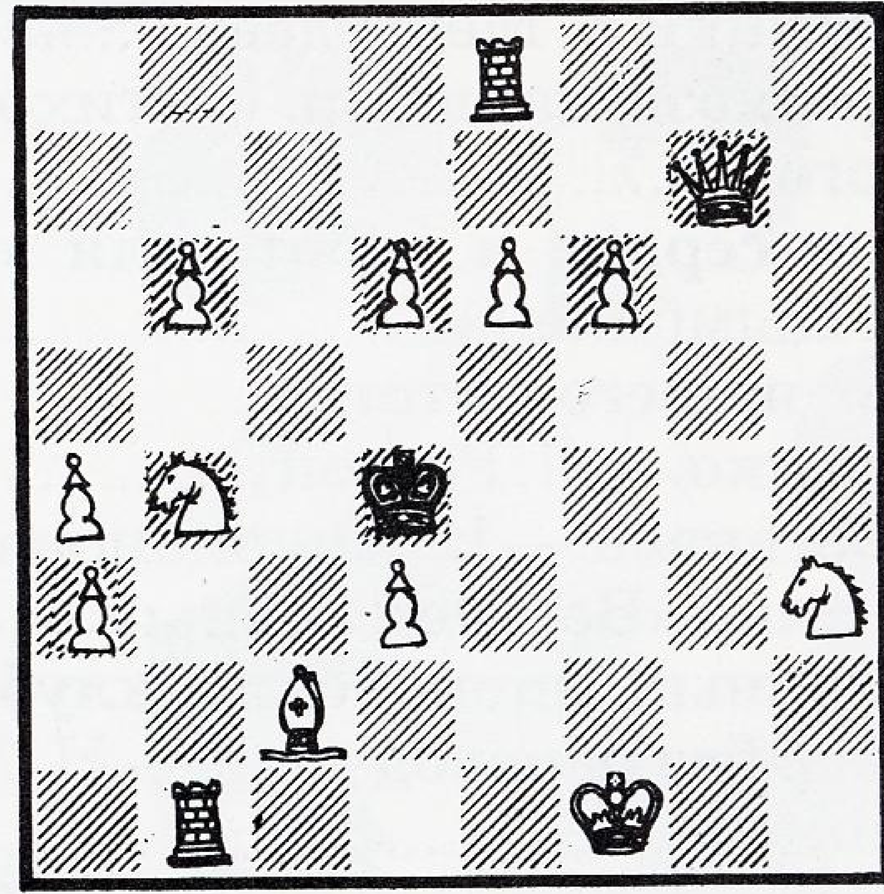

Диаграмма № 3.

Происшествия на шахматной доске

«Какие самые короткие партии были сыграны мастерами?» На этот вопрос просит ответить Володя Соломин из города Горького.

Пожалуй, самой короткой партией, встретившейся в соревнованиях, была партия Жибо-Лазар, сыгранная в одном из турниров в Париже в 1924 году.

Вот эта мини-драма: 1. d2—d4 Kg8—f6 2. Kb1—d2 e7—e5 3. d4:e5 Kf6—g4. Здесь белые должны были продолжать 4. Kgf3, что после 4... Kc6 приводило к сложной борьбе. Но белые неосторожно сыграли 4. h2—h3?, и после коварного ответа 4... Kg4—e3! им пришлось сдаться.

Если взять коня, то после 5. fe Фh4+ белые получают мат. При всех других ответах белые теряют ферзя.

А вам, ребята, приходилось играть партии-миниатюры? Пришлите нам свои короткие партии. Наиболее интересные мы поместим в журнале.

Лауреаты «Оскара»

Изящная серебряная статуэтка, изображающая девушку под зонтом... Это специальный приз Международной шахматной федерации лучшему шахматисту года — шахматный Оскар. Приз был учрежден в 1967 году.

Чаще всех других гроссмейстеров мира этот приз получал А. Карпов — девять раз. Трижды его был удостоен Г. Каспаров.

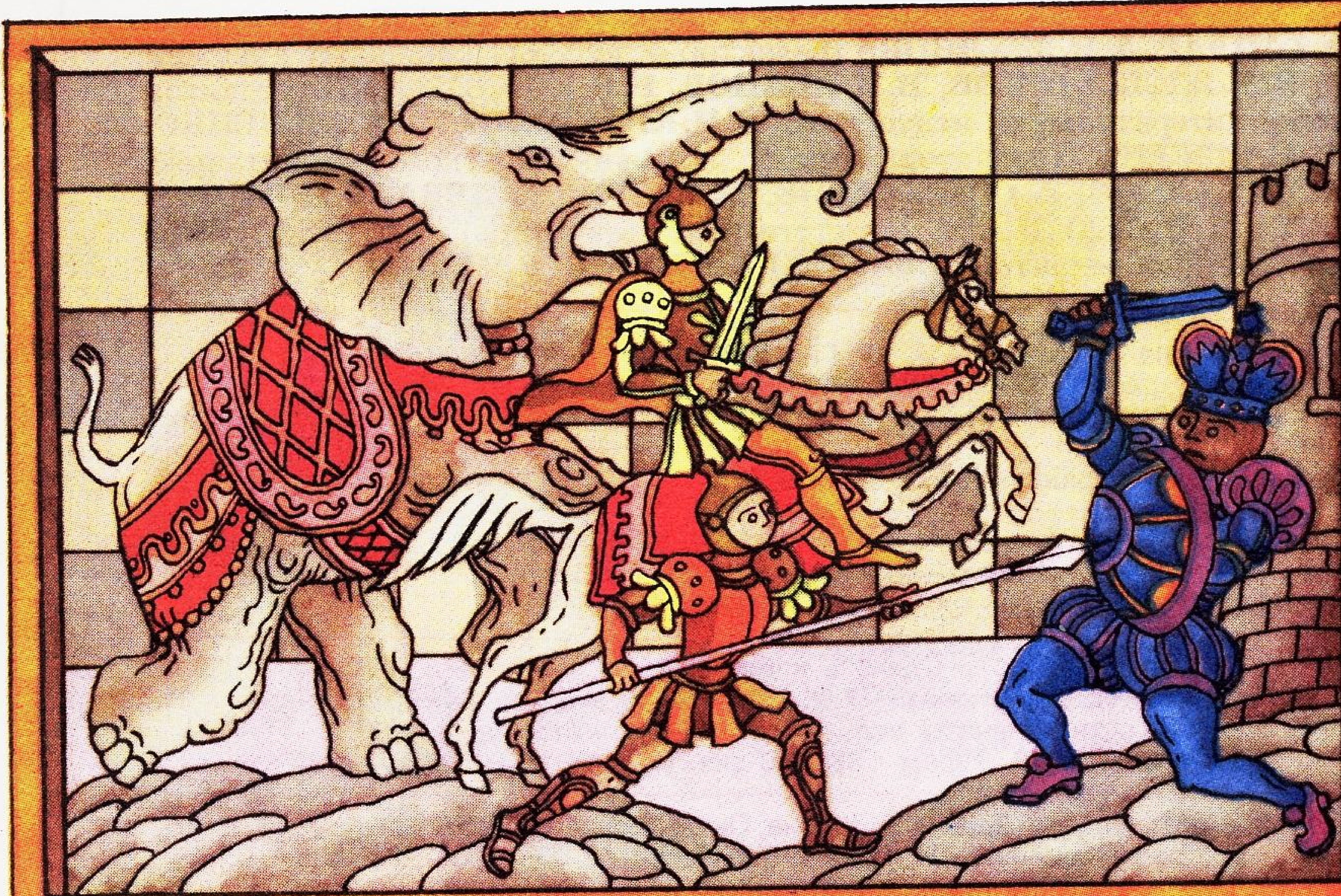
С 1982 года эта награда вручается и лучшим шахматисткам. Первой ее удостоилась Нонна Гаприндашвили, в 1983 году — Пия Крамлинг (Швеция), а в 1984 году — Майя Чибурданидзе.

Лауреатами «Оскара» в 1985 году были названы М. Чибурданидзе и Г. Каспаров.

А вот кто получит почетный приз в этом году?

Это во многом будет зависеть от результатов матча Г. Каспаров — А. Карпов, который проходит сейчас, и от предстоящего матча на первенство мира М. Чибурданидзе — Е. Ахмыловская.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Содержание

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.06.86.
Подписано к печати 17.06.86. А 10156. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 850 000 экз. Изд. № 1649. Заказ № 3121.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Деловое предложение

Ученик Жора К. в целях борьбы за экономию воды внес предложение изъять из учебника по математике задачу, где вода вливается в бассейн из трубы А и тут же без всякой пользы выливается из трубы Б.

Похвальная скромность

«Нужно быть скромным»,— подумал второгодник Саша Л. и аккуратно исправил в школьном дневнике полученную двойку не на пятерку, а всего лишь на тройку.

Забота об учителе

Трогательную заботу об учителях проявляет двоечник Коля Р.: вместе со своей очередной контрольной он вручает учи-

телю заранее приготовленную записку на имя своих родителей с приглашением явиться в школу для разговора об учебе сына. Учителю остается лишь подписать ее.

Не обманули ожиданий

— Да мы их просто шапками закидаем,— утверждали ученики 5 класса «А», вступив в соревнование за лучшую успеваемость с 5 классом «Б». И действительно закидали, сняв все наличные шапки с вешалки в школьной раздевалке.

Михаил ЯСНОВ

Ягодная скороговорка

Ежели вы нé жили
Возле ежевичника,
Но ежели вы жили
Возле земляничника,—
Значит, земляничное
Варенье вам привычное
И вовсе не привычное
Варенье ежевичное.

Но ежели вы жили
Возле ежевичника,
И ежели вы нé жили
Возле земляничника,—
Значит, ежевичное
Варенье вам привычное
И вовсе не привычное
Варенье земляничное.

Но ежели вы жили
Возле земляничника,
И ежели вы жили
Возле ежевичника,
И ежели вы времени
На лес не пожалели,—
То, значит, преотличное
Варенье земляничное,
Варенье ежевичное
Вы ежедневно ели!

Молочный водопой

Когда над крышей и трубой
Утихнет свет заката,
К нам на молочный водопой
Сбегаются зверята.

Приводит кошка трех котят—
Их ждут четыре блюдца,
И в эти блюдца норовят
Котята окунуться.

Им все не выпить до конца—
И вот на смену кошке
Лохматый ежик вдоль крыльца
Крадется по дорожке.

Когда и ежик будет сыт
По самые реснички,
К нам на ступени прилетит
Пугливая синичка.

Я занавеску отогну
И взгляд украдкой кину:
Глядит синичка в глубину—
В молочную пучину.

Потом, задрав головку, пьет,
По капельке смакуя,
Как будто песенку поет—
Да не слыхать, какую!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

«ГОРОД ГОРЬКИЙ».
Так назвал свою работу Андрей ЕЛИСТРАТОВ, 10 лет.

Алиса ШАЛФЕЕВА учится в московской школе №388, перешла в 3-й класс.

Мир

Нам нужен мир
И солнце нужно,
И небо голубого цвета,
Чтоб на Кремле сияли звезды,
Чтоб написать про все про это.
Ведь гаснут звезды не от ветра,
А гаснут звезды от войны.
Чернеет небо не от тучи—
От бомб, которые черны!
И вся планета жаждет мира—
Не только мы с тобой хотим,—
Чтоб ребятня в саду играла,
Чтоб в небе ласточка летала
И чтобы не было войны!

* * *

Как хорошо смеются дети
На всей Земле, на всей планете!
Хочу, чтоб мир вокруг царил
И чтобы счастье всем дарил!

Наташе СЕМАШКО 12 лет, живет она в Казани, стихи сочиняет давно, у нее их набралась уже целая толстая тетрадь. «Кораблик» взял на борт два Наташиных стихотворения.

Чудо

Деревья—это чудо!
Хорошие друзья!
Всю жизнь беречь их будем
Все-все, и ты, и я!

Кормилица

Яблонька купается в цвету!
Яблонька растет,
Ничто ее не сломит.
Соком яблоки нальются тут,
Будут яблоки лежать у нас в ладони!

Яблонька, кормилица ты наша,
Мы за яблоки поклонимся тебе.
Запоет в твоих ветвях малышка пташка,
Запоет на утренней заре.

«КРОСС».
Нарисовала Руслана СЕЛИВАНОВА, 12 лет.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.